

ISSN 2658-7041

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

ISSUES OF ETHNOPOLITICS

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

1
2020

ISSUES OF ETHNOPOLITICS
Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Journal “Issues of Ethnopolitics” is included in the Russian Science Citation Index.

Objectives and field of study

“Issues of Ethnopolitics” is a peer reviewed journal dedicated to current theoretical and practical problems of ethnopolitics. The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research in the field of the study of ethnopolitical and ethnocultural processes. The main focus of the publication is scientific articles devoted to research in the field of ethnopolitology and ethnosociology, nation-building, political linguistics, ethnoconflictology, migration processes, and ethnocultural diversity of Russia. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of a complex of theoretical, scientific and practical problems of the implementation of the state national policy. The journal accepts original articles for publication, comprehensive studies of Russian and foreign authors, previously unpublished research reports.

Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 23.11.2018, reg. No. FS77-74388

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

Tel: + 7 495 250 67 44

E-mail: ethnopolitic@rggu.ru

Website: <http://ethnopolitics-journal.ru>

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал «Вопросы этнополитики» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область

«Вопросы этнополитики» – рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам этнополитики. Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований в области изучения этнополитических и этнокультурных процессов. Основная направленность издания – научные статьи, посвященные исследованиям в области этнополитологии, этносоциологии, нациестроительства, политической лингвистики, этноконфликтологии, миграционных процессов, этнокультурного многообразия России. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем реализации государственной национальной политики. Редакция журнала принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23.11.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-74388 от 23.11.2018

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: + 7 495 250 67 44

Электронная почта: ethnopolitic@rggu.ru

Сайт: <http://ethnopolitics-journal.ru>

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

M.A. Omarov, Dr. of Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.M. Gadzhimuradova, Cand. of Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

A.I. Masalovich, Cand. of Physico-Mathematical Sciences, Inforus Consortium, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

O.Yu. Roldugina, Cand. of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Editorial Council

M.M. Magomedov, Dr. of Sci. (Economics), Professor, Deputy Chief of Staff of the Presidential Executive Office

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), Professor, Rector of the Russian State University for the Humanities

O.V. Melnichenko, Cand. of Sci. (History), Chairman of the Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Government and Northern Affairs

I.I. Gilmutdinov, First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Issues of Nationalities

T.V. Vagina, Head of the National Policy Department of the Internal Politics Office of Russian President Administration

V.I. Suchkov, Head of the Moscow city Committee on Interregional Relations and Nationalities Policy

V.A. Avksentev, Dr. of Sci. (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Federal Research Center “Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”

V.A. Achkasov, Dr. of Sci. (Politics), Professor, Head of the Department of Ethnopolitology, Saint-Petersburg State University

A.G. Bolshakov, Dr. of Sci. (Politics), Professor, Head of the Department of Conflict Resolution Studies, Kazan (Volga Region) Federal University

L.M. Drobizheva, Dr. of Sci. (History), Professor, Head of the Center for Inter-ethnic Relations Studies, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

- V.Y. Zorin*, Dr. of Sci. (Politics), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Scientific Interaction with Public Organizations, the Media and Authorities, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
- V.I. Kovalenko*, Dr. of Sci. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Russian Policy, Lomonosov Moscow State University
- M.Yu. Martynova*, Dr. of Sci. (History), Professor, Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
- V.A. Mikhailov*, Dr. of Sci. (History), Professor, Head of the Department of National and Federal Relations, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration
- N.M. Mukharyamov*, Dr. of Sci. (Politics), Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law, the Kazan State Power Engineering University
- O.V. Pavlenko*, Cand. of Sci. (History), Professor, Vice-Rector for Scientific Affairs at the Russian State University for the Humanities
- Yu.P. Shabaev*, Dr. of Sci. (History), Professor, Head of the Ethnography Sector, the Institute of Komi Language, Literature and History, Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
- O.F. Shabrov*, Doctor of Sci. (Politics), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Governance, the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration

Executive editors

O.Yu. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

М.А. Омаров, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.М. Гаджимурадова, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.И. Масалович, кандидат физико-математических наук, Консорциум «Инфорус», Москва, Российская Федерация (*первый заместитель главного редактора*)

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Редакционный совет

М.М. Магомедов, доктор экономических наук, профессор, Администрация Президента РФ, Москва, Российская Федерация

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Мельниченко, кандидат исторических наук, Комитет Совета Федерации ФС РФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, Москва, Российская Федерация

И.И. Гильмутдинов, Комитет Государственной думы ФС РФ по делам национальностей, Москва, Российская Федерация

Т.В. Вагина, Департамент национальной политики Управления Президента РФ по внутренней политике, Москва, Российская Федерация

В.И. Сучков, Департамент национальной политики и межрегиональных связей, Москва, Российская Федерация

В.А. Авксентьев, доктор философских наук, профессор, Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В.А. Ачкасов, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

- А.Г. Большаков*, доктор политических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Российская Федерация
- Л.М. Дробизева*, доктор исторических наук, профессор, Институт социологии Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Российская Федерация
- В.Ю. Зорин*, доктор политических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.И. Коваленко*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ю. Мартынова*, доктор исторических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.А. Михайлов*, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация
- Н.М. Мухарьямов*, доктор политических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ), Казань, Российская Федерация
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.П. Шабаев*, доктор исторических наук, профессор, Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Российская Федерация
- О.Ф. Шабров*, доктор политических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент (РГГУ)

Contents

Migration policy

- Adil M. Junusov*
Migration trends in Kazakhstan: problems and solutions 10
- Elena A. Omelchenko*
Children from migrant families in a Russian school:
adaptation problems in the context of international approaches 24

Regional models of ethnopolitics

- Alexander V. Martymenko*
Sub-ethnic factor in the ethnocultural
and ethnopolitical development of Mordovia 42

Religions and interreligious relations in Russia

- Rushan R. Gallyamov*
The politicization of the Islamic umma in Russia: process assessment,
development trends and optimization methods 53
- Arbahan K. Magomedov*
“Old” and “New” Social Mobility in the Russian North
as a Factor in the of Polar Islam (study of the phenomenon
through the cognitive potential of transgression) 66
- Alexander P. Yarkov*
On Islamic theology and Islamology in Siberia 75

Youth in the focus of ethnopolitics

- Alan L. Abaev, Anna G. Golova*
Problems of social environment research: inter-ethnic
and inter-confessional conflict in higher education institutions 85
- Yuri P. Shabaev, Natalija P. Mironova*
The phenomenon of Udmurtia-2: youth vs ethnic entrepreneurs 94

Содержание

Миграционная политика

- Адилъ М. Джунусов*
Миграционные тренды Казахстана:
проблемы и пути решения 10

- Елена А. Омельченко*
Дети из семей мигрантов в российской школе:
проблемы адаптации в контексте международных подходов 24

Региональные модели этнополитики

- Александр В. Мартыненко*
Субэтнический фактор в этнокультурном
и этнополитическом развитии Мордовии 42

Религии и межрелигиозные отношения в России

- Рушан Р. Галлямов*
Политизация исламской уммы в России: оценка процесса,
тенденции развития и способы оптимизации 53

- Арбахан К. Магомедов*
«Старая» и «новая» социальная мобильность на российском Севере
как фактор становления полярного ислама (изучение явления
через познавательный потенциал трансгрессии) 66

- Александр П. Ярков*
Об исламской теологии и исламоведении в Сибири 75

Молодежь в фокусе этнополитики

- Алан Л. Абаев, Анна Г. Голова*
Проблемы исследований социальной среды:
межэтнические и межконфессиональные конфликты в вузе 85

- Юрий П. Шабает, Наталья П. Миронова*
Феномен Удмуртии–2: молодежь vs этнические антрепренеры 94

Миграционная политика

УДК 325.1

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-10-23

Миграционные тренды Казахстана: проблемы и пути решения

Адил М. Джунусов

*Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан,
adil.dzhunusov@narhoz.kz*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы миграции в условиях глобальных вызовов современности. При анализе миграционных процессов автор придерживается теории миграции как сделки с тремя базовыми условиями. На сегодняшний день абсолютно ясно, что проблема адаптации мигрантов носит не только биологический, но и культурологический характер.

Проблемы миграции достаточно ярко можно наблюдать на примере Казахстана – крупнейшего государства Центральной Азии. Автором рассмотрены этапы развития системы адаптации мигрантов, государственные программы, иерархия государственной системы управления процессами адаптации мигрантов.

Резюмируя, автор предлагает рекомендации по решению проблем адаптации мигрантов.

Ключевые слова: Республика Казахстан, мигранты, миграция, адаптация

Для цитирования: Джунусов А.М. Миграционные тренды Казахстана: проблемы и пути решения // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 10–23. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-10-23

Migration Trends in Kazakhstan: Problems and Solutions

Adil M. Junusov

*Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan,
adil.dzhunusov@narhoz.kz*

Abstract. The article discusses migration issues in the context of global challenges of our time. When analyzing migration processes, the author adheres to the theory of migration, as a transaction with three basic conditions. Today it is absolutely clear that the problem of adaptation of migrants from a biological problem has passed into a cultural one.

Migration problems can be quite clearly seen in the example of Kazakhstan, the largest state in Central Asia. The author considers the stages of development of the migrant adaptation system, government programs, the hierarchy of the state system for managing migrant adaptation processes.

© Джунусов А.М., 2020

Summing up, the author offers recommendations for solving the problems of adaptation of migrants.

Keywords: migrants, migration, adaptation

For citation: Junusov, A.M. (2020), "Migration Trends in Kazakhstan: Problems and Solutions", *Issues of Ethnopolitics*, no. 1, pp. 10–23, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-10-23

Введение

Сегодня мы живем в мире серьезных социальных потрясений, которые и являются движущей силой великого переселения народов. По данным ООН, в мире каждый год от голода и плохого питания умирает 1 млн человек, в то время как от ожирения и сопутствующих заболеваний – более 3 млн человек. 850 млн человек на планете недоедают, и более 2 млрд человек имеют избыточный вес. От инфекционных болезней (СПИД, лихорадка Эбола, свиной и птичий грипп) с начала их появления умерло свыше 30 млн человек, что совокупно равно потерям мирного населения в годы Второй мировой войны. И еще немаловажный факт: засушливые земли занимают 30% поверхности нашей планеты, на них располагаются 100 стран с населением свыше 2 млрд человек. При таких темпах опустынивания к 2025 г. каждый пятый житель Земли будет проживать на территории, подверженной засухе, нехватке воды и продовольствия. Конечно же, указанные факторы являются и будут оставаться движущей силой миграции. По прогнозам ООН, к 2045 г. около 130 млн человек вынуждены будут сменить страну проживания.

В XXI в. миграционные потрясения станут одной из глобальных проблем человечества. А глобальные проблемы требуют глобальных решений.

Сегодня возрастающее число мигрантов вызывает у принимающих стран смешанные реакции и жесткие споры об идентичности и будущем регионов. Большая часть населения принимающих стран ратует за закрытие границ, ограничение иммиграции, другая часть призывает к политике «открытых ворот». На одной чаше весов, таким образом, оказываются идеалы мультикультурализма и толерантности, на другой – рационализм в целях предотвращения катастрофы. В этих спорах стороны перестают слышать и понимать друг друга.

При анализе современных миграционных процессов мы придерживаемся мнения о том, что сущность иммиграция может быть представлена как сделка, предполагающая соблюдение трех базовых условий: принимающая сторона позволяет иммигрантам войти на свою территорию; иммигранты принимают основные нормы и ценности принимающей стороны; при успешной адаптации и ассимиляции иммигранты становятся полноправными гражданами страны.

Каждое из указанных условий вызывает ожесточенные дискуссии.

Первая дискуссия ведется вокруг вопроса: «Принимать мигрантов – это долг или милость государства?». Сторонники иммиграции утверждают, что миграционные процессы остановить невозможно, и вместо строительства новых шлагбаумов лучше легализовать миграцию и открыто решать ее вопросы. Противники иммиграции, в свою очередь, считают ее привилегией, а включение иммигрантов в экономику страны – милостью.

Вторая дискуссия – вокруг вопросов: «Каковы границы или минимальные требования к ассимиляции? Должны ли они касаться одежды, вероисповедания, гендерных и иных предпочтений?».

Наконец, в центре третьей дискуссии проблема: «Сколько времени должно пройти, чтобы принимающая страна начала относиться к иммигрантам как к своим гражданам? Несколько лет или десятков лет, или поколений?».

Условия данной сделки в современном мире не соблюдаются: иммигранты не выполняют второе условие (не желают ассимилироваться, нетерпимы к другим культурам). В свою очередь, принимающая сторона не выполняет третье условие (не признает иммигрантов полноправными гражданами). Это ставит под сомнение возможность выполнения первого условия (прием мигрантов).

Попытаемся теоретически рассмотреть этот вопрос в другом ключе. Когда мы обсуждаем проблему миграции и адаптации, то исходим из предположения, что все культуры человечества, так или иначе, равны. Сегодня стало очевидно, что проблема адаптации уже давно перешла с биологической плоскости в культурологическую. Абсолютное большинство людей уже не считает, что уровень преступности или конфликтности человека зависит от цвета кожи или разреза глаз. По сути, это глубокий сдвиг в мышлении.

Однако и в этом вопросе есть курьезы. Например, сторона, принимающая мигрантов, декларирует и требует, чтобы так называемые «другие» приняли их культуру, и тогда принимающая сторона будет готова принять их как равных себе. Конечно же, нельзя однозначно сказать, что такое требование всегда оправдано. Во многих случаях это даже невозможно. Как можно, например, убедить приехавших из патриархальных общин людей в том, что однополые браки, распространенные в Европе, допустимы? А парад сексменьшинств – это проявление свободы духа. С этим надо смириться и принять. Все эти утверждения, конечно, не укладываются в статистические стереотипы. Но споры об иммигрантах и их адаптации можно и нужно решать при опоре на демократические процедуры.

Рассмотрим проблемы миграции на примере Казахстана – самого крупного государства Центральной Азии. Центральная Азия – это территория, расположенная между Алтаем и Гималаями, огражденная высокими хребтами, удаленная от океанов и характеризующаяся господством пустынных ландшафтов. К странам региона относятся Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Кыргызстан.

Рис. 1. Республика Казахстан на карте мира

Площадь Казахстана составляет 2 724 902 кв. км. Страна занимает 9-е место в мире по территории, 2-е место (после России) среди стран СНГ. Это крупнейшее в мире государство, не имеющее выхода к Мировому океану. При этом Казахстан занимает 74-е место в списке стран по численности населения (18,4 млн человек), и 184-е место в списке стран по плотности населения (чуть более 6,72 человек на кв. км).

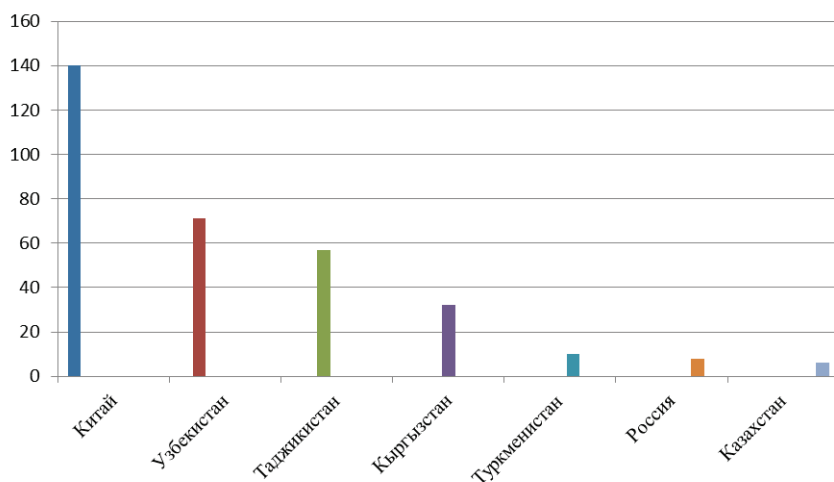

Рис. 2. Плотность населения Казахстана по сравнению с соседними странами

К тому же существует диспропорция по плотности населения внутри страны – густонаселенный Юг и малонаселенный Север. Уменьшению населения северных областей способствует также Программа освоения Дальнего Востока России.

В настоящее время в Казахстане приняты восемь государственных программ развития, для реализации которых требуются квалифицированные кадры. Необходим приток рабочей силы.

По данным экспертов, ежегодно в Казахстан прибывает 140 тыс. трудовых мигрантов из Узбекистана, 80 тыс. из Кыргызстана¹. Казахстан стал более привлекательным для иностранных мигрантов. По данным министерства внутренних дел, за пять лет в рейтинге Decoding Global Talent 2018 страна поднялась со 129-го места на 77-е².

В настоящее время официально в Казахстане работают 1 млн 200 тыс. трудовых мигрантов. Кроме того, имеются основания утверждать о 300 тыс. нелегальных мигрантов³. При численности населения Казахстана 18,5 млн человек 6,4% населения составляют мигранты.

В топ-стран, из которых трудовые мигранты приезжают в Казахстан, входят: Азербайджан, Армения, Грузия, Молдова, Таджикистан, Узбекистан и Украина.

Средний возраст лиц, прибывающих в Казахстан на заработки, – от 21 до 40 лет.

Согласно Государственной программе индустриально-инновационного развития, в республике на 2015–2019 гг. было запланировано строительство и развитие около 35–40 приоритетных объектов промышленности⁴. Понятно, развитие промышленности – это, в основном, горнодобывающая и нефтяная отрасли, строительство дорог, требует привлечения значительного количества трудовых ресурсов. С населением, 58% которого проживает в городах, а 42% –

¹Казистаев Е. К 2050 г. население южных регионов страны будет в 4 раза превышать население северных областей [Электронный ресурс] // Курсив. 30.03.2017. Официальный сайт. URL: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2017-03/k-2050-godu-naselenie-yuzhnykh-regionov-strany-budet-v-4-raza-prevyshat> (дата обращения 08.08.2019).

²«Левада-центр»: более 70% респондентов выступают за ограничение притока трудовых мигрантов [Электронный ресурс] // Новая газета. 18.09.2019. Официальный сайт. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2019/09/18/155412-levada-tsentr-bolee-70-rossiyan-vystupayut-za-ogranichenie-pritoka-trudovyh-migrantov> (дата обращения 05.10.2019).

³Что происходит с программой переселения казахстанцев-южан на север? [Электронный ресурс] // Караван. 06.07.2020. Официальный сайт. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/chto-proiskhodit-s-programmojj-pereseleniya-kazahstancevyuzhan-na-sever-402356/> (дата обращения 05.10.2019).

⁴Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы [Электронный ресурс] // Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/ru/documents/gosprograms/industrial> (дата обращения 07.07.2019).

в сельской местности, освоить огромный ресурсный потенциал невозможно. Только для примера: на строительство казахстанского участка транспортного коридора «Западный Китай–Западная Европа» стоимостью 15 млрд долл. потребовалось привлечь более 30 тыс. китайских рабочих. Объекты были сданы своевременно и после завершения строительства китайские рабочие возвратились на родину.

В настоящее время в горнодобывающей и углеводородной промышленности, по предварительным подсчетам, работают, кроме китайцев, индусы, арабы, филиппинцы, причем многие привлекаются на работу вахтовым методом. Однако даже при этом страна нуждается в людских ресурсах.

Таким образом, потенциал для иммиграции в Казахстане – достаточно велик. Одну из ниш на протяжении 20 лет заполняют оралманы – этнические казахи, возвращающиеся на историческую родину. С 1998 г. их прибыло более 1 млн человек. Основная задача – привлечь репатриантов и не спровоцировать массовый отток тех, кто уже вернулся на историческую родину.

Следует отметить, что для Казахстана выгодно привлекать казахов, по разным причинам находящихся за пределами исторической родины.

Начало формы

По желанию этнических казахов и членов их семей, до присвоения статуса оралмана, они могут разместиться в центрах временного размещения. Согласно Правилам первичного расселения этнических казахов и членов их семей, центр временного размещения – это жилище, предназначенное для временного проживания этнических казахов и членов их семей до получения статуса оралмана⁵.

В случае получения статуса оралмана этнический казах и члены его семьи могут по желанию поселиться в Центре адаптации и интеграции оралманов, учреждаемом местным исполнительным органом и предназначенным для оказания оралманам, членам их семей адаптационных и интеграционных услуг и временного проживания⁶.

⁵Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 22 июля 2013 года № 328-п-м «Правила первичного расселения этнических казахов и членов их семей, по их желанию, до присвоения статуса оралмана в центрах временного размещения» [Электронный ресурс] // Сайт «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62044 (дата обращения 25.11.2019).

⁶Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 22 июля 2013 года № 330-п-м «Об утверждении Правил деятельности центров адаптации и интеграции оралманов, Правил деятельности центров временного размещения» [Электронный ресурс] // Сайт «Учет. Законодательство». URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V1400009201> (дата обращения 22.10.2019).

Адаптационными и интеграционными услугами является комплекс информационных, юридических, социальных, медицинских и образовательных услуг, предоставляемых оралманам и членам их семей в целях адаптации и интеграции в казахстанское общество.

В Казахстане оралманам и членам их семей бесплатно оказываются следующие услуги:

- предоставление информационных и справочных услуг;
- предоставление услуг по переводу;
- помощь в трудоустройстве, профессиональной подготовке, переподготовке и повышении квалификации;
- проведение курсов обучения по истории, культуре и традициям Республики Казахстан, основам законодательства и открытию малого бизнеса;
- проведение различных культурных мероприятий;
- оказание правовой помощи (советы, консультации и помощь в регистрации, подаче заявления на включение в региональную квоту приема оралманов, получение гражданства, социальных пособий);
- содействие в вопросах приобретения казахстанского гражданства и документирования пребывания в Республике;
- содействие в получении гарантированного объема бесплатной медицинской помощи;
- обучение государственному и русскому языкам;
- содействие в получении государственной адресной социальной помощи.

Центр обеспечивается методическими пособиями и материально-техническим оснащением, необходимым для проведения обучающих курсов оралманов. В настоящее время в стране функционируют 14 таких центров.

Этапы развития системы адаптации

С 2008 по 2011 г. действовала Программа «Нурлы кош» (каз. Нұрлы көш; букв. «светлая кочёвка», «светлый переезд») – Государственная программа Республики Казахстан для рационального расселения и содействия в обустройстве этническим иммигрантам; бывшим гражданам Казахской ССР, прибывшим для осуществления трудовой деятельности на территории Республики Казахстан; гражданам Казахстана, проживающим в неблагополучных районах страны⁷.

В настоящее время вместо Программы «Нурлы Кош» действует Программа «Дорожная карта занятости 2020», цель которой – обу-

⁷Программа «Нұрлы көш». Утверждена Постановлением Правительства Республики Казахстан от 2 декабря 2008 года № 1126 [Электронный ресурс] // Сайт «Континентр». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31092506 (дата обращения 22.11.2019).

чение и трудоустройство населения, помощь в открытии и развитии новых бизнесов, оптимальное распределение трудовых ресурсов в стране, поддержка занятости населения РК, недопущение роста уровня безработицы.

Для оказания помощи оралманам при областных акиматах создаются Советы оралманов, которые занимаются изучением и решением вопросов оралманов в новых условиях проживания.

Создана и совершенствуется информационная база данных «Оралман», которая в дальнейшем будет интегрирована в создаваемую единую информационную систему социальной сферы, что позволит оперативно оказывать этническим иммигрантам полный перечень социальных услуг.

Осуществляются проекты по решению жилищных вопросов. Так, в городе Шымкенте для организации компактного проживания оралманов на основе привлечения к строительству самих переселенцев и использованию местных строительных материалов ведется строительство 2 тыс. коттеджей в новом микрорайоне «Асар». В Алматы реализуется проект «Байбесик» по возведению 185 домов; в Нур-Султане разработан проект строительства микрорайона «Нурбесик».

Кроме того, по Государственной программе развития продуктивной занятости и массового предпринимательства «Еңбек» почти 2 тыс. семей переселились в 2018 г. на север Казахстана.

Государственная система управления процессами адаптации мигрантов представлена следующей иерархией:

- 1-й уровень – Правительство РК;
- 2-й уровень – Министерство иностранных дел РК;
- 3-й уровень – Комитет по миграции, Министерство здравоохранения РК, Министерство образования и науки РК;
- 4-й уровень – местные исполнительные органы;
- 5-й уровень – Государственная корпорация «Правительство для граждан».

В указанной иерархии:

- Правительство Республики Казахстан определяет регионы для расселения оралманов;
- Министерство иностранных дел Республики Казахстан информирует этнических казахов о регионах расселения оралманов, принимает, регистрирует документы иммигрантов, оформляет визы на въезд в Республику Казахстан на постоянное место жительства;
- Уполномоченный орган по вопросам миграции населения вносит предложения в Правительство Республики Казахстан об определении регионов для расселения оралманов; определяет порядок присвоения статуса оралмана; определяет порядок деятельности центров адаптации и интеграции оралманов, центров временного размещения;
- Уполномоченный орган в области здравоохранения вводит карантин в центрах адаптации и интеграции оралманов, центрах временного размещения в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан;

- Уполномоченный орган в области образования выделяет этническим казахам и оралманам образовательные гранты для поступления на учебу в организации образования Республики Казахстан; обеспечивает учебниками и учебно-методическими комплексами этнических казахов, обучающихся в общеобразовательных учреждениях за рубежом;
- местные исполнительные органы власти оказывают содействие в трудоустройстве, профессиональной подготовке, переподготовке и повышении квалификации; создают условия для изучения казахского языка; предоставляют земельные участки для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства и дачного строительства, а также крестьянского или фермерского хозяйства;
- государственная корпорация «Правительство для граждан» – юридическое лицо, созданное по решению Правительства Республики Казахстан для организации работы по приему заявлений на оказание государственных услуг и выдаче их результатов услугополучателю по принципу «одного окна», а также для обеспечения оказания государственных услуг в электронной форме.

В соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан оралманам определены следующие меры государственной поддержки (табл. 1).

Таблица 1

Правовая регламентация
государственной поддержки оралманов

Меры государственной поддержки	Нормативный акт
Освобождение при въезде на территорию РК от уплаты таможенных платежей на имущество для личного пользования, включая транспортные средства	Закон Республики Казахстан «О миграции населения», ст. 23
Получение разрешения на постоянное проживание в РК в упрощенном порядке, без подтверждения своей платежеспособности и независимо от вида визы, включая студентов из числа этнических казахов	Закон Республики Казахстан «О миграции населения», ст. 23, 33
Обеспечение бесплатными адаптационными и интеграционными услугами в центрах адаптации и интеграции оралманов	Закон Республики Казахстан «О миграции населения», ст. 23
Временная регистрация в центрах адаптации и интеграции оралманов, центрах временного размещения при отсутствии служебного или собственного жилища на срок не более одного года	Закон Республики Казахстан «О миграции населения», ст. 26

Окончание табл. 1

Меры государственной поддержки	Нормативный акт
Обеспечение мерами по содействию занятости	Закон Республики Казахстан «О занятости населения», ст. 5
Обеспечение медицинской помощью	Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения», ст. 34
Обеспечение местами в школах и дошкольных организациях	Закон Республики Казахстан «О миграции населения», ст. 23
Получение образования в рамках квот на поступление в учебные организации технического и профессионального послесреднего и высшего образования	Закон Республики Казахстан «Об образовании», ст. 26
Получение адресной социальной помощи, госпособий на детей и спецгоспособий	Законы Республики Казахстан: «О государственной адресной социальной помощи», ст. 2; «О государственных пособиях семьям, имеющим детей», ст. 2; «О специальном государственном пособии в РК», ст. 3
Пенсионное обеспечение	Закон Республики Казахстан «О пенсионном обеспечении в РК», ст. 2
Получение земельного участка на правах временного безвозмездного землепользования для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, дачного строительства, а также для ведения крестьянского или фермерского хозяйства и товарного сельхозпроизводства	«Земельный кодекс РК», ст. 46
Получение жилища из фонда коммунальной собственности местных исполнительных органов	Закон Республики Казахстан «О жилищных отношениях», ст. 68
Получение гражданства РК в упрощенном (регистрационном) порядке, включая студентов из числа этнических казахов	Закон Республики Казахстан «О гражданстве РК», ст. 16-1

В сфере миграции и адаптации репатриантов действуют следующие законы и нормативные правовые акты:

- Закон Республики Казахстан от 22 июня 2011 г. № 477-IV «О миграции населения»;
- Закон Республики Казахстан от 20 декабря 1991 г. № 1017-XII «О гражданстве Республики Казахстан»;

- Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 482-V «О занятости населения»;
- Закон Республики Казахстан от 19 июня 1995 г. № 2337 «О правовом положении иностранцев»;
- Постановление Правительства Республики Казахстан от 18 февраля 2016 г. № 83 «Об определении регионов для расселения оралманов и переселенцев»;
- Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 г. № 919 «Об утверждении Программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 гг.»;
- Приказ и. о. Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 15 января 2016 г. № 20 «Об утверждении Правил включения в региональную квоту приема оралманов и переселенцев».

Проблемы адаптации мигрантов

Адаптация приезжающих к новым реалиям – основная проблема, причем, двусторонняя. Важную роль здесь играет восприятие мигрантов местным населением.

В 2018 г. стартовал трехгодичный проект международной организации по миграции (МОМ) по интеграции мигрантов, направленный на уменьшение уязвимости мигрантов в Казахстане.

В 2019 г. запущен проект, финансируемый Министерством иностранных дел Королевства Норвегии, который охватывает десять городов Казахстана. В пяти из них НПО работают в области интеграции уязвимых мигрантов в принимающее сообщество, а в пяти других проводится информационная работа среди населения по повышению уровня осведомленности в вопросах защиты прав мигрантов и в противодействии торговле людьми.

Мигрант – участник проекта – получит помощь в виде образования: курсы изучения языка и получение профессии. Для каждого индивидуально составлен бизнес-план, закуплено оборудование. В результате мигранты получают такие профессии, которые позволяют открыть свой бизнес и начать зарабатывать.

Данная модель сейчас адаптируется во всех странах Центральной Азии. Но проблемные зоны у всех разные. К примеру, если в Казахстане в большей степени встречаются мигранты без документов и РК выступает как принимающее сообщество, то в других странах люди больше нуждаются в реинтеграции после возвращения на родину.

Для популяризации такой модели интеграции в трех городах Казахстана – Костаная, Шымкенте, Петропавловске – создаются три пилотных миграционных совета. Их участники обсудят данную интегративную модель.

Отметим, в реинтеграции нуждаются не только переселенцы из других стран, но и внутренние мигранты, которые при переезде попали в трудную ситуацию.

Конечно, в адаптации нуждаются не только оралманы. Для иммигрантов, вне зависимости от их национальности, государство должно обеспечивать приемлемые условия, необходимые для их интеграции в экономику и социум. Меры, принимаемые государством, не всегда эффективны. Так, в стране появился институт «черного посредничества», то есть фирмы, которые работают неправовыми методами, забирая, по неофициальным данным, до четверти заработной платы гастарбайтеров. Причем некоторые мигранты предпочитают работать, прибегая к услугам черных посредников, нежели официально трудоустроиться.

О неэффективности мер государственного регулирования миграции свидетельствует хотя бы тот факт, что только в текущем году в стране произошло четыре серьезных конфликта между местным населением и трудовыми мигрантами.

Основные проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются трудящиеся мигранты, в большинстве случаев связаны с низким уровнем информированности о казахстанском миграционном законодательстве. Все это, в свою очередь, влечет за собой трудности как в устройстве на работу, так и в оплате труда, получении медицинской и социальной помощи.

Главное, о чем мы не должны забывать в настоящее время: дискуссии по вопросам миграции – это не противостояние светлого и темного. Защитники свободной миграции не правы, отождествляя противников иммиграции с проявлениями крайнего национализма; в то же время противники иммиграции преувеличивают свои страхи, связанные с потерей собственной культуры вследствие иммиграции. Демократия проявляется в том, чтобы совместить оба направления.

Вне зависимости от избранного механизма нужно учитывать два ключевых момента:

- ни одно правительство в вопросах иммиграции не должно идти против воли местного населения, поскольку включение мигрантов в экономику невозможно без поддержки местного населения (исключение составляет лишь спасение беженцев из соседних стран);
- даже если граждане обладают правом возражать против вхождения иммигрантов, необходимо помнить, что существуют обязанности по отношению к человечеству в целом, и к иностранцам в частности.

Однако на практике, как показывают результаты социологических опросов, 46% населения не считают работу мигрантов полезной для общества, 63% населения считают присутствие мигрантов в городах чрезмерным, 72% жителей территорий хотели бы, чтобы правительство ограничило приток трудовых мигрантов [Суянобаев, Узбеков, 2019].

В таких условиях реализовывать либеральный пакет по отношению к мигрантам – очень сложная задача.

Реализация по схеме: мигранты адаптируются к местному населению, и местное население адаптируется к мигрантам – тоже сверхсложная задача.

Казахстанцам – легче. В республику прибывают мигранты из соседних стран, где языковая и культурологическая составляющие во многом совпадают. Исключение составляют разве только мигранты из Китая.

России – сложнее. Так как заселять ее территорию могут либо граждане бывшего СССР, либо китайцы. При этом, если первые могут и будут адаптироваться к России, то вторые будут адаптировать Россию под собственную цивилизацию [Harari 2019].

Таким образом, необходимо принять миграцию как естественный экономический процесс и следовать следующим рекомендациям:

- при анализе миграционных процессов использовать экономический и социально-психологический подходы к изучению человеческого поведения;
- способствовать позитивному восприятию страны для внутренней аудитории, в том числе на уровне социально-психологических установок;
- с целью прекращения спекуляций и манипуляций со статистикой – привести в порядок систему статистического учета миграционных процессов, статистические данные отображать в открытом доступе;
- сконцентрировать усилия на молодежном сегменте, особенно активизировать работу с молодым поколением до 15 лет.

Необходимо упорядочить внутреннюю миграцию, в том числе:

- упростить порядок регистрации по месту пребывания;
- активизировать программы повышения качества среднего специального и среднего образования в сельских населенных пунктах страны;
- решать проблему эффективной социокультурной адаптации мигрантов в больших городах посредством культурных и образовательных ресурсов, основы которых должны быть сформированы специалистами педагогической и психологической сфер.

Литература

- Суяунбаев, Узбеков, 2019 – *Суяунбаев М.Н., Узбеков Д.С.* Геополитические особенности Центральной Евразии. Бишкек, 2019. 300 с.
- Harari 2019 – *Harari Yu.N.* 21 Lessons for the 21st Century. Sindbad Publishers Ltd., 2019. 416 p.

References

- Suyunbaev, M.N., Uzbekov, D.S. (2019), *Geopoliticheskie osobennosti Tsentral'noi Evrazii* [Geopolitical features of Central Eurasia], Bishkek, Kyrgyzstan, 300 p.
- Harari, Yu.N. (2019), *21 Lessons for the 21st Century*, Sindbad Publishers Ltd., 2019, 416 p.

Информация об авторе

Адил М. Джунусов, доктор политических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан; 050035, Казахстан, Алматы, ул. Жандосова, д. 55; adil.dzhunusov@narhoz.kz

Information about the author

Adil M. Jumusov, Dr. of Sci. (Political sciences), Narхоз University, Almaty, Republic of Kazakhstan; bld. 55, Zhandosov Str., Almaty, Kazakhstan, 050035; adil.dzhunusov@narhoz.kz.

Дети из семей мигрантов в российской школе:
проблемы адаптации
в контексте международных подходов

Елена А. Омельченко

*Московский государственный педагогический университет,
Москва, Россия, etno1@dol.ru*

Аннотация. В современном мире около 36 млн детей школьного возраста растут в семьях международных мигрантов. Это число продолжает увеличиваться. Образование этих детей – важный долгосрочный стратегический приоритет и инвестиция в будущее всего мира. В статье рассматриваются проблемы образования детей из семей мигрантов в контексте необходимости достижения Целей в области устойчивого развития (ЦУР), установленных международным сообществом в «Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года». Проводится сравнительный анализ опыта России и других стран в области обеспечения доступа к дошкольному, начальному и среднему образованию, языковой и социально-культурной адаптации мигрантов.

Ключевые слова: международная миграция, устойчивое развитие, доступ к образованию, образование детей мигрантов, право на образование, адаптация и интеграция мигрантов, межкультурная компетентность

Для цитирования: Омельченко Е.А. Дети из семей мигрантов в российской школе: проблемы адаптации в контексте международных подходов // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 24–41. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-24-41

Children from migrant families in a Russian school:
adaptation problems
in the context of international approaches

Elena A. Omelchenko

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, etno1@dol.ru

Abstract. Nearly 36 million of school age children grow in the families of international migrants, and that index continues to grow. It is an important strategic priority to educate such children. Education is an investment into the future of the whole world. Problems of the education of children from migrants' families are described in the context of the importance of achieving Sustainable Development Goals named in the 2030 Agenda for Sustainable Development. There is a comparative analysis of the experience of Russia and foreign countries: how they organize the access of migrants' children to pre-school, primary and secondary education, their linguistic, social and cultural adaptation.

Keywords: International migration, sustainable development, access to education, education of migrants' children, right for education, adaptation and integration of migrants, intercultural competence

For citation: Omelchenko, E.A. (2020), "Children from migrant families in a Russian school: adaptation problems in the context of international approaches", *Issues of Ethnopolitics*, no. 1, pp. 24–41, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-24-41

Введение

В сентябре 2015 г. Российская Федерация поставила свою подпись под обязательством выполнения Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г., утвержденной на 70-й Генеральной ассамблее ООН. Данный документ дает следующее определение понятию «устойчивое развитие»: *«развитие, отвечающее потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности»*. Он также формулирует 17 стоящих перед человечеством глобальных целей и 169 соответствующих им задач. Обеспечение всеобщего качественного образования – одно из непереносимых условий устойчивого развития. Поэтому четвертая глобальная цель Повестки дня в области устойчивого развития сформулирована следующим образом: *«обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»*¹.

Цифры и факты

В связи с непростой миграционной ситуацией, складывающейся в современном мире, проблематика обучения детей из семей мигрантов приобретает все большее значение. С начала XXI в. доля детей иностранного происхождения среди учащихся образовательных школ в большинстве государств Европы стабильно растет². В основном детей мигрантов становится больше за счет выходцев из стран Азии и Африки, при этом увеличивается доля именно тех детей, для которых язык, на котором организовано обучение в стране, не является родным. Также следует отметить, что большая часть новых учеников из семей мигрантов – дети из мусульманских семей, т. е. исповедуют религию, отличающуюся от религии большинства принимающего населения. Поэтому задачей системы образования становится не

¹Глобальная программа действий по образованию в интересах устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.unesco.org/node/280943> (дата обращения 13.12.2019).

²OECD Thematic Review on Migrant Education. Country Background Report for Austria. March, 2009. URL: www.oecd.org/education (дата обращения 12.08.2019) (дата обращения 05.03.2019).

только повышение грамотности и сокращение разрыва в уровнях образования в определенных слоях населения, но и профилактика конфликтов на религиозной и национальной почве, формирование межкультурной компетентности, воспитание готовности к диалогу с представителями иных этносов, выросшими в разных этнокультурных и этнополитических условиях.

Усиление миграционных потоков и сравнительно высокие темпы воспроизводства «иммигрантского» населения приводят к росту числа учащихся иностранного происхождения в общеобразовательных школах. Эта тенденция характерна и для Российской Федерации, в особенности для крупных городов. Этносоциальная структура ряда районов и городов становится все более разнообразной, увеличивается и культурное многообразие – в основном, за счет этнических групп, чьи установки и культурные нормы отличаются от таковых у принимающего населения. С начала 1990-х по начало 2000-х гг. большинство мигрантов въезжали в Россию из государств Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан), а также из Молдовы, Беларуси и Украины. В середине 2000-х гг., с 2000 по 2012 г., векторы поменялись: с 19 до 39% выросла доля мигрантов, прибывающих из ряда стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан) [Чудиновских 2014, с. 37]. Процент иммигрантов русского происхождения, наоборот, сократился с 61% в 1993–2000 гг. до 33% в 2007 г. [Рязанцев 2014, с. 25]. К 2013 г. 73,9% всех иностранных мигрантов, вставших на миграционный учет, приехали из стран СНГ. Среди них доля жителей государств среднеазиатского региона составила более 66% (большая часть, около 45% – из Узбекистана, примерно 20% – из Таджикистана и около 7% – из Кыргызстана). Продолжает стабильно расти процент иммигрантов, прибывающих в Россию из Китая и Вьетнама и оседающих, в основном, на восточных территориях нашей страны.

В экспертном сообществе нет единого мнения касательно доли семейной миграции в общих иммиграционных потоках. К сожалению, достоверные статистические данные по этому вопросу, а также по числу детей школьного возраста из семей мигрантов, проживающих на территории РФ, собрать невозможно, поскольку они не публикуются в открытом доступе. Но автор настоящей статьи, наблюдая за складывающейся ситуацией на протяжении последних пятнадцати лет и анализируя различные источники, полагает, что число детей из семей мигрантов в российских школах составляет примерно 700–800 тыс. человек. Большинство из них приехали из сопредельных стран: Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, с 2014 г. – также из Украины. В меньшей степени, но также представлены среди учащихся дети из Молдовы, Турции, Китая, Вьетнама, Армении, Азербайджана, Афганистана, Казахстана, Туркменистана, Грузии, ряда африканских стран³.

³ Автор опирается на данные Министерства внутренних дел Российской Федерации (Главное управление по вопросам миграции) [Электронный ресурс]. URL: https://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazh/item/5850/ (дата обращения 30.09.2019).

*Доступ к образованию:
международный и российский опыт*

На основании целого ряда международных нормативных документов право на образование является одним из базовых прав человека и ребенка. К сожалению, данное право во многих странах мира не реализуется в полной мере, даже на уровне элементарного доступа к образованию. В начале XXI столетия в мире произошли позитивные сдвиги: в большинстве стран доступ стал обязательным, но равенство доступа и качество образования обеспечиваются далеко не везде⁴. Во многих государствах дети из семей мигрантов получили доступ к образованию, но только к начальному или другим базовым его уровням⁵. Вид миграции, осуществленной семьей ребенка, оказывает значительное влияние на правовые препятствия, с которыми могут столкнуться дети при поступлении в школу. В различных странах ситуация складывается по-разному. Наиболее значительные барьеры для доступа к системе образования приходится преодолевать детям нелегальных мигрантов; детям без сопровождения; детям мигрантов, не имеющих гражданства; детям мигрантов, не имеющих документов; детям сезонных мигрантов. В ряде стран (например, в Малайзии) нелегальным мигрантам на законодательном уровне ограничен доступ в государственные школы.

Данные государств с низким и средним уровнем дохода на душу населения дают возможность определить ключевые проблемы в сфере образования мигрантов. В иммигрантских поселениях в Доминиканской Республике и в Кот-д-Ивуаре дети реже ходят в школу, чем их сверстники, родившиеся в этой стране. Такая же ситуация в среде детей школьного возраста в Коста-Рике. Но низкий уровень дохода на душу населения не всегда является причиной неравного доступа в школы: например, в Буркина Фасо различий в доступе для местных детей и детей иммигрантов не наблюдается⁶.

Довольно часто дети из семей мигрантов не обучаются из-за сложной экономической ситуации. Прежде всего, они вынуждены работать, чтобы обеспечивать себя и помогать содержать семью⁷.

⁴The learning generation: investing in education for a changing world. URL: http://report.educationcommission.org/wp-content/uploads/2016/09/Learning_Generation_Full_Report.pdf (дата обращения 14.08.2019).

⁵Concept note for the 2019 Global Education Monitoring Report on education and migration. URL: <https://en.unesco.org/gem-report/sites/gem-report/files/Concept%20Note%205%20April%20Final.pdf> (дата обращения 08.12.2019).

⁶Interrelations between public policies, migration and development. OECD Publishing, Paris. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264265615-en> (дата обращения 19.02.2019).

⁷Child Protection. Working Group with The Education Cluster and ILO (2015). NO to child labour YES to safe and quality education. URL: https://resourcecentre.savethechildren.net/node/9156/pdf/cl_and_education_in_emergencies_final_web.pdf (дата обращения 14.08.2019).

Школьники, ведущие кочевой образ жизни, и школьники, участвующие в сезонной миграции, могут не завершить цикл обучения по причине переезда семьи на другое место жительства. Поэтому в образовательном пространстве Гамбии, Колумбии и Бразилии стараются учитывать сезонность миграций, чтобы уменьшить отрицательный эффект от подобных явлений.

В России более 230 правовых актов так или иначе регулируют сферу миграции. Однако, по мнению экспертов, четкая и единая система управления миграцией и воздействия на нее пока не сформирована [Назарова 2010]. Требования российской Конституции (ст. 43, п. 1–2 и 4) и международной Конвенции о правах ребенка, предусматривающие обеспечение права на получение образования для каждого ребенка, в целом соблюдаются. В России начальное и среднее образование для большинства детей из семей международных мигрантов является доступным, хотя и через преодоление ряда проблем. Технические трудности, возникающие в процессе получения доступа к образованию, связаны, как правило, с переходом большинства субъектов РФ на систему электронной записи в детские сады, школы и колледжи (а для этого необходимы, например, регистрация в системе пенсионного страхования и наличие номера СНИЛС). Также нельзя не упомянуть вышедший в 2014 г. нормативный документ, определяющий порядок записи ребенка в образовательные организации, где предоставление подтверждения регистрации ребенка по месту проживания является обязательным документом (как способ определения образовательной организации, куда может быть принят ребенок)⁸. Для многих семей мигрантов предоставление документа о регистрации ребенка является значительным препятствием к обеспечению доступа к получению образования, особенно в Москве, Петербурге, Московской и Ленинградской областях. Это обусловлено тем, что далеко не все хозяева квартир, сдаваемых в наем семьям мигрантов, готовы официально регистрировать у себя несовершеннолетних детей. Как правило, в школу ребенка без регистрации все же берут, но после длительных увещаний и неприятных разговоров, а также часто с пропуском одного или двух классов. Доступ в дошкольные образовательные организации для получения первого уровня образования семьям из мигрантов ограничен значительно в большей степени: во многих регионах Российской Федерации действуют законы, которые фиксируют право первоочередного зачисления в детские сады граждан Российской Федерации, имеющих постоянную регистрацию по месту жительства в конкретном регионе.

Доступных статистических данных о числе детей из семей мигрантов, находящихся вне системы образования, в России, к

⁸Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 января 2014 г. № 32 «Об утверждении Порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/04/11/priem-dok.html> (дата обращения 15.08.2019).

сожалению, нет. Но результаты опросов экспертов говорят о том, что регулярно посещают детские сады и школы не все дети из семей мигрантов. Обратимся к предпринятым в 2010–2020 гг. исследованиям ЮНИФЕМ–МОТ, во время которых проведены выборочные опросы женщин из числа трудящихся мигрантов в Санкт-Петербурге, Московской области и Москве. Среди вопросов данного исследования был и вопрос о проживании в Российской Федерации детей до 16 лет вместе со своими матерями. Оказалось, что примерно треть опрошенных женщин живет в России вместе со своими детьми, а каждая десятая из этой трети заявила, что ее дети школьного возраста не посещают образовательную организацию. При этом четверть всех опрошенных заявили о том, что детей в школу они устроили, но преодолевая целый ряд проблем [Тюрюканова и др. 2011, с. 47].

Эти данные переключаются с данными исследования проблем детей без российского гражданства, которое было проведено в 2017 г. под руководством Д.В. Полетаева в Москве (инициатор опроса – «Центр миграционных исследований», объем выборочной совокупности – 529 иностранных граждан с детьми в возрасте от 0 до 17 лет). По результатам этого исследования, школу не посещают примерно 15% детей из семей мигрантов, в основном приехавших из Сирии, Узбекистана, Афганистана и Кыргызстана. 49% опрошенных сообщили о проблемах, с которыми им пришлось столкнуться, устраивая детей в школу [Проблемы защиты прав детей 2018, с. 74].

Необходимость языковой адаптации детей из семей мигрантов

Опыт показывает, что проблему устройства ребенка в школу, несмотря на отсутствие необходимых документов, можно решить во взаимодействии с органами управления образованием и профильными общественными организациями, оказывающими семьям мигрантов юридическую и иную консультативную помощь и, как правило, берущими на себя функцию взаимодействия со школами. Но в момент зачисления ребенка в школу проблемы обычно не заканчиваются, а только начинаются.

Исследования, осуществленные автором настоящей статьи в течение 2005–2016 гг. в Российской Федерации, показывают, что, по мнению директоров и учителей школ и колледжей, стабильно снижается степень владения русским языком детьми из категории международных мигрантов [Омельченко 2014; Омельченко 2015]. Кроме того, с 2015 г. во многих случаях наблюдается и снижение уровня владения русским языком у школьников, приезжающих в Москву и другие крупные города из национальных республик. Эту проблему можно и нужно решать за счет индивидуальных образовательных маршрутов, дифференцированных заданий на обычных уроках, использования возможности кружков в рамках дополнительного образования. С организационной точки зрения есть несколько моделей

обучения детей из семей иноэтничных мигрантов русскому языку в образовательных организациях. Первая модель представляет собой создание отдельных групп для интенсивного обучения языку. Такие группы действуют на протяжении всего года в той же образовательной организации, куда зачислен школьник. Вторая модель сочетает занятия в обычном классе с разработкой индивидуальных учебных планов, включением в них дополнительных уроков русского языка и использованием специализированных учебных пособий на обычных уроках (в нашем случае – по русскому языку как иностранному). При использовании третьей модели языковой адаптации обеспечивается полное погружение иноэтничных учеников в новую для них культурную и языковую среду. То есть занятия они посещают вместе со всеми учениками, по единому расписанию, но имеют возможность периодически получать языковые консультации от тьюторов или учителей.

Выбор модели языковой адаптации делается образовательной организацией в зависимости от уровня владения детьми языком, учитывается также возраст детей мигрантов и их доля в конкретном классе. Автор данной статьи убеждена, что применять третью модель можно только в условиях начальной школы, когда в классе от одного до трех детей мигрантов. Важное условие возможности применения третьей модели – наличие у педагога достаточной квалификации в области методики обучения русскому языку как иностранному. Вторая модель может применяться и в начальной школе, и в средней школе, но при этом число иноязычных детей в классе не должно превышать четырех–пяти человек. Если же количество детей, слабо владеющих русским языком, более пяти, на наш взгляд, оптимально использовать первую модель языковой адаптации.

В школах разных российских регионов с начала 2000-х гг. происходили отработка и отбор оптимальных практик социальной, культурной и языковой адаптации обучающихся с миграционным фоном. На рубеже XX и XXI вв. основной задачей стала адаптация методики преподавания русского языка как иностранного для дошкольного, начального и среднего образования. Ранее эта методика в основном применялась для обучения языку и адаптации взрослых иностранцев, прежде всего студентов подготовительных отделений. В этой области довольно успешно работали преподаватели и ученые из Москвы, Мурманской и Томской областей, Санкт-Петербурга, Ханты-Мансийского автономного округа, Республики Татарстан [Каленкова, Феоктистова 2009; Какорина и др. 2014; Синёва 2012; Шорина 2013; Лысакова и др. 2014]. Сейчас работа над технологиями преподавания русского языка детям из семей мигрантов продолжается, причем на данном этапе особое внимание уделяется разработке методик диагностики уровня владения русским языком.

Так сложилось, что в России решение проблемы социальной интеграции и языковой адаптации детей из семей мигрантов зависит в основном от сферы образования и внесемейного социального окружения. Результаты исследований показывают, что для подростков –

мигрантов «полуторного поколения» – школа является основной средой общения на русском языке. В свободное от школы время подростки с миграционным фоном примерно одинаковое время общаются на русском и родном языках [Воропаева, Кузнецов 2015, с. 79]. Таким образом, школа – это единственная реальная среда обучения русскому языку детей из семей мигрантов. Поэтому, по мнению автора настоящей статьи, для достижения эффективных результатов языковая адаптация в школе должна быть организована системно, а не стихийно. Этносоциологические исследования, проведенные автором или с участием автора в течение многих лет, показали, что педагогическая работа по языковой адаптации ребенка должна выстраиваться в зависимости от его возраста, страны (региона) происхождения, а также его культурной, этнической и религиозной принадлежности.

Важно отметить, что в последние годы в образовательные организации нашей страны часто поступают дети, уже имеющие российское гражданство, но не владеющие русским языком. Они не ходили в детский сад и потому испытывают те же сложности адаптации, что и дети из семей мигрантов. Автор настоящего исследования считает, что для обеспечения успешной языковой адаптации иноязычных и иноэтничных учеников важно интегрировать их в государственную систему образования как можно раньше. Дети дошкольного возраста, оказываясь в русскоязычной среде, быстрее осваивают и принятые в России нормы общения и поведения, и русскую речь.

Таким образом, доступ детей к дошкольному образованию, их раннее обучение приобретают важную роль в обеспечении готовности детей к начальной школе. Ключевое значение это имеет для детей, которые дома говорят на родном языке. Их погружение в иноязычную среду детского сада создает необходимую базу для того, чтобы прийти в начальную школу с более развитыми языковыми навыками. Для обеспечения быстрой языковой адаптации воспитатели и другие работники дошкольных учреждений должны проходить необходимую подготовку и повышение квалификации. Это будет способствовать развитию детского билингвизма и повышению эффективности взаимодействия с семьями, говорящими на разных языках. Кстати, наибольшие успехи при обучении достигаются в случае, если родители используют в общении с ребенком язык большинства, наряду с родным языком⁹. Но, к большому сожалению, выше уже говорилось, что на практике семьи мигрантов и в нашей стране, и за границей реже получают доступ к качественному дошкольному образованию, по сравнению с местным населением [Leseman 2002], поэтому решить поставленные адаптационные задачи в рамках дошкольной системы образования не всегда удается.

Эксперты подсчитали, что около 40% населения мира лишены доступа к образованию на том языке, который они понимают и на

⁹Children in immigrant families in eight affluent countries. Innocenti Research Centre. 2009. URL: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/ii_immig_families.pdf (дата обращения 19.02.2019).

котором говорят¹⁰. Особую важность этот вопрос представляет для стран с высоким уровнем языкового разнообразия, где проживает и много семей мигрантов. Нередко такие страны предпринимают усилия, чтобы признать важность обучения детей на их родном языке, внедряют для этого соответствующие программы. Разработанные и апробированные ими лучшие практики могут быть использованы для начального обучения детей из семей мигрантов. Например, Швеция для детей из семей мигрантов ввела в 1977 г. программы обучения на родном языке, базируясь на уже накопленном опыте школьного преподавания на родном языке саами и финнам – проживающим в этой стране этническим меньшинствам¹¹.

Обучение на родном языке создает условия для того, чтобы дети лучше усваивали начальные навыки. Имеются достоверные данные, что использование родного языка в обучении способствует поддержанию в детях чувства самоуважения и достижения ими лучших образовательных результатов [Schnell 2014]. В различных государствах такое обучение организуется по-разному: где-то вопросы решаются по инициативе с мест, а где-то процесс нормативно централизован. В России практики обучения на родном языке применяются только в регионах с преобладающим населением конкретной этнической принадлежности (Татарстан, Башкортостан, Удмуртия, Якутия, Тыва, Чеченская Республика и т. п.). С опытом применения родного языка в системе обучения детей из семей иноэтничных мигрантов в России автор настоящей статьи не знакома.

В 2015 г. были озвучены выводы Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, что дети из семей мигрантов, сразу зачисленные в основные классы, без предварительной языковой подготовки (пережившие «погружение»), показали в 15-летнем возрасте более высокие результаты на тестировании PISA. По мнению ряда специалистов, введение интенсивного обучения детей иммигрантов государственному языку, при выделении их в группы, негативно влияет на интеграцию «через формирование и закрепление у детей иммигрантов чувства отличия, заниженной самооценки и стереотипного восприятия своей культуры» [Taguma 2010]. Есть и абсолютно противоположные мнения: ученики из семей мигрантов, которые вначале интенсивно изучали язык в отдельных группах, показывают лучшие общие результаты по всем предметам. Кстати, еще одной проблемой является объединение в одну группу детей, нуждающихся в языковой поддержке, и детей с ограниченными возможностями здоровья, нуждающихся в коррекционном обучении. К сожалению, дети из семей мигрантов часто зачисляются именно в такие группы,

¹⁰ Perspectives on global development 2017: international migration in a shifting world. OECD Publishing, Paris. Retrieved from: <http://www.oecd.org/dev/perspectives-on-global-development-22224475.htm> (дата обращения 19.02.2019).

¹¹ Interrelations between public policies, migration and development. OECD Publishing, Paris. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264265615-en> (дата обращения 19.02.2019).

даже при отсутствии медицинских показаний к этому, исключительно из-за удобства организации учебного процесса. Подобные решения только подчеркивают отличия детей мигрантов от основной массы учеников и не способствуют их быстрой интеграции в образовательную среду¹².

Таким образом, единого мнения среди специалистов по эффективности той или иной модели адаптации нет. До сих пор продолжают споры, следует ли вначале давать детям мигрантов возможность адаптироваться в особых классах (группах) или же сразу вводить их в основные классы.

Социально-культурная адаптация детей из семей мигрантов: подходы и решения

Дети из семей мигрантов нередко испытывают сложности в общении со своими одноклассниками и во включении в новую для них образовательную среду. Причина этого не только в низком уровне владения государственным языком. Препятствием становится общая недостаточная развитость навыков общения у младших школьников – как мигрантов, так и местных. Немало детей, которые ко времени поступления в начальную школу не готовы знакомиться со сверстниками, не умеют вежливо отказать или обратиться к другому ребенку. Помимо этого, привычные для ребенка-мигранта навыки взаимодействия часто оказываются мало применимыми в новой социальной среде. Обращения и фразы, которые произносит такой ребенок, могут быть сочтены неадекватными среди сверстников. Или, например, дети из семей мигрантов сочтут оскорбительными слова и выражения, которые отнюдь не являются такими в местной детской культуре. Вот еще один пример: дети не знакомы с русскими сказками и потому испытывают трудности при решении арифметических задач, герои которых – персонажи в образе Чебурашки или Буратино, привычные для всех российских детей.

Отдельная проблема – социальная адаптация иноэтничных учащихся, поскольку они часто ориентируются на образцы поведения, не привычные для местных жителей. «Новенькие» ученики часто испытывают состояние фрустрации, культурного шока, депрессии. Настороженное отношение к ним со стороны сверстников и учителей также может стать препятствием для успешной социально-психологической адаптации.

Культурно обусловленные различия в нормах отношений, способах невербальной коммуникации, стандартах и ритуалах поведения, выражаемых ценностях довольно многочисленны. И это может стать причиной возникновения неприятных недоразумений в общении не только детей разной религиозной и этнической принадлежности [Ко-

¹² If you don't understand, how can you learn? Global Education Monitoring Report Policy Paper 24. URL: <http://allinschool.org/wp-content/uploads/2015/04/243713E.pdf> (дата обращения 25.10.2019).

лесникова 2014, с. 67], но и между учителем и детьми. Так, обращение учителя к ученику на повышенных тонах, что не так редко встречается и в современных российских школах, будет, скорее всего, спокойно и без видимых эмоций встречено ребенком из Вьетнама. Но у юноши из Азербайджана или Грузии в ответ на подобное обращение, скорее всего, возникнет бурная ответная реакция. И это может в будущем стать основой для длительного и непростого конфликта между учащимся и учителем, а также между учителем и его семьей. Мальчик из Индии, имеющий привычку даже к родителям обращаться на «Вы», будет не только удивлен, но и ошеломлен подобным отношением.

Автор настоящей статьи понимает адаптацию и как процесс приспособления к новой среде жизни, и как результат такого приспособления. При этом уровни адаптации и ее формы бывают весьма разнообразными. В исследованиях, опубликованных автором ранее, выделялись и описывались показатели, с помощью которых предлагается оценивать степень языковой, культурной, социальной и психологической адаптации детей из семей международных мигрантов [Омельченко 2014, с. 119–120].

Перечислим показатели, которые можно применять для анализа разных видов адаптации. Это языковая адаптация (блок «Я»): уровень владения русским языком – государственным языком страны пребывания (Я1); культурная адаптация («К»): наличие представлений о культуре и истории России, ее роли в современном мире (К1); знание российского уклада жизни, основных норм и правил поведения в России, культуры повседневного общения (К2); социальная адаптация («С»): знание основ российского законодательства, своих прав и обязанностей, лояльность и соблюдение законов (С1); включенность в повседневную жизнь общества (С2); наличие места работы в России, постоянная или временная занятость, корректно оформленные документы (С3); наличие знакомых и друзей из числа «местных» жителей (С4); психологическая адаптация («П»): психологическое состояние человека, наличие тревожности и других проявлений «культурного шока» (П1); наличие предпосылок к формированию/сохранению позитивной этнической идентичности (в том числе проявление интереса к своему родному языку, религии, культуре) (П2); готовность к межличностным контактам с жителями России, открытость и интерес к общению (П3).

Немалое число педагогов – участников исследований автора настоящей статьи, предпринятых в 2015–2016 гг., подтверждали наличие высокого адаптационного потенциала детей из семей мигрантов, высокий уровень их мотивационной готовности к межкультурному взаимодействию с представителями большинства, если со стороны этого большинства есть хоть какие-то попытки наладить такое сотрудничество. Поэтому проблема интеграции мигрантов и, прежде всего, детей мигрантов является комплексной: должна решаться не только задача их социокультурной и языковой адаптации в новом обществе, но и задача формирования у принимающего населения (в том числе у учителей) установки на межкультурный диалог и уважения к этническому и культурному многообразию.

Скорость освоения детьми социальных навыков зависит от многих факторов: это и место рождения, и социальный опыт, приобретенный на родине, и социальный статус семьи в стране пребывания, место и наличие работы и др. Так, по мнению ряда педагогов, нередко одноклассники отказываются садиться за парту с детьми из таджикских семей. Родители многих детей из таджикских семей работают в сфере жилищно-коммунального хозяйства, и это становится причиной пренебрежительного отношения к ним. Так, респонденты из числа учителей свидетельствовали, что часто подобное отношение демонстрируют дети из азербайджанских семей, которые сами являются мигрантами в первом или во втором поколении. Один из участников фокус-группы, проведенной автором данной статьи в 2011 г., классный руководитель и учитель математики из Тульской области (43 года), рассказал: «Если в классе одновременно учатся, кроме русских, выходцы из кавказского региона, а также таджики и узбеки, то нижнюю ступеньку в иерархической лестнице обычно занимают ребята из Средней Азии».

Но постепенно такие незримые барьеры в общении могут преодолеваются по мере приобретения опыта коммуникации и узнавания друг друга. В этом процессе очень важна роль педагога – классного руководителя. Его задача – придумать и предложить классу какое-нибудь общее дело, общий проект, который бы эмоционально захватил и невольно объединил детей различной религиозной и этнической принадлежности. Это может быть организация концерта, спортивного соревнования, общей спортивной игры. Очень часто школьники из семей мигрантов, вне зависимости от национальности, побеждают на районных и городских соревнованиях. Дипломы и кубки, завоеванные детьми с миграционным фоном, становятся предметом гордости всего образовательного учреждения и выставляются на всеобщее обозрение. Это вполне объяснимо: в спорте и творчестве хорошо владеть русским языком не так важно, на первый план выходят личные способности и воля к победе.

С учетом этого фактора всем педагогам, в чьих классах учатся дети из семей мигрантов, рекомендуется искать для каждого ученика ключик к проявлению себя и своих талантов – в сферах, где уровень русского языка имеет меньшее значение. Это будет способствовать социальной адаптации обучающихся из семей мигрантов и этнических меньшинств, а также формированию к ним радушного отношения со стороны принимающего общества – учителей и сверстников. К тому же спортивные достижения, успехи в неосновных предметах (изобразительное искусство, музыка и т. п.), участие во внеклассной работе – это все то, что способствует самореализации ребенка, повышению его самооценки и, соответственно, его социального статуса. Об этом заявляют многие учителя, принимающие участие в опросах: «Дети мигрантов, преимущественно мальчики, добиваются успехов в спорте. Они увлекаются футболом, борьбой, активно участвуют в культурных мероприятиях, КВН» (учитель московской школы в ЮАО, стаж работы – 23 года); «У нас в спортивном клубе тренируются дети мигрантов, в основном азербайджанцы. Они

люди целеустремленные, открытые, эмоциональные, вспыльчивые, уважают старших, в группе стремятся быть лидерами» (заместитель директора по воспитательной работе московской школы в ВАО, стаж работы – 19 лет).

Воспитательная и просветительская работа по формированию этикета общения, разъяснению норм поведения должна проводиться педагогом со всем многонациональным классом, а не с отдельными учениками. Задача такой работы состоит в том, чтобы дети из семей мигрантов осознали общность соответствующих требований для всех членов коллектива. Для детей в начальной школе оптимальным способом культурной адаптации является проведение различных подвижных игр, в ходе которых дети приобретают навыки взаимодействия, познают определенные правила поведения, знакомятся с традициями русского и других народов. По мнению опрошенных педагогов, в ряде случаев освоение культурных и социальных норм младшими школьниками оказывается продуктивным, благодаря «шефству» над ними старшеклассников той же национальности. Вот как об этом пишет педагог московской школы из ЮВАО (стаж работы – 19 лет): «Очень удачно получается, если ребенка-киргиза, раньше уже учившегося в этом классе, приставить в качестве помощника к вновь пришедшему ребенку этой же национальности. Особенно если обратиться к нему как к взрослому, попросив помощи. Тогда он с гордостью все это делает, что очень помогает».

В процессе социокультурной адаптации дети-мигранты, получая представления о культуре, истории России, ее роли в современном мире, должны осознавать, что Россия всегда была и является многонациональным и многоконфессиональным государством, и взаимодействие представителей разных культур должно осуществляться на равноправной основе. Именно осознание поликультурного характера окружающей среды будет способствовать интеграции детей-мигрантов в общество. Однако следует учитывать разные факторы. Психологи неоднократно подчеркивали, что характерное поведение подростка-мигранта в образовательном пространстве школы – это стремление обособиться от окружающих, замкнуться в себе, ограничить круг своего общения по этнокультурному признаку, в рамках норм поведения и обычаев своей этнической группы. Отсюда и уровень сплоченности и взаимовыручки в этнически однородных мигрантских сообществах гораздо выше, чем в других группах. Так, в исследовании А.Я. Макарова 75% детей из семей мигрантов и только 58% детей принимающего населения выразили активную позицию – намерение заступиться за «своего» [Макаров 2010, с. 98]. Стремление к социальной изоляции особенно характерно, например, для мигрантов из Средней Азии. Им свойственна определенная сопротивляемость переменам, ориентация на собственную культурную группу, что является следствием принадлежности к коллективистскому типу культуры. В этом случае стабилизирующим началом должна выступить межкультурная компетентность педагога. При всем уважении к обычаям и традициям, среди которых вырос тот или иной ребенок-мигрант, педагогу необходимо

последовательно и корректно, но настойчиво проводить линию на вовлечение детей из семей мигрантов в школьную жизнь со всеми ее правилами, что нередко вызывает неприятие со стороны детей или их родителей. Это может касаться ношения школьной формы, участия в уборке помещений и дежурствах, а также других общих делах. Вот высказывания некоторых педагогов – участников фокус-групп: «Кавказский мальчик никогда не возьмет в руки тряпку» (учительница начальных классов из Саратовской области, 28 лет); «Они считают себя воинами, а работать и учиться за них должны другие...» (учительница русского языка и литературы из Краснодарского края, 42 года); «Девочка-мусульманка из моего класса отказывалась переодеваться в спортивную форму на физкультуре» (директор колледжа из Москвы, 44 года).

Во взаимодействии с юношами из кавказского региона полезно не только доводить до них решения классного или школьного совета, но и постараться их самих привлечь к процессу поиска и утверждения таких решений. Тогда, ощущая свою причастность к установлению норм и правил, они будут сами проявлять немалое рвение в их соблюдении и принуждении к этому других учеников. Так, руководитель восьмого класса московской школы из САО (стаж работы – 13 лет) пишет: «При привлечении к участию в жизни класса, во внеурочной работе особенно важно привлекать к процессу разработки и принятия решений юношей из кавказского региона».

Учитывая природную музыкальность и большую эмоциональную раскрепощенность этих ребят, учитель может очень хорошо использовать их творческую энергию для участия в различных конкурсах творческой направленности. Еще одна рекомендация – избегать создания в классе групп, сегрегированных по этническому признаку. В целом желательно стремиться к тому, чтобы в актив класса были включены дети разной этнической принадлежности, представители разных религий, чтобы в активном общении между собой дети учились находить оптимальные модели взаимодействия и межкультурного диалога.

Заключение

К сожалению, следует констатировать, что пока в мировом научном сообществе недостаточно данных для всестороннего рассмотрения проблемы обучения и интеграции детей из семей мигрантов. Пока невозможно точно утверждать, во-первых, какой процент детей с миграционным прошлым имеет свободный доступ к образованию; во-вторых, всеми ли навыками для их эффективной адаптации обладают педагоги; в-третьих, какие образовательные результаты показывают дети из семей мигрантов в зависимости от выбранной модели адаптации. Но из предпринятого анализа становится понятно, что обеспечению полного доступа к качественному образованию мешают языковые, социально-экономические и правовые барьеры.

Можно смело утверждать, что усилия, направленные на интеграцию мигрантов средствами образования, имеют много мощных позитивных последствий. Например, проведенное в нескольких европейских странах сравнительное исследование турецких мигрантов показало, что социальные системы, в которых поддержка мигрантов осуществляется, ассоциируются с большей экономической мобильностью второго поколения мигрантов [Schnell 2014]. Данные исследования PISA, включающие анализ образовательных результатов мигрантов второго поколения, убедительно показывают, что успехи учеников напрямую зависят от уровня образования их родителей.

Значит, предпринимаемые государством и обществом усилия по интеграции первого поколения мигрантов, в том числе средствами образования, скорее всего, приведет через поколение к успешной и полной интеграции их детей в принимающее общество. Для этого крайне важно обеспечить учет этих факторов в организации и содержании дошкольного, начального и среднего образования. По мнению автора, крайне важно учитывать особые потребности детей из семей международных мигрантов и адаптировать к ним сферу образования. Это поможет принимающей стране эффективнее использовать возможности, которые приносит стране миграция, и своевременно реагировать на возникающие вызовы во имя благополучия страны и общества.

Литература

- Воропаева, Кузнецов 2015 – *Воропаева А.В., Кузнецов И.М.* Особенности адаптации детей мигрантов в российской действительности // Социология образования. 2015. № 2. С. 74–83.
- Какорина и др. 2014 – *Какорина Е.В., Костылева Л.В., Савченко Т.В., Синева О.В., Шорина Т.А.* Русский язык: от ступени к ступени: Учебно-методический комплект: В 6 кн. М.: Этносфера, 2014.
- Каленкова, Феоктистова 2009 – *Каленкова О.Н., Феоктистова Т.Л.* Методические материалы для тестирования детей-инофонов по русскому языку. М.: Этносфера, 2009. 64 с.
- Колесникова 2014 – *Колесникова Ю.Н.* Проблемы образования и адаптации детей-мигрантов в Германии // Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантской молодежи к поликультурному образовательному пространству: Проблемы, поиски, решения: Материалы Третьей региональной научно-практической конференции в рамках III Международного научно-практического форума «Человек, семья и общество». Красноярск, 17–18 ноября 2014 г. С. 64–69.
- Лысакова и др. 2014 – *Лысакова И.П., Железнякова Е.А., Пашукевич Е.С.* Азбука вежливости для мигрантов. СПб.: Компания Кнорус, 2014. 104 с.
- Макаров 2010 – *Макаров А.Я.* Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 94–101.
- Назарова 2010 – *Назарова Е.А.* Внешние мигранты в Москве и их влияние на современные социальные процессы: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2010.

- Омельченко 2014 – *Омельченко Е.А.* Социологические подходы к исследованию проблемы интеграции детей мигрантов в образовательной среде // Социология образования. 2014. № 7. С. 116–130.
- Омельченко 2015 – *Омельченко Е.А.* Социально-культурная адаптация детей из семей международных мигрантов в школе: методика исследования и пути решения проблемы // Человек в меняющемся мире: Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: Сб. научных статей. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015. С. 249–260.
- Омельченко 2018 – *Омельченко Е.А.* Интеграция мигрантов средствами образования: российский и мировой опыт. М.: Этносфера, 2018. 416 с.
- Проблемы защиты прав детей 2018 – Проблемы защиты прав детей, не имеющих гражданства Российской Федерации, в городе Москве. М., 2018. 180 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://is.gd/oe30xS> (дата обращения 18.12.2019).
- Рязанцев 2014 – *Рязанцев С.В.* О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 25–29.
- Синёва 2012 – *Синёва О.В.* Русский язык: от ступени к ступени. Произношение, чтение, письмо. М.: Этносфера, 2012. 111 с.
- Тюрюканова и др. 2011 – *Тюрюканова Е.В., Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Поletaев Д.В., Флоринская Ю.Ф.* Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Ред. Е.В. Тюрюканова. М.: МАКС Пресс, 2011. 184 с.
- Чудиновских 2014 – *Чудиновских О.С.* Сколько в России международных мигрантов? // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Ред. В.И. Мукомель. М.: НП «Центральный дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. С. 31–50.
- Шорина 2013 – *Шорина Т.А.* Говорит Москва: слушайте и запоминайте: Уроки аудирования. М.: Этносфера, 2013. 112 с.
- Leseman 2002 – *Leseman P.* Early education for immigrant children [Электронный ресурс] // Migration Policy Institute. 2002. URL: <http://www.migrationpolicy.org/research/early-education-immigrant-children> (дата обращения 19.02.2019).
- Schnell 2014 – *Schnell P.* Education mobility of second-generation Turks. IMISCOE Research Series [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imiscoe.org/publications/library/2-imiscoe-research-series/6-educational-mobility-of-second-generation-turks> (дата обращения 07.10.2019).
- Taguma 2010 – *Taguma M., Kim M., Brink S., Teltemann J.* Sweden. OECD Reviews of Migrant Education [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/sweden/44862803.pdf> (дата обращения 15.10.2019).

References

- Chudinovskikh, O.S. (2014), “Skol’ko v Rossii mezhdunarodnykh migrantov?” [How many migrants are there in Russia?], *Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika* [Migrants, migrantofobias and migration policy], Edited by V. Mukomel’, NP “Tsentralniy dom advokata, Moscow Bureau on Human Rights, “Academia”, Moscow, Russia, pp. 31–50.
- Kakorina, E.V., Kostyleva, L.V., Savchenko, T.V., Sineva, O.V. and Shorina, T.A. (2014), *Russkii iazyk: ot stupeni k stupeni* [Russian Language: from Step to Step], Set of manuals in six books, Etnosfera, Moscow.

- Kalenkova, O.N., Feoktistova, T.L. (2009), *Metodicheskie materialy dlia testirovaniia detei-inofonov po russkomu iazyku* [Methodic Materials for Russian Language Tests for Children – Other Language Speakers], Etnosfera, Moscow, 64 p.
- Kolesnikova, Yu.N. (2014), “Problemy obrazovaniya i adaptatsii detey-migrantov v Germanii” [Problems of Education and Adaptation of Children Migrants in Germany], *Sotsialno-kulturnaya adaptatsiya i integratsiya molodyzhi k polikulturnomu obrazovatel'nomu prostranstvu* [Social and Cultural Adaptation and Integration of the Youth to Multicultural Educational Environment], Krasnoyarsk, 17–18th November 2014, pp. 64–69.
- Leseman, P. (2002), “Early education for immigrant children. Migration Policy Institute”, [Online], URL: <http://www.migrationpolicy.org/research/early-education-immigrant-children> (accessed 19.02.2019).
- Lysakova 2014 – Lysakova, I.P., Zhelezniakova, E.A. and Pashukevich, E.S. (2014), *Azbuka vzhlivosti dlia migrantov* [ABC-book of Policy for Migrants], Kompaniya Knorus, Saint-Petersburg, 104 p.
- Makarov, A.Ia. (2010), “Osobennosti etnokul'turnoi adaptatsii detei migrantov v moskovskikh shkolakh” [Peculiarities of Ethno-Cultural Adaptation of Migrants' Children in Moscow Schools], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 94–101.
- Nazarova, E.A. (2010), “Vneshniye migranty v Moskve i ikh vlianiye na sovremeniye sotsial'niye protsessy” [External Migrants in Moscow and Their Influence on Contemporary Social Processes], Abstract of D. Sci. (Sociology) dissertation. Moscow, Russia.
- Omel'chenko, E.A. (2014), “Sotsiologicheskie podkhody k issledovaniyu problemy integratsii detei migrantov v obrazovatel'noi srede” [Sociological Approaches to the Research of the Problem of the Integration of Migrants' Children in the Educational Environment], *Sotsiologiia obrazovaniia*, no. 7, pp. 116–130.
- Omel'chenko, E.A. (2015), *Sotsial'no-kulturnaya adaptatsiya detey iz semei mezhdunarodnikh migrantov v shkole: metodika issledovaniya I puti resheniya problemy* [Social and Cultural Adaptation of Children from the Families of International Migrants at School: Methods of Research and Ways to Solve the Problem], *Tschelovek v menyayuschemsia mire. Problemy identichnosti i sotsialnoy adaptatsii v istorii i sovremenosti* [Person in the Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and Nowadays], Collection of scientific articles, Izd. Tomskogo universiteta, Tomsk, pp. 249–260.
- Omel'chenko, E.A. (2018), *Integratsiya migrantov sredstvami obrazovaniya* [Integration of Migrants Via Education], Etnosfera, Moscow, 416 p.
- Problemy zaschity prav detey ne imeyuschikh grazhdanstva Rossiyskoi Federatsii, v gorode Moskve* [Problems of Protection of the Rights of the Children Not Having the Citizenship of the Russian Federation] (2018), Moscow, 180 p., [Online], URL: <https://is.gd./oe30xS> (accessed 18.12.2019).
- Ryazantsev, S.V. (2014), “O yazikovoy integratsii migrantov kak novom oriyehtire migratsionnoy politiki Rossii” [On Language Integration of Migrants As a New Target of Russian Migration Policy], *Sociologhitseskiye issledovaniya*, no. 9, pp. 25–29.
- Schnell, P. (2014), *Education mobility of second-generation Turks, IMISCOE Research Series*, [Online], URL: <https://www.imiscoe.org/publications/library/2-imiscoe-research-series/6-educational-mobility-of-second-generation-turks> (accessed 07.10.2019).
- Shorina, T.A. (2013), *Govorit Moskva: slushaite i zapominajte. Uroki audirovaniia* [Moscow is Speaking: Listen and Remember. Lessons of Listening]. Etnosfera, Moscow, Russia, 112 p.

- Sineva, O.V. (2012), *Russkii iazyk: ot stupeni k stupeni. Proiznoshenie, chtenie, pis'mo* [Russian Language: From Step to Step. Pronunciation, Reading and Writing], Etnosfera, Moscow, Russia, 111 p.
- Taguma, M., Kim, M., Brink, S., Teltemann, J. (2010), *Sweden. OECD Reviews of Migrant Education*, [Online], URL: <https://www.oecd.org/sweden/44862803.pdf> (accessed 15.10.2019).
- Турюканова, Е.В., Зайончковская, Ж.А., Карачурина, Л.Б., Мкртчян, Н.В., Поляев, Д.В. and Флоринская, Ю.Ф. (2011), *Zhen'schiny migranty iz stran SNG v Rossii* [Migrant Women from CIS Countries and Russia], Edited by E.V. Tyuryukanova, MAX Press, Moscow, 184 p.
- Voropaeva, A.V., Kuznetsov, I.M. (2015), "Osobennosti adaptatsii detei migrantov v Rossiiskoi obrazovaniia" [Features of adaptation of migrant children in Russian reality], *Sotsiologiya obrazovaniya*, no. 2, pp. 74–83.

Информация об авторе

Елена А. Омельченко, кандидат исторических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1; ea.omelchenko@mpgu.su, etno1@dol.ru

Information about the author

Elena A. Omelchenko, Ph. of Sci. (History), professor, of Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, Russia, 119991; ea.omelchenko@mpgu.su, etno1@dol.ru

УДК 323.1

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-42-52

Субэтнический фактор в этнокультурном и этнополитическом развитии Мордовии

Александр В. Мартыненко

*Мордовский государственный педагогический институт,
Саранск, Россия, arkanaddin@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния субэтнического фактора на этнокультурные и этнополитические процессы в Республике Мордовия конца 1980-х – 2010-х гг. Актуальность данной темы обусловлена тем, что стабильное развитие государства в значительной степени зависит от характера межэтнических отношений. Россия как полиэтническое государство являет в этом плане яркий пример. Целью данного исследования является анализ влияния субэтничности мордовского народа на специфику этнокультурной и этнополитической ситуации в Республике Мордовия. В методологическом плане автор статьи опирается на конструктивистский подход, при котором этнос трактуется, прежде всего, как некий социальный конструкт, особенности которого (в нашем случае – бинарный характер мордовского этноса, его разделение на субэтносы) сформировались в ходе длительного исторического периода.

В ходе исследования было проанализировано влияние бинарности мордовского этноса, его разделения (на мокшан и эрзян) на особенности этнополитических процессов в современной Мордовии. Отдельное внимание в статье уделяется деятельности общественной организации «Фонд спасения эрзянского языка», активисты которой отрицают единство мордовского этноса и обвиняют региональные и федеральные власти в якобы целенаправленной политике ассимиляции эрзян. В то же время делается вывод о том, что абсолютное большинство этнонациональных организаций Мордовии выстраивают с региональными властями отношения социального партнерства и конструктивного сотрудничества.

Ключевые слова: Республика Мордовия, мордовский этнос, мокша, эрзя, этнополитическое и этнокультурное развитие, ассимиляция

Для цитирования: Мартыненко А.В. Субэтнический фактор в этнокультурном и этнополитическом развитии Мордовии // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 42–52. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-42-52

Sub-ethnic factor in the ethnocultural and ethnopolitical development of Mordovia

Alexander V. Martynenko

*Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk,
Russia, arkanaddin@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of the sub-ethnic factor on ethnocultural and ethnopolitical processes in the Republic of Mordovia in the late 1980s – 2010s. The relevance of this topic is due to the fact that the stable development of the state largely depends on the nature of interethnic relations. Russia as a multiethnic state is a vivid example in this regard. The purpose of this study is to analyze the influence of the sub-ethnicity of the Mordovian people on the specifics of the ethnocultural and ethnopolitical situation in the Republic of Mordovia. Methodologically, the author of the article relies on the constructivist approach, in which the ethnos is interpreted, first of all, as a kind of social construct, the features of which (in our case, the binary character of the Mordovian ethnos, its division into sub-ethnoses) were formed during a long historical period. In the course of the study, the influence of the binary nature of the Mordovian ethnos, its division into Mokshans and Erzyans on the features of ethnopolitical processes in modern Mordovia was analyzed. Special attention is paid to the activities of the public organization Foundation for the Salvation of the Erzya language, whose activists deny the unity of the Mordovian ethnos and accuse the regional and federal authorities of an allegedly purposeful policy of assimilation of Erzya people. At the same time, it is concluded that the absolute majority of ethno-national organizations in Mordovia are building relations of social partnership and constructive cooperation with the regional authorities.

Keywords: Republic of Mordovia, Mordovian ethnos, Moksha, Erzya, ethnopolitical and ethnocultural development, assimilation

For citation: Martynenko, A.V. (2020), "Sub-ethnic factor in the ethnocultural and ethnopolitical development of Mordovia", *Issues of Ethnopolitics*, 2020, no. 1, pp. 42–52, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-42-52

Специфика этнополитических и этнокультурных процессов в современной Республике Мордовия во многом обусловлена особенностью мордовского этноса, разделенного на два субэтноса – мокшан и эрзян. Это разделение оказывает определенное влияние на мордовское национальное движение. Так, наряду с «общемордовскими» этнокультурными организациями, есть мокшанские и эрзянские. Кроме того, до недавнего времени общественная организация Фонд спасения эрзянского языка отрицала единство мордовского этноса, ведя острую полемику со своими оппонентами и продвигая идею этноцида, якобы имеющего место в отношении эрзян со стороны федеральной и региональной власти.

С другой стороны, можно констатировать, что Мордовия на протяжении трех постсоветских десятилетий являет собой пример относительной этнополитической стабильности. Поэтому изучение

опыта, накопленного республикой в выстраивании сотрудничества между этнонациональными движениями и государственными структурами, представляет несомненный интерес.

К настоящему времени сформировался достаточно обширный корпус исследований по современным этнополитическим процессам в РМ и, в частности, по мордовскому этнонациональному движению. Это труды В.К. Абрамова [Абрамов 2010], В.В. Маресьева [Маресьев 2010], Н.Ф. Мокшина [Мокшин 1989], Н.В. Шилова [Шилов 2014], В.А. Юрченкова, Ж.Д. Кониченко [Юрченков, Кониченко 2006] и других. В то же время проблема влияния субэтнического фактора на этнополитические процессы в Мордовии требует дальнейшего научного анализа – политологического, социологического, культурологического, философского. Попытка такого анализа с позиций этнополитологии представлена в данной статье.

В методологическом плане автор статьи опирается на конструктивистский подход, при котором этнос трактуется, прежде всего, как некий социальный конструкт, особенности которого (в нашем случае – бинарный характер мордовского этноса, его разделение на субэтноты) сформировались в ходе длительного исторического периода. При этом необходимо учитывать сложный и многоуровневый характер взаимосвязей между этносом и национализмом, о чем, в частности, писал британский социолог и политолог Б. Андерсон. В своей знаменитой книге «Воображаемые сообщества» он трактует и национальность, и национализм, прежде всего, как феномены культуры, для адекватного постижения которых необходим глубокий анализ их эволюции во времени и пространстве [Anderson 2006].

Республика Мордовия (далее по тексту – РМ) представляет собой полиэтнический регион. Так, согласно данным Всероссийской переписи 2010 г., в республике проживают представители 119 национальностей. Однако в численном отношении преобладают русские (53,2% населения РМ, или 443 737 чел.), мордва (эрзя и мокша) (39,9%, или 333 112 чел.), татары (5,2%, или 43 392 чел.) [Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.) 2013. С. 5].

Мордва, давшая название данному субъекту РФ, является финно-угорским народом, который исторически разделен на два субэтноты – эрзя и мокша. Формирование эрзянских и мокшанских племен в междуречье Оки и Волги пришлось на первую половину I тысячелетия н. э. Средневековая мордва испытала сильное влияние как со стороны славян, так и различных тюркских народов (последнее было особенно сильным в ордынский период). Вхождение мордвы в состав Русского государства представляло собой постепенный процесс, в целом завершившийся в связи с ликвидацией Казанского ханства Иваном Грозным [Мокшин 1989].

В советский период отечественной истории мордва, как и многие другие народы России, поэтапно получила от властей свою форму государственности, в которой была объявлена «титულიй нацией». Так, в 1928 г. был образован Мордовский округ (в составе Сред-

не-Волжской области), в который вошли уезды и волости с компактным проживанием мордвы, ранее входившие в Нижегородскую, Пензенскую, Симбирскую, Тамбовскую губернии. В 1930 г. на основе Мордовского округа была создана Мордовская автономная область, а в 1934 г. – Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика (МАСССР). Буквально в последние месяцы существования Советского Союза МАСССР была переименована в Мордовскую Советскую Социалистическую Республику (МССР), которая 25 декабря 1993 г., уже в постсоветский период, получила современное название – Республика Мордовия.

Перестройка, последующий распад Советского Союза и новые реалии постсоветской России вызвали к жизни всплеск этнических мобилизаций во многих регионах страны, особенно в национальных республиках. Мордовия в этом плане не стала исключением.

В настоящее время среди НКО этнокультурной направленности, действующих в Республике Мордовия, по масштабам и активности преобладают организации, отражающие этнокультурные запросы и интересы мордовского этноса.

Организационное оформление этнокультурных и этнополитических движений мордовского этноса произошло в конце 1980–1990-х гг. В качестве своеобразных первопроходцев в этом плане выступили общественные объединения «Вельмема», «Вайгель» и «Масторава». Их социальной базой стали, в первую очередь, представители мордовской интеллектуальной элиты – преподаватели вузов, ученые (в основном, филологи), писатели и публицисты. Указанные организации вобрала в себя типичные черты этнонациональных движений России переломной эпохи. Историк и философ С.А. Панарин выделяет идеи, общие для программных установок подобных сообществ, такие как тезисы о кризисе и угрозе гибели для культуры, в том числе языка (языков) данного этноса и об особой, зачастую подвижнической, миссии национальной интеллигенции по ее возрождению [Панарин 2003, с. 429].

С другой стороны, для мордовского этнокультурного и этнополитического движения 1990–2000-х гг. изначально было свойственно организационное многообразие. В полной мере это относится к указанным выше организациям – «Вельмема», «Вайгель», «Масторава», которые изначально представляли разные векторы мордовского этнонационального движения – от просветительской работы («Вайгель») до радикальной критики властей («Вельмема»). Что касается «Масторавы», то представители этих двух векторов – умеренного и радикального – остро дискутировали друг с другом внутри данной организации вплоть до ее фактического распада в середине 1990-х гг. [Юрченков, Конищенко 2006; Абрамов 2010].

В итоге возобладали сторонники умеренного вектора: уже к концу 1990-х гг. между политическим и административным руководством Республики Мордовия, с одной стороны, и многочисленными мордовскими этнокультурными обществами и организациями, с другой – сформировались отношения конструктивного диалога, разностороннего сотрудничества и социального партнерства.

Важными свидетельствами поддержки мордовского этнокультурного движения на государственном уровне (как республиканском, так и федеральном) стали I Международный фестиваль национальных культур финно-угорских народов (19–21 июля 2007 г.) и масштабные торжества, посвященные Тысячелетию единения мордовского народа с народами Российского государства (24–25 августа 2012 г.). В частности, высокий уровень государственной поддержки данных мероприятий подтверждает участие в них Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Кроме того, под эгидой республиканских властей также проходят съезды мордовского (мокшанского и эрзянского) народа: I (14–15 марта 1992 г.), II (23–24 марта 1995 г.), III (7–10 октября 1999 г.), IV (24 ноября 2004 г.), V (28–31 октября 2009 г.), VI (22–24 октября 2014 г.), VII (24–25 октября 2019 г.). На данных съездах всегда обсуждались реально существующие проблемы мордовского этноса (например, продолжающиеся в Мордовии и за ее пределами ассимиляционные процессы). В то же время на съездах, проходивших в 2000–2010-х гг., неизменно констатировались успехи республики и ее руководства в сфере этнокультурного строительства.

В этих условиях фактически единственной организацией, выступившей в качестве «непримиримой оппозиции» курсу этнокультурного строительства, проводимого руководством РМ, стал Фонд спасения эрзянского языка (далее по тексту – Фонд).

Лидеры и активисты Фонда с 1990-х гг. и до недавнего времени обвиняли Российское государство ни много ни мало в «геноциде» эрзян, их насильственной ассимиляции и русификации. При этом идеологи Фонда (Г. Мусалёв, Е. Четвергов, А. Шаронов) широко использовали откровенно оскорбительную риторику в адрес русской нации. Своеобразным «рупором» данной организации стало периодическое издание «Эрзянь мастор», издаваемое с 1994 г.

В качестве одного из примеров этой пропаганды стало обращение председателя Фонда, «инязора (князя) эрзянского народа» Г. Мусалёва, опубликованное им в «Эрзянь Мастор» под заголовком «Коренные народы возмущены!». Обращение адресовано «коренным народам» России, к которым, как известно, Г. Мусалёв принципиально не относит русских «колонизаторов»: «Дорогие умные эрзяне, мокшане, татары и другие коренные народы России, защитите свои материнские языки! Не смотрите на дебилизированных колонизаторов и усыпленных спящим летаргическим сном соплеменников. Знайте, фактически в России восстановили лозунг царской России: «Россия только для русских. Обрусеешь, тогда Россия и для тебя»¹. Далее перечисляются обвинения в адрес федеральной власти, среди которых ликвидация автономных областей (на примере Коми-Пермяцкого АО), превращение национальных республик в «вассалов Российской Конституции». Отдельное обвинение связано

¹ Мусалёв Г. Коренные народы возмущены! // Эрзянь Мастор. Независимая общественно-политическая газета Мордовского республиканского общественного Фонда спасения эрзянского языка. 2018. 15 мая. С. 2.

с преподаванием родных языков: «Подменили смысл преподавания в школах. Языки, а именно русский и английский, обязаны учить все россияне, а родной язык – учить по выбору родителей. Этим родные языки коренных народов унизили, сделали мачехой»². Г. Мусалёв обвиняет также российскую власть в покровительственном отношении государства к Русской православной церкви (РПЦ) в целях якобы русификации «коренных народов», в том числе эрзян. Этому же, по мнению предводителя Фонда, служат отсутствие в российских паспортах графы «национальность» и якобы специальное смешение в селах представителей разных этносов. Без комментариев можно оставить «геополитическую» часть статьи, в которой говорится, что Российское государство использовало эрзян как «пушечное мясо» в войнах с Польшей (без уточнения дат и эпох), Финляндией, в событиях в Венгрии 1956 г., в Афганистане 1980-х гг. и т. п. Завершение же рассматриваемой статьи Г. Мусалёва является фактически открытым призывом к межнациональной розни: «Читатель! Давайте порассуждаем логически. Представим такую картину. **Бог убрал русских из России** (выделено мной. – А. М.). Что получилось бы с Россией и ее коренными народами! Все коренные народы стали независимыми от «старшего брата», хозяевами своих судеб стали сами, и все вернули бы историческую родину, и они трудились бы на себя, развивая свой этнос культурно и духовно. А теперь ответьте, кто лишил их этой райской жизни?»³.

Кроме того, Фонд категорически отрицал единство мордовского народа, трактуя эрзян и мокшан как два отдельных этноса⁴. Причем сторонники этой организации утверждают, что причиной возникновения «мордвы» является «невежество» русского народа, который мокшу и эрзю принял за один этнос, якобы придумав ему презрительное прозвище «мордва», происходящее от грубого слова «морда». Излишне говорить, что с научной точки зрения такая риторика не выдерживает никакой критики.

С подобной точкой зрения заочно полемизируют ведущие этнологи республики Н.Ф. Мокшин и Е.Н. Мокшина: «Важной особенностью мордовского народа (этноса), сохраняющейся до настоящего времени, является его бинарность, наличие в его этноструктуре этнических общностей вторичного порядка, говоря по-научному, субэтносов мокши и эрзи, что детерминирует и двухступенчатость этнического самосознания мордвы. Взаимодействие тенденции общемордовской интеграции мокшанского и эрзянского этноцентризма пронизывает всю этническую историю мордвы. С одной стороны, мы видим процессы микроконсолидации, устойчивость собственно эрзянского и мокшанского самосознания, с другой – процессы макроконсолидации, когда те же эрзя и мокша претендуют на исключительный, монополярный приоритет именоваться мордвой, отлучая от этого этнонима друг друга. Наконец, как те, так и другие все более

² Мусалёв Г. Указ. соч.

³ Там же.

⁴ Эрюшонь Бажат. Мордовский шлагбаум // Там же. 28 дек. С. 4.

осознают, что являются двумя слагаемыми, составляющими единый мордовский народ» [Мокшин, Мокшина 2015, с. 6].

Среди других постулатов пропаганды Фонда – особое право эрзян на свою «этническую территорию»⁵, гонения на эрзянский язык⁶, обвинения в авторитаризме и «антинародном характере» в адрес федеральной власти⁷, а также оскорбительная риторика в адрес Русской православной церкви⁸.

Таким образом, исходя из сказанного можно констатировать очевидный конфликтный характер деятельности Фонда спасения эрзянского языка и его деструктивную роль в этнополитической жизни Мордовии. Причем здесь речь идет, безусловно, о межкультурном конфликте, природу и трансформацию которого раскрывает канадская исследовательница М. Ле Барон: «Любой конфликт, – утверждает она, – предполагает межличностное взаимодействие, которое происходит в контексте той или иной культуры. Степень ее влияния в каждом индивидуальном случае будет разной, подобно тому, как различаются два человека из одной и той же страны или региона, одной и той же веры, происхождения, пола или поколения. Они все равно будут демонстрировать разные культурные модели, касающиеся поведения и установок. Конфликт усложняется также проблемой баланса власти, которая присутствует на символическом уровне и определяет, что является естественным и разумным в каждой конкретной ситуации. Неравноправное взаимодействие, которое чаще всего между доминирующими и подчиненными группами в обществе приводит к тому, что общение между ними имеет чрезмерную эмоциональную окраску и повышает риск эскалации конфликта» [Ле Барон 2007, с. 250].

В целом настойчивые попытки активистов Фонда спасения эрзянского языка и их печатного издания «Эрзянь Мастор» подвергнуть сомнению единство мордовского народа как такового вызывают серьезные возражения у ученых, в том числе представителей данного этноса. Как упоминалось выше, об этом много говорит Н.Ф. Мокшин. Например: «Иногда можно услышать мнение, что народ, имеющий два языка, не может быть единым народом. Может быть это и так, но в нашем случае надо иметь в виду, что эрзя-мордовский и мокша-мордовский языки близкородственные и различия между ними не столь уж велики. Среди финно-угроведов, занимающихся мордовскими языками, распространен взгляд, что следует говорить не о двух мордовских языках, а о двух наречиях (или даже диалектах) единого мордовского языка... Думается, такой подход более

⁵ Мадуров Д.Ф. Этническая территория // Эрзянь Мастор. Независимая общественно-политическая газета Мордовского республиканского общественного Фонда спасения эрзянского языка. 2019. 29 апр. С. 2.

⁶ Нуянь Видяз. Школьный Освенцим // Эрзянь Мастор. 2019. 10 апр. С. 4.

⁷ Ёгань Минька. Песнь о Путине // Там же. 2018. 27 февр. С. 1; Россия – начало конца или начало перемен? // Там же. 15 февр. С. 1; НКА – удавка на шее коренных народов России?! // Там же. 2019. 28 февр. С. 2; Долгов Д.И. Легкий способ // Там же. 2018. 14 дек. С. 3.

⁸ Нуянь Видяз. Какому богу молиться? // Там же. 2019. 15 февр. С. 2.

правильно отражает не только современную этническую ситуацию у мордвы, но и верно намечает стратегию национальной политики по регулированию этнических процессов, переживаемых ею, на основе всего комплекса накопленных по этой проблематике научных данных» [Мокшин 1995, с. 14–15].

13 июля 2019 г. в селе Чукалы Большеигнатовского района РМ прошел Раськень Озкс – эрзянские языческие моления, в ходе которых был «избран» новым «инязором» («князем») эрзянского народа А. Болькин (Сыресья Боляень), «активист эрзянской общины» на Украине. Его «предшественник» в качестве инязора Г. Мусалёв (Кшуманцянь Пиргуж) сложил свои полномочия в пользу нового «князя».

Несколько слов о личности нового «инязора». А. Болькин постоянно проживает на Украине, активный участник событий на Майдане 2014 г. и «АТО» на территории Донбасса, также является одним из учредителей так называемой общественной платформы «Свободный Идель-Урал», созданной в Киеве в 2018 г. Взгляды А. Болькина созвучны той многолетней риторике об «этноциде эрзян со стороны имперского государства», которую вел Г. Мусалёв. Например, в январе текущего года «Сыресья Боляень» направил открытое письмо верховному комиссару ОБСЕ по делам национальных меньшинств Л. Заньберу, в котором, в частности, говорится: «Вся московская вертикаль власти, включая местного представителя партии «Единая Россия» Владимира Волкова, препятствует деятельности эрзянского национального движения. Любые проявления общественной активности эрзян воспринимаются как вызов территориальной целостности России. Мы хотим развивать эрзянскую культуру, институты гражданского общества, а нам предлагают «говорить по-эрзянски на кухне». «Власть лепит из нас образ врага, а все потому, что мы не хотим становиться русскими. Дайте нам быть собой!» [Володина 2019, с. 10]. Необходимо отметить, что данные «выборы нового князя эрзян» вызвали возмущение многих эрзянских активистов и общественных деятелей, в том числе за пределами Мордовии. Например, руководитель эрзянско-мокшанского общества культуры «Сятко» (Эстония) Р. Климова дала этому событию следующий комментарий: «Человек, которому отказано во въезде в Россию, не может руководить национальным движением. Это смешно, нелепо и очень негативно отразится на репутации Мордовии и России в целом. Болькин – настоящий фашист! Причем очень амбициозный» [Володина 2019, с. 10].

Примечательно, что несколько ранее, в мае 2019 г., произошла смена руководства и в Фонде спасения эрзянского языка, который также бессменно возглавлял Г. Мусалёв. Здесь его сменила журналистка Т. Ларина, которая придерживается достаточно умеренных взглядов и не разделяет радикализма Мусалёва и Болькина. Более того, с мая 2019 г. до настоящего времени сайт газеты «Эрзянь Матор» является фактически не действующим, поскольку не пополняется новыми номерами, что связано с работой, которую ведет новое руководство Фонда по созданию нового формата данного периодического издания, в том числе в интернет-пространстве.

Заключение

Таким образом, этнические мобилизации постсоветского периода не обошли стороной мордовский народ. Это привело к формированию целого ряда мордовских этнокультурных организаций. При этом влияние субэтнического фактора проявляется в том, что, наряду с организациями, отражающими интересы всего мордовского этноса, действуют сугубо мокшанские и эрзянские организации. Необходимо признать, что большинство мокшан и эрзян осознают себя как единый этнос, не усматривая в этом какое-либо противоречие с их мокшанской или эрзянской идентичностью. Исключение до недавнего времени составляла общественная организация Фонд спасения эрзянского языка, которая категорически отрицала единство мордовского народа и одновременно продвигала идею якобы имеющей место целенаправленной политики Российского государства по ассимиляции эрзян, «искоренению» их как нации. Однако смена руководства в Фонде, произошедшая в 2019 г., дает основания предполагать, что эта организация займет более взвешенную и конструктивную позицию.

В целом необходимо признать, что субэтническая специфика мордовского народа, наложив некоторый отпечаток на этнополитическую ситуацию в Мордовии, не привела к какой-либо нестабильности даже в атмосфере этнических мобилизаций 80–90-х гг. XX в. Напротив, абсолютное большинство мордовских национальных организаций и обществ, в том числе мокшанских и эрзянских, представляют собой единое, по сути, этнокультурное движение, которое активно взаимодействует с государственными органами и структурами, пользуется поддержкой со стороны региональных властей.

Литература

- Абрамов 2010 – *Абрамов В.К.* Мордовское национальное движение. Саранск, 2010. 184 с.
- Володина 2019 – *Володина Н.* «Новый инязор» призывает к созданию «эрзянского государства» // Столица С. 3 сент. 2019. С. 10.
- Ле Барон 2007 – *Ле Барон М.* Трансформация межкультурных конфликтов в наше сложное время // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра: Сб. ст. / Ред. В. Тишков, М. Устинова. М.: Наука, 2007. С. 249–265.
- Маресьев 2010 – *Маресьев В.В.* Общественные движения в Мордовии. М.: ЦИМО, 2010. 282 с.
- Мокшин 1989 – *Мокшин Н.Ф.* Мордовский этнос. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 1989. 160 с.
- Мокшин 1995 – *Мокшин Н.Ф.* Этноструктура и современные этнические процессы у мордвы // Возрождение мордовского народа: Материалы научной конференции. Саранск, 23–24 мая 1994 г.: Сб. ст. Саранск, 1995. С. 14–15.
- Мокшин, Мокшина 2015 – *Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н.* Этнические процессы у мордвы на современном этапе // Социально-политические науки. 2015. № 3. С. 5–8.

- Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) 2013 – Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года): Статистический сборник / Ред. И.В. Парамоновой. Саранск, 2013. 99 с.
- Панарин 2003 – *Панарин С.А.* Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России // Евразия. Люди и мифы: Сб. ст. М.: Наталис, 2003. С. 427–447.
- Шилов 2014 – *Шилов Н.В.* Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2014. 264 с.
- Юрченков, Кониченко 2006 – *Юрченков В.А., Кониченко Ж.Д.* На пороге реформ: Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2006. 368 с.
- Anderson 2006 – *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 2006. 240 p.

References

- Abramov, V.K. (2010), *Mordovskoye natsionalnoe dvizheniye* [Mordovian National Movement], Saransk, Russia, 184 p.
- Anderson, B. (2006), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Verso, London, New York, 240 p.
- Le Baron, M. (2007), *Transformatsiya mezhkul'turnykh konfliktov v nashe slozhnoye vremya* ["Transformation of intercultural conflicts in our difficult times"], in Tishkov V., Ustinova M. (ed.), *Etnopoliticheskiy konflikt: puty transformatsiyi. Nastolnaya kniga Berghofskogo tzentra* [Ethno-political conflict: ways of transformation. Berghof Center Handbook], digest of articles, 2007, pp. 249–265, Nauka, Moscow, Russia.
- Maresyev, V.V. (2010), *Obchestvenniye dvizheniya v Mordoviyi* [Social movements in Mordovia], Center for the Study of Interethnic Relations, Moscow, Russia, 282 p.
- Mokshin, N.F. (1989), *Mordovskiy etnos* [Mordovian ethnos], Mordovskoye knizhnoye izdatelstvo, Saransk, Russia, 160 p.
- Mokshin, N.F. (1994), *Ehtnostruktura i sovremennyye ehtnicheskiye protsessy u mordvy* ["Ethnic structure and modern ethnic processes in the Mordovians"], in: Arsenyev N.M. (ed.), *Vozrozhdeniye mordovskogo naroda. Materialy nauchnoy konferentsiyi* [Revival of the Mordovian people], Saransk, Russia, 23–24 May 1994, pp. 14–15, Saransk, Russia.
- Mokshin, N.F., Mokshina, E.N. (2015), "Ehtnicheskiye protsessy u mordvy na sovremennom ehtape" ["Ethnic processes among the Mordovians at the present stage"], *Sotsialno-politicheskiye nauki*, no. 3, pp. 5–8.
- Panarin, S.A. (2003), *Natsional'no-kul'turnoe vozrozhdeniye v respublikakh i territorial'naya tselostnost' Rossii* ["National and cultural revival in the republics and territorial integrity of Russia"], in: Panarin S.A. (ed.), *Yevraziya. Lyudi i mify* [Eurasia. People and myths], digest of articles, 2003, pp. 427–447, Natalis, Moscow, Russia.
- Paramonova, I.V. (ed.), "Natsional'nyy sostav naseleniya Respubliki Mordoviya, vladeniye yazykami i grazhdanstvo (po itogam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda)" [National composition of the population of the Republic of Mordovia, language skills

- and citizenship (based on the results of the 2010 All-Russian Population Census)], *Statistical compilation*, Saransk, Russia, 2013, 99 p.
- Shilov, N.V. (2014), *Etnopoliticheskoye razvitiye Mordovii v usloviyakh postsovetskogo tranzita* [Ethno-political development of Mordovia in the context of post-Soviet transit], Publishing House of the Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, 264 p.
- Volodina, N. (2019), “Novyi inyazoR” prizyvaet k sozdaniyu “ehrzyanskogo gosudarstva” [“New Inyazor” calls for the creation of an “Erzyan state”], *Stolitsa S*, September 3, p. 10.
- Yurchonkov, V.A., Konichenko, J.D. (2006), *Na poroge reform: Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Mordovii v pervoy polovine 1990-kh godov* [On the Threshold of Reforms: Social and Political Life of Mordovia in the First Half of the 1990s], Publishing House of the Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, 368 p.

Информация об авторе

Александр В. Мартыненко, доктор исторических наук, профессор, Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия; 430007, Россия, Саранск, ул. Студенческая, д. 11а; arkanaddin@mail.ru

Information about the author

Alexander V. Martynenko, Dr. of Sci. (History), professor, Mordovian State Pedagogical Institute named by M.E. Evseyev, Saransk, Russia; bld. 11a, Studencheskaya Str., Saransk, Russia, 430007; arkanaddin@mail.ru

Религии и межрелигиозные отношения в России

УДК 322:28

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-53-65

Политизация исламской уммы в России: оценка процесса, тенденции развития и способы оптимизации

Рушан Р. Галлямов

*Региональный исследовательский центр «СоцИнформ»,
Уфа, Республика Башкортостан, Россия, gal-rushan@yandex.ru*

Аннотация. Политизация исламской уммы в России в постсоветский период рассматривается с точки зрения оценки этого процесса, выявления его основных тенденций и предлагаемых мероприятий по их оптимизации. Несмотря на дискуссионность этого вопроса в отечественной науке, автор приходит к однозначному выводу о политизации исламской уммы в России. Рассматриваются основные тенденции и факторы политизации, показаны последствия этого процесса для российского общества. Делается вывод о том, что для оптимизации основных тенденций политизации необходимо предусмотреть осуществление преобразований по совершенствованию системы исламского образования как в целом по стране, так и в ее «мусульманских» регионах.

Ключевые слова: исламская умма России, политизация, тенденции развития, способы оптимизации

Для цитирования: Галлямов Р.Р. Политизация исламской уммы в России: оценка процесса, тенденции развития и способы оптимизации // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 53–65. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-53-65

The politicization of the Islamic umma in Russia: process assessment, development trends and optimization methods

Rushan R. Gallyamov

*Regional Research Center “SotsInform”,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, gal-rushan@yandex.ru*

Abstract. The article considers the politicization of the Islamic Ummah in Russia in the post-Soviet period, from the point of view of analyzing the assessment of this process, identifying its main trends and proposed measures to optimize them. Despite the debatable nature of this issue in Russian science, the author comes to a clear conclusion about the politicization of the Islamic Ummah in Russia. The main trends and factors of politicization are considered, as well as

© Галлямов Р.Р., 2020

the consequences of this process for Russian society. It is concluded that in order to optimize the main trends of politicization, it is necessary to provide for the implementation of changes to improve the system of Islamic education: both in the country as a whole and in its “Muslim” regions.

Keywords: Islamic umma of Russia, politicization, development trends, optimization methods

For citation: Gallyamov, R.R. (2020), “The politicization of the Islamic umma in Russia: process assessment, development trends and optimization methods”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 53–65, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-53-65

Введение

Исламский вопрос, как известно, стал одним из решающих факторов общественно-политического развития постсоветской России. Мощное развитие ренессанса второй по значению конфессиональной общности нашей страны, приверженцы которой составляют, по приблизительным подсчетам, свыше 15% ее населения, с одной стороны, с другой – стремительное возрастание роли ислама во всем остальном мире и его радикализация выдвинули исламскую проблему в современной России на ведущие позиции. Что позволило некоторым отечественным специалистам заявить об актуализации «исламской угрозы» для всего человечества. Как, например, отмечает известный российский исламовед А.В. Малашенко: «Словосочетание «исламская угроза» не сразу обрело академическую легитимность и поначалу употреблялось скорее как гипербола... она еще только появляется, а мы пока не осознаем, что это за явление и какое значение она со временем обретет» [Малашенко 2004, с. 4]. При этом одним из самых противоречивых последствий развития исламской уммы в России стала ее политизация, вокруг смысла которой в отечественной науке в последнее тридцатилетие не утихают ожесточенные дискуссии. В настоящей статье, не вступая в схоластическое теоретизирование по поводу наличия или отсутствия феномена политизации российского ислама, автор представляет свою точку зрения, опираясь, в основном, на результаты эмпирических исследований, проведенных с его непосредственным участием¹ или под его руководством².

¹Проекты: «Язык, национальность и бывший Советский Союз»: Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан, апрель 1993 г. (руководитель – М.Н. Губогло); «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России»: Этносоциологический опрос в Башкортостане, август 1995 г.; «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)», «Электрокардиограмма (ЭКГ) толерантности и солидарности»: Этносоциологический опрос в Башкортостане, май 2002 (руководитель – Ф.Г. Сафин); «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия»: Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан, октябрь 2018 г. (руководитель – А.И. Фатхутдинова).

²Результаты углубленного авторского интервью мусульманской элиты Башкортостана в марте–августе 2004 г., опрошено 38 религиозных деятелей;

*Исламский ренессанс:
ожидания и реальность*

Возрождение мусульманской конфессии в России, бурно развернувшееся с конца 1980-х гг., прошло в своем развитии несколько отличающихся друг от друга этапов. При этом реальные тенденции реисламизации общества значительно отставали и от имеющихся статистических показателей «потенциального» исламского населения, и от ожиданий религиозных иерархов, формирующейся мусульманской элиты.

Например, в Башкирии, как в одном из активных исламизированных регионов Урало-Поволжья и всей страны (свыше 55% современного населения – потомки дореволюционных мусульман), согласно результатам социологического опроса городских жителей 1993 г., т. е. в самом начале постсоветской эпохи, только 53% респондентов причисляли себя к верующим. Из них: 12,6% опрошенных самоопределились как «верующие и соблюдающие обряды», еще 33,6% – как «верующие, но не соблюдающие обряды», еще 10,2% – «нам все равно»; 33% – «не верим, но уважаем чувства тех, кто верит». По результатам опроса, проведенного по выборке, репрезентативной для всего населения республики, через два года (в 1995 г.) уже 71,3% респондентов в разной степени продекларировали свою религиозность. При этом из числа ответивших таким образом 11,1% объявили, что они «верующие и соблюдают обряды», 34% – «верующие, но не соблюдают обряды», 7,2% – «нам все равно», 19,3% – «неверующие, но уважают чувства тех, кто верит». То есть большого роста религиозности не произошло, а рост числа верующих происходил за счет «колеблющихся», в разряд которых перешли те, кто ранее трактовал себя как «не верующий, но уважающий чувства тех, кто верит».

Необходимо подчеркнуть, что по результатам обоих представленных опросов (1993 и 1995 гг.), однозначно верующие, по своей части от числа опрошенных, составили уже стабильный уровень – приблизительно 55–60%. Однако в последующие пятнадцать лет, к окончанию первого десятилетия текущего столетия, мусульманская религиозность населения Башкирии сильно возросла. Так, по результатам репрезентативного опроса жителей республики 2011 г., проведенного московскими социологами, 31,5% опрошенных, которые объявили о своей мусульманской идентичности (в том числе 32% башкир и 29,5% татар), продекларировали, что они «верующие и стараются соблюдать религиозные обычаи и обряды», еще 58,8% респондентов из числа потенциальных мусульман (в том числе 58% башкир и 61% татар) отнесли себя к категории «верующие, но не соблюдающие обычаи и

результаты интервью представителей татарской мусульманской интеллигенции и экспертов, проведенных автором в июне–июле 2014 г., проведено 13 глубинных интервью, распределенных по составу экспертов на следующие группы: 4 человека – представители исламского духовенства; 4 – эксперты из числа ученых и чиновников; 5 – верующие из числа активистов татарских общественных организаций.

обряды». То есть к 2011 г. число верующих, причисляющих себя к мусульманской традиции, в Башкирии достигло 90,3%, согласно религиозной самоидентификации [Ямаева 2012, с. 76].

С одной стороны, несомненно, что столь «оптимистичные» результаты новейших массовых социологических опросов вызывают большие сомнения в их репрезентативности с точки зрения отражения реального распространения мусульманской идентичности в широких слоях населения Урало-Поволжского макрорегиона страны. С другой стороны, даже само стремление к декларации своего исламского вероисповедания респондентами из числа потенциальных мусульман вполне свидетельствует о значительном росте конфессиональной идентичности, стимулирующей реальное приобщение к религии. В то же время, по результатам более репрезентативных опросов, например этнической интеллигенции и мусульманского духовенства, реальная религиозность жителей своего региона (Башкирии и Татарии) оценивается в большей степени как декларативная, чем действительная. При этом именно такая, достаточно скромная оценка исламской религиозности широких слоев населения сохраняется в среде мусульманского духовенства на протяжении всего последнего двадцатилетия. Как показал компаративный анализ итогов двух опросов, проведенных автором в 2004 и 2014 гг., представители мусульманской и этнической элиты подчеркивают: во-первых, в основном «инерционный» характер мусульманской идентичности широких слоев населения, сохранившийся после значительного всплеска начала 1990-х гг.; во-вторых, большие «сельско-городские» (на селе – больше, в городе – меньше) различия в этом смысле; в-третьих, существенное отставание исламской конфессии от православия с точки зрения итогов религиозного ренессанса.

Весьма показательно, что проведенные автором в 2014 г. интервью экспертов, представляющих мусульманскую интеллигенцию и респондентов из числа чиновников, показали, что большинство опрошенных отмечают только некоторый «всплеск» интереса к религии в начале 1990-х гг., который носит характер в основном «модного увлечения». Респонденты новейших интервью также специально подчеркивают, что рост «количественных» показателей религиозности (рост количества зарегистрированных общин и мечетей, увеличение числа исполняющих некоторые обряды) происходит наряду с отсутствием ее «качественного» роста (отсутствие «глубинной» религиозности). А отдельные респонденты, особенно из числа молодежи, высказывают мнение, что никакого увеличения исламской религиозности не происходит вообще, скорее наблюдается даже ухудшение в этом смысле, особенно – в последнее двадцатилетие.

Одновременно, если исходить из статистических показателей, имеющих в значительной степени формальный характер, религиозный ренессанс в исламской умме России все же можно констатировать. Наиболее яркими его характеристиками выступают: во-первых, рост количества зарегистрированных приходов, многократное увеличение числа высокообразованных священнослужителей из числа молодых людей; во-вторых, строительство многочисленных, иногда оригиналь-

ных в архитектурном исполнении зданий мечетей; в-третьих, создание и развитие целой системы «внутреннего» религиозного образования в стране. Например, если в 1990 г. в Башкирии насчитывалось только 30 мусульманских общин, то к 2014 г. количество мусульманских общин здесь выросло практически до 1200, а в соседнем Татарстане свыше 1100 общин имели свои здания мечетей. Однако и в этом случае, как отмечают в ходе интервью представители мусульманского духовенства Урало-Поволжского макрорегиона, количество построенных мечетей не отражает уровня развития религиозности. Они подчеркивают: «Мечети настроили, а прихожан в них мало, службы (в том числе – пятничную молитву) посещают только чуть более одного процента потенциальных мусульман». При этом, по их словам, дальнейший рост количества мусульманских общин в «мусульманских» республиках и областях России вполне возможен в связи с тем, что в перспективе вероятен процесс развития мусульманских махалля (религиозных общин) в городской местности, при том, что в сельских населенных пунктах потенциал роста практически исчерпал себя.

Нельзя не отметить, что на Северном Кавказе, особенно – в Дагестане, масштабы исламского ренессанса значительно более выражены, чем в Урало-Поволжье, в силу сложившихся здесь исторических, демографических, этнополитических реалий. Показательным индикатором в этом смысле служит хотя бы различие количества мусульман из этих двух макрорегионов, совершающих ежегодный хадж в Мекку: в Урало-Поволжье это число (несколько сотен) уступает Северному Кавказу (несколько тысяч) в десятки раз. Это при том, что количество потенциальных мусульман в структуре населения данных макрорегионов вполне сопоставимо – около 4–5 млн в каждом из них.

Политизация российской мусульманской уммы: оценка процесса

Как известно, феномен политизации мусульманской уммы России с конца 1980-х гг. в отечественном исламоведении остается дискуссионной проблемой и окончательный ответ на этот вопрос еще не сформулирован. На заре этого процесса исламовед А.В. Малашенко писал, что «одной из характеристик возрождения ислама является его политизация, возникновение и спорадическая активность мусульманских партий и организаций, набирающих опыт, но пока не определивших своего окончательного места в политической палитре России» [Малашенко 1998, с. 208]. Казанский исламовед Р.М. Мухаметшин, проанализировав причины политизации исламского духовенства, также пришел к выводу, что «молодые имамы», пришедшие в религиозные структуры на волне перестроечных веяний, положительно рассматривают роль политики в религиозном обновлении общества... «Молодые имамы», получив официальный статус (став, в основном, муфтиями в той или иной республике или регионе), в силу многих причин еще не имея соответствующего влияния в своих мусульманских общинах и однозначной поддержки властей, возлагали опре-

деленные надежды на политическую деятельность и использовали ее по мере своих возможностей» [Мухаметшин 2003, с. 193].

В то же время другие авторы утверждают, что политизация российской уммы в постсоветский период не происходила и не могла происходить по многим основаниям. Например, казанский политолог Н.М. Мухарямов, опираясь на категорию «политическое участие», которая позволяет выявлять формы и степень вовлечения акторов в процесс принятия политических решений, их включения во властно-управленческие отношения, приходит к выводу о том, что политизацию ислама в одном из ключевых исламских регионов России – Поволжье – можно считать несостоявшейся или как минимум – отложенной на неопределенный срок². Несколько изменил свою точку зрения в более поздних работах и ректор Исламского университета в Казани Р.М. Мухаметшин, приходя к аналогичному с позицией Н.М. Мухарямова выводу о том, что российский ислам «...не настолько политизирован, чтобы играть самостоятельную роль в политической жизни и занять свою политическую нишу» [Мухаметшин 2005, с. 5–6].

Одновременно в российском общественном сознании высказывается и противоположная точка зрения о том, что политизация, хотя и не классическим способом, а своеобразными методами, в постсоветском российском исламе все же состоялась и привела к довольно противоречивым последствиям. Эта идея была высказана автором статьи еще в середине 1990-х гг. [Галлямов 1998] и потом обоснована в более поздних работах³ [Галлямов 2006]. В последние годы в российской политологии появились и другие фундаментальные работы, доказывающие факт политизации российского ислама [Мирзаханов 2019а].

Основные тенденции и последствия политизации российской мусульманской уммы

Если проводить комплексный сравнительный анализ общественно-политических взглядов и деятельности лидеров исламской уммы России, зафиксированных социологически точек зрения самих имамов различных иерархических уровней, наконец, оценить пристрастия к исламскому вопросу известных политиков, в первую очередь руководителей «исламских» регионов, то неизбежным явится вывод о том, что политизация ислама в России все же состоялась. Оставляя за пределами данной статьи более глубокий анализ проблемы, которая составляет отдельную исследовательскую тему, хочу отметить,

² Мухарямов Н.М. Ислам в Поволжье: политизация несостоявшаяся или отложенная? // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 45–70.

³ Галлямов Р.Р. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 71–117.

что политизация проявилась, в частности, в осуществлении следующих тенденций.

Во-первых, одним из основных проявлений политизации российской уммы (и одновременно – негативным следствием ее развития) стал процесс организационно-институциональной регионализации общин, раскол прежде единых религиозных объединений – муфтиятов – сначала на региональные, затем на более мелкие объединения. Основными факторами данного раскола, как отмечают большинство исследователей, в том числе отрицающих сам феномен политизации, стали сугубо политические причины. Прежде всего, это борьба за власть над «подконтрольными» общинами в самой мусульманской элите. Неудовлетворенные, в условиях единых муфтиятов, политические амбиции «молодых имамов» и их стремление контролировать появившиеся вдруг немалые материальные (в виде недвижимости), финансовые (в форме обильных отечественных и зарубежных пожертвований) и человеческие (подконтрольные прихожане и общины) ресурсы привели к тому, что «молодые имамы» стремились вырваться из-под контроля не только, по их мнению, устаревших, складывающихся столетиями организационных структур мусульманского единства страны, но и перессорились между собой даже внутри вновь возникающих региональных объединений. Это привело к появлению в некоторых республиках и областях даже нескольких враждующих между собой муфтиятов, а общее их число перевалило в стране за полсотни.

Результаты интервью священнослужителей различной иерархии показывают, что в это ожесточенное противостояние оказалась втянутой мусульманская элита, в основном на общероссийском уровне и в рамках регионального масштаба. На местном (поселения) и мухтасибатском (управление нескольких сельских районов), т. е. субрегиональном уровнях противостояние исламских священнослужителей практически не проявлялось и оказалось выражено лишь в той мере, в какой оно транслировалось «сверху», т. е. из противостоящих муфтиятов. При этом между рядовыми имамами, т. е. между руководителями реальных общин противоречий практически не возникает, они работают совместно, не конкурируя друг с другом. Борьба за контроль над общинами с перетягиванием на свою сторону тех или иных имамов, а иногда и посредством рейдерского захвата той или иной мечети (общины) осуществлялась на уровне регионов и макрорегионов. Необходимо признать, что именно организационный раскол некогда единых муфтиятов, по мнению большинства опрошенных экспертов из числа священнослужителей и светских общественных деятелей, нанес и продолжает наносить наибольший вред возрождению российского ислама. Например, в ходе всех проводимых опросов автором был многократно зафиксирован негативный отклик подавляющего большинства опрошенных на регионализацию исламского управления в стране. Более 85% респондентов из числа мусульманских священнослужителей заявили о своем отрицательном отношении к дроблению исламских управлений по региональному принципу и только 13% посчитали это нормальным явлением. При этом на контрольный вопрос о том, как вообще должны управляться

мусульманские приходы, 63,2% имамов различных (в том числе противоборствующих) муфтиятов высказались за строгую централизацию управления общинами в лице одного муфтия. Лишь 13,2% из числа респондентов упомянутого опроса выступили за раздел религиозных управлений по региональному принципу, в основном это были представители «отколовшихся» муфтиятов. Одновременно 5,3% экспертов продекларировали необходимость управления мусульманскими религиозными общинами «на принципах федерализма», хотя не смогли объяснить в ходе интервью, что же представляет собой сам принцип федеративного управления⁴.

Во-вторых, значительное влияние на процесс политизации мусульманских общин России оказал так называемый этнополитический фактор, проявившийся в двух основных смыслах.

Первый аспект заключается в том, что раскол нескольких единых российских муфтиятов стал результатом противостояния республиканских политических элит и руководства федерального центра в ходе формирования вновь создаваемого национально-территориального устройства страны. Так, в Урало-Поволжском макрорегионе, в 1990-е гг., политические элиты борющихся за «суверенитет» российских республик стремились использовать «исламский фактор» в качестве духовно-идеологической поддержки заявленных политических притязаний со стороны одной из традиционных и ярко представленных на этой территории конфессий. Поэтому политические элиты Татарстана и Башкортостана пошли по пути создания «своих» (т. е. подконтрольных светской власти) муфтиятов, вступив, на определенном этапе, в конфронтацию с руководством единого прежде всероссийского исламского органа управления (Центральное духовное управление мусульман России – ЦДУМР) во главе с Т. Таджутдиным. Последний всегда выступал категорически против политизации исламской уммы, тем более – против подчинения деятельности имамов и муфтията интересам «борьбы за суверенитет» республик в составе России. Т. Таджутдин проявлял лояльность в отношении к федеральным властным структурам и высказывался в их поддержку, завоевав тем самым имидж «противника суверенитета». Как известно, Т. Таджутдин выступал против политизации, исходя, во-первых, из невозможности «делить народы по религиозно-политическому принципу», во-вторых, из-за противоречия политизации основным канонам ислама и, в-третьих, поскольку именно партии, на его взгляд, «разрушают многовековую российскую традицию примирения и согласия».

Следует отметить, что по результатам проведенных автором опросов мусульманской элиты сторонниками политизации исламской уммы выступили практически все представители региональных муфтиятов, возникших в результате раскола (ДУМ Башкортостана – в том числе), что выглядит вполне логично. При этом некоторые из них выражали убеждение, что «ислам сам по себе есть политика»

⁴ Галлямов Р.Р. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. С. 71–117.

и что без политики «невозможно решить ни одного вопроса». Сторонники ЦДУМ России, вслед за своим руководителем, наоборот, высказались категорически против политической деятельности мусульманских священнослужителей. Так, около половины опрошенных респондентов (47,4%) ответили, что имамы должны работать с людьми только в мечетях, и высказались против участия священнослужителей в политике, против политических партий. Еще 34,2% проинтервьюированных посчитали, что надо работать в мечетях, но и в политике принимать посильное участие. Очень показательно, что 15,8% опрошенных сочли прямую политическую деятельность священников невозможной. Наконец, 7,9% респондентов уверены в том, что в политике может и должно участвовать только высшее руководство исламской уммы – муфтий и его ближайшее окружение⁵.

Необходимо подчеркнуть, что возникшие на начальном этапе раскола ЦДУМ и региональных муфтиятов противоречия (1990-е гг.), были несколько сглажены в начале текущего столетия, но не перестали существовать. Различия во взглядах на политику, в том числе в латентной форме, продолжают оказывать свое негативное влияние и на современном этапе.

Второй аспект этнополитического фактора политизации российской исламской уммы заключался в том, что в республиках и областях Урало-Поволжья борьба молодых имамов за отделение от ЦДУМР и создание независимых духовных управлений велась под лозунгами, а иногда и под непосредственным руководством этнически ангажированных, в некоторых случаях даже радикальных националистических группировок. Религиозные деятели, выступающие с позиций критики этнически ориентированного подхода в политике, подвергались остракизму и стигматизации как «противники суверенитета», со всеми вытекающими для той эпохи последствиями. В Башкирии, например, это даже наложило свой отпечаток на то, что разделение общин по муфтиятам приобрело некоторый этнический характер: общины, находящиеся в традиционно башкирских субрегионах, стали подчиняться республиканскому ДУМ Башкортостана, а махалля, расположенные в татарских или татароязычных субрегионах республики, – ЦДУМ России.

Примечательно, что на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, в конечном счете сложилась многосубъектная система политизации ислама. Внутримусульманская конфронтация проходила по линии противостояния активного салафитского меньшинства и инертного «традиционалистского» (суфийского) большинства [Мирзаханов 2019а].

Одновременно возникла межэтническая и межязыковая проблема во взаимодействии единоверцев Урало-Поволжья и мигрирующего сюда населения Кавказа и «исламских» государств Средней Азии. По словам политолога Д.Г. Мирзаханова, «анализ условий политизации ислама в российских мусульманских регионах пока-

⁵ *Галлямов Р.Р.* Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана. С. 118.

зал, что особым и малоизученным ракурсом политизации ислама является новая тенденция: зарождение предпосылок столкновения в Поволжье двух исламов – местного татарского и миграционного кавказского. Этот факт не только подтверждает общепринятый тезис о том, что отечественный ислам обладает четко выраженными территориальными характеристиками. Он свидетельствует о более важной тенденции: о сложных перспективах формирования единого отечественного мусульманского сообщества» [Мирзаханов 2019б, с. 23–25]. В Урало-Поволжье на эту сложившуюся неоднозначную ситуацию дополнительно накладывается и фактор многочисленных «гастарбайтеров» и мигрантов на постоянной основе – выходцев из Средней Азии, которые все настойчивее заявляют свои права на проведение имамами части религиозной службы на родном языке или на создание своих этнических махалля на данной территории.

В-третьих, как показывают результаты всех видов опросов и включенного наблюдения, одним из негативных последствий политизации мусульманской уммы России и, одновременно, важным препятствием на пути к позитивной и стабильной реисламизации российского поликонфессионального общества выступает распространение в последние годы, среди некоторой части верующих, религиозного экстремизма, который способен разрушить не только саму мусульманскую умму страны, но и представляет серьезную опасность для существования российского государства и гражданского общества. Как показали результаты нескольких проведенных автором интервью (в 2004 и 2014 гг.), репрезентативные группы респондентов из числа религиозных деятелей Урало-Поволжья отметили, что религиозный экстремизм, несмотря на отсутствие в данном регионе предпосылок для его развития (распространенный здесь масхаб, менталитет жителей, хорошие показатели социального развития и т. д.), представляет реальную и довольно серьезную угрозу. Главными факторами, влияющими на активизацию исламского экстремизма в Урало-Поволжье, респонденты из числа мусульманской элиты в уменьшающейся по значению последовательности назвали следующие: а) попустительство официальных властей процесса проникновения религиозного мусульманского экстремизма; б) невежество некоторой части верующих и наличие среди имамов людей «с психическими отклонениями», в том числе тех, кто был, по мнению экспертов, «зомбирован» во время обучения в некоторых мусульманских странах; в) необходимость отстаивать среди прихожан общин здоровый, основанный на местных традициях ислам, следование традициям местных, исторически сложившихся на этой территории масхабов; г) самое главное – организация адекватного качественного религиозного образования. Тем самым делается заявка на объединение усилий мусульманских общин с государством в деле противостояния исламскому экстремизму.

Таким образом, именно качественное и ориентированное на традиционный российский ислам религиозное образование эксперты рассматривают как наиболее действенный способ преодоления одного из самых негативных последствий политизации исламской уммы.

*Современное исламское образование
как фактор деполитизации
мусульманской уммы России*

Процесс политизации мусульманской уммы в современной России требует разработки и реализации целой системы мер по оптимизации этого процесса с целью минимизации возможных негативных последствий и преодоления проявляющегося иногда радикализма. На взгляд автора, в этом комплексе, наряду с организационно-политическими, идеологическими, контртеррористическими и другими мероприятиями, необходимо предусмотреть осуществление преобразований по совершенствованию системы исламского образования как в целом по стране, так и в ее регионах, в особенности – подверженных мусульманскому влиянию.

1. Для создания полноценного и самодостаточного российского исламского образования рано или поздно потребуются организационное объединение всех основных российских муфтиятов на тех или иных консолидирующих принципах. В условиях организационного (политического) раскола общин и их объединений отдельные образовательные учреждения, подчиненные и финансируемые различными муфтиятами, рискуют остаться лишь ведомственными, по своему характеру региональными организациями, осуществляющими частную образовательную политику, даже при наличии процедуры государственной аттестации и аккредитации. В крайнем случае, в первую очередь необходимо создать единый научно-образовательный и методический центр, осуществляющий соответствующие исследования и формулирующий обязательные рекомендации для всего российского исламского образования. Функцию подобного центра вполне могла бы взять на себя Булгарская исламская академия. Данная роль должна быть закреплена нормативно, в рамках документов не только самой уммы, но и федерального (регионального) законодательства. Необходимо скорейшее завершение разработки и принятие к исполнению новейшей редакции Государственного стандарта не только по исламскому образованию, но и по исламскому сегменту теологического образования.

2. На современном этапе назрела необходимость разработки общей Декларации и заключение Договора о координации исламского образования в рамках бывших «исламских республик» СССР. Тем более, что существуют хорошие исторические традиции. Нельзя ограничиваться только двусторонними соглашениями между отдельными странами и муфтиятами. Российское исламское образование, в рамках сохраняющихся экономических, языковых, культурных и миграционных связей со странами бывшего Советского Союза, может выполнять роль одного из Центров обучения исламских священнослужителей Евразии, наряду с Турцией и арабскими странами.

3. Необходимо создание и реализация во всех мусульманских образовательных учреждениях страны специальной образовательной Программы по преодолению этнофобии, межэтнического экстремизма и формированию общероссийского патриотизма среди мусульман.

Реализация принципов этой программы должна дополнить систему обучения исламского единства в рамках всего вероучения посредством пропаганды достижений как современной антропологии, так и в целом общегуманитарной науки.

4. Необходимо в ближайшее время обсудить и принять на уровне всей уммы или отдельных крупных муфтиятов рекомендации для ведения комментариев богослужений на том или ином языке (на основе общинного решения джамаатов). При обязательном ведении дагватов на арабском языке осуществлять комментарии на традиционном языке данной общины, с применением и русского языка как языка межнационального общения. Разработать Программу адаптации мусульман-мигрантов к условиям осуществления богослужений и реализации общины местного (коренного) населения.

5. При формировании теологических основ современного российского ислама опираться на традиции и научно-просветительское наследие известных российских богословов-мусульман прошлых веков и современности, на преимущественно (может даже – исключительно) местные масхабы.

Литература

- Галлямов 1998 – *Галлямов Р.Р.* Факторы регионализации мусульманских организаций России на современном этапе // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. М.: Центр Карнеги, 1998. С. 72–78.
- Галлямов 2006 – *Галлямов Р.Р.* Элита Башкортостана: политическое и конфессиональное измерения. Казань: Институт истории АН, 2006. 256 с.
- Малашенко 1998 – *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М.: Центр Карнеги, 1998. 305 с.
- Малашенко 2004 – *Малашенко А.В.* Бродит ли призрак «исламской угрозы»? Московский центр Карнеги: Рабочие материалы. М., 2004. № 2. 24 с.
- Мирзаханов 2019а – *Мирзаханов Д.Г.* Процесс политизации мусульманского сообщества в постсоветской России: Дис. д-ра полит. наук. Пенза, 2019. 386 с.
- Мирзаханов 2019б – *Мирзаханов Д.Г.* Процесс политизации мусульманского сообщества в постсоветской России: Автореф. ... дис. д-ра полит. наук. Пенза, 2019. 46 с.
- Мухаметшин 2003 – *Мухаметшин Р.* На путях к конфессиональной политике: ислам в Татарстане // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения. Нижний Новгород: Волго-Вятская Академия государственной службы, 2003. С. 186–193.
- Мухаметшин 2005 – *Мухаметшин Р.М.* Предисловие // Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве. Казань: Мастер Лайн, 2005. С. 5–6.
- Ямаева 2012 – *Ямаева Л.А.* Этничность и религиозное возрождение в Башкортостане: возможности и риски для социальной интеграции (исламский путь) // Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. М.; Уфа: Институт социологии РАН, 2012. С. 73–86.

References

- Gallyamov, R.R. (1998), “Faktoř regionalizacii musul`manskix organizacij Rossii na sovremennom e`tape” [Factors of regionalization of Muslim organizations in Russia at the present stage], *E`tnichnost` i konfessional`naya tradiciya v Volgo-Ural`skom regione Rossii* [Ethnicity and confessional tradition in the Volga-Ural region of Russia], Tsentr Karnegi, Moscow, pp. 72–78.
- Gallyamov, R.R. (2006), *E`lita Bashkortostana: politicheskoe i konfessional`noe izmereniya* [Elite of Bashkortostan: political and confessional dimensions], Institut istorii AN, Kazan’, 256 p.
- Malashenko, A. (1998), *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoj Rossii* [Islamic revival in modern Russia], Tsentr Karnegi, Moscow, 1998, 305 p.
- Malashenko, A. (2004), “Brodit li prizrak ‘islamskoj ugrozy?’” [Is the specter of the “Islamic threat” haunting?], Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya, Moscow, 2004, 24 p.
- Mirzaxanov, D.G. (2019), *Process politizacii musul`manskogo soobshhestva v postsovetsoj Rossii* [The process of politicizing the Muslim community in post-Soviet Russia]. Diss. d. polit n., Pyatigorsk, 386 p.
- Mirzaxanov, D.G. (2019), *Process politizacii musul`manskogo soobshhestva v postsovetsoj Rossii* [The process of politicizing the Muslim community in post-Soviet Russia]. Avtoref. ... diss. d. polit n., Pyatigorsk, 46 p.
- Muxametshin, R. (2003), *Na putyax k konfessional`noj politike: islam v Tatarstane, Preodolevaya gosudarstvenno-konfessional`ny`e otnosheniya* [Towards Confessional Politics: Islam in Tatarstan], Iz-vo Volgo-Vyatskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby, Nizhnij Novgorod, 2003, pp. 186–193.
- Muxametshin, R.M. (2005), *Predislovie* [Foreword], Islam, identichnost` i politika v postsovetsoj prostranstve [Islam, Identity and Politics in the Post-Soviet Space], Izd-vo “Master Lain”, Kazan, 2005, pp. 5–6.
- Yamaeva, L.A. (2012), “E`tnichnost` i religioznoe vozrozhdenie v Bashkortostane: vozmožnosti i riski dlya social`noj integracii (islamskij put`)” [Ethnicity and Religious Revival in Bashkortostan: Opportunities and Risks for Social Integration (Islamic Way)], Sociologicheskij otvet na “nacional`ny`j vopros”: primer Respubliki Bashkortostan], Institut sotsiologii RAN, Moscow, Ufa, 2012, pp. 73–86.

Информация об авторе

Рушан Р. Галлямов, доктор социологических наук, Региональный исследовательский центр «СоцИнформ», Уфа, Республика Башкортостан, Россия; 450075, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Рихарда Зорге, д. 70, корп. 1, gal-rushan@yandex.ru

Information about the author

Rushan R. Gallyamov, Dr. of Sci (Sociology), Regional Research Center “SotsInform”, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia; bld. 70/1, Richard Sorge Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450075; gal-rushan@yandex.ru

УДК 322:28

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-66-74

«Старая» и «новая» социальная мобильность
на российском Севере
как фактор становления полярного ислама
(изучение явления через познавательный
потенциал трансгрессии)

Арбахан К. Магомедов

*Московский государственный лингвистический университет,
Ульяновск, Россия, armagomedov@gmail.com*

Аннотация. Данная работа исследует один из самых малоизученных аспектов российских арктических исследований: мусульманское развитие в регионах быстро меняющегося российского Севера. В статье вводится понятие «новая мусульманская география» России для описания того, как происходит появление и развитие новых исламских ареалов. Для того, чтобы приблизиться к более глубокому пониманию описываемых процессов, автор обращается к концепту «трансгрессия». Он способен дать объяснение динамике постсоветского исламского развития в самых разных регионах: от столичных центров до мусульманских республик, от межгосударственных границ до полярной тундры. В центре исследования – территориальный кейс Арктики как наиболее очевидный эмпирический пример мусульманской трансгрессии.

Ключевые слова: исламские коммуникации, трансгрессия, миграции, новая мусульманская география, полярный ислам

Для цитирования: Магомедов А.К. «Старая» и «новая» социальная мобильность на российском Севере как фактор становления полярного ислама (изучение явления через познавательный потенциал трансгрессии) // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 66–74. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-66-74

“Old” and “New” Social Mobility
in the Russian North as a Factor in the Formation
of Polar Islam (study of the phenomenon through
the cognitive potential of transgression)

Arbahan K. Magomedov

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia, armagomedov@gmail.com

Abstract. This work explores one of the most poorly studied aspects of Russian Arctic research: Muslim development in the regions of the rapidly changing Russian North. The concept of the “new Muslim geography of Russia” is introduced in the article to describe how the emergence and development of new Islamic

areas occurs. In order to come closer to a better understanding of the described processes, the author turns to the concept of “transgression”. This concept is able to explain the dynamics of post-Soviet Islamic development in various regions: from metropolitan centres to Muslim republics, from interstate borders to the polar tundra. The study focuses on the territorial case of the Arctic as the most obvious empirical examples of Muslim transgression.

Keywords: Islamic communications, transgression, migration, new Muslim geography, polar Islam.

For citation: Magomedov, A.K. (2020), “ ‘Old’ and ‘new’ social mobility in the Russian North as a factor in the formation of polar Islam (study of the phenomenon through the cognitive potential of transgression)”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 1, pp. 66–74, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-66-74

Миграционные процессы играют все возрастающую роль в экономической и социальной жизни России. Еще в 2000-е гг. страна быстро вышла на второе место в мире по числу принимаемых мигрантов, уступив по этому показателю только США [Mansoor, Quillin 2006, p. 16]. Одновременно с этим мир переживает самую большую в истории человечества волну урбанизации. Российские арктические и субарктические регионы не остались в стороне от этого глобального тренда [Laguette 2019, p. 463–464]. Как отмечает российский исследователь Д. Опарин, с полярными регионами за мигрантов в России могут соревноваться только Москва, Санкт-Петербург и Кубань. [Опарин 2019, с. 3]. Отечественные арктические города становятся все более интернациональными. Эта эволюция связана с быстрым ростом промышленной деятельности (в основном добыча полезных ископаемых, промышленное рыболовство, лесное хозяйство и т. п.), а также с развитием социальных услуг, государственного управления и туризма.

Мы не ставим перед собой задачу исследования различных типов социальной мобильности и связанные с ней виды миграции в российских полярных регионах. Эта работа посвящена одному из самых малоизученных аспектов российских арктических исследований: притоку в полярные города зарубежных и внутренних мигрантов, чья культура так или иначе отмечена мусульманскими традициями.

Российский опыт расширения границ мусульманской миграции в этом отношении не уникален. В Канаде провинция Альберта стала домом для растущей мусульманской общины: в городе Калгари построена крупнейшая мечеть в стране, а в городе Форт Мак-Мюррей, который является центром эксплуатации месторождений нефтяных песков, открыта мусульманская школа [Магомедов 2019, с. 64]. На российском Севере это явление еще более заметно: здесь круглый год работают сотни тысяч выходцев из Центральной Азии, в основном из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. К ним добавились азербайджанцы, российские татары и башкиры, работавшие здесь с советских времен, а также быстро растущие общины внутренних мигрантов с Северного Кавказа. Так, по переписи 2010 г., численность

представителей Центральной Азии, Закавказья и Северного Кавказа, например в Ханты-Мансийском автономном округе, составила примерно 7% [Опарин 2019, с. 4]. Забегая вперед, скажем, что ХМАО и ЯНАО можно выделить как третий влиятельный мусульманский ареал России после Северного Кавказа и Урало-Поволжья.

*«Старые» и «новые» мусульманские мигранты
на российском Севере: соприкосновение
и взаимовлияние демографических
и экономических тенденций*

Справедливости ради нужно отметить, что приток мусульманского населения в полярные города не является чисто постсоветским явлением. Этнические мусульмане стали приезжать на российский Крайний Север еще в советские времена. Фактором, который связал мусульманские регионы Советского Союза с Арктикой, является нефтяная промышленность Сибири и суб-Арктики. К 1960-м гг. относится зарождение так называемой «старой» миграции. Это было время открытия крупных нефтяных месторождений Западной Сибири. В частности, в Ханты-Мансийском автономном округе начали работать азербайджанские инженеры, обучавшиеся в Бакинском институте нефтехимии. Спустя десятилетие – в 1970-х гг. в Западную Сибирь начали приезжать татарские и башкирские специалисты-нефтяники, которые заняли крепкие позиции в нефтяной отрасли региона. Постсоветские десятилетия привнесли новые черты в характер азербайджанской миграции: количество азербайджанцев в арктических городах резко увеличилось, но уже не в нефтяном секторе, а в сфере услуг, в частности в рыночной торговле. В результате в крупных полярных городах начали складываться довольно большие и хорошо организованные мусульманские общины.

Ключевым элементом «новой» миграции стало массовое прибытие в российскую Арктику выходцев из Центральной Азии. Это можно назвать новым явлением, характерным для 2000-х гг., отмеченных как бурным экономическим ростом в России, так и долгосрочными демографическими и экономическими тенденциями на постсоветском пространстве. Население Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в демографическом отношении является сравнительно молодым, а перспективы трудоустройства в этих странах незначительны в силу слабого развития экономик. Трудовая миграция стала способом, с помощью которого молодые безработные уходили за пределы центральноазиатских стран. Как результат, со второй половины 2000-х гг. мигранты из Средней Азии сформировали большую часть миграционных потоков в Сибирь и на Север. Они воспользовались промышленным бумом в ключевых нефтегазовых арктических и субарктических городах: от Ханты-Мансийска до Нового Уренгоя. Появились целые сектора городского хозяйства, которые нуждаются в дешевой рабочей силе трудовых мигрантов. Это касается строительного сектора (промышленное и гражданское строительство);

городского хозяйства (уборка улиц и общественный транспорт); общественного питания и торговли (кафе, рестораны, рынки).

Приезд и закрепление в среднесрочной или долгосрочной перспективе мигрантов из Центральной Азии и Кавказа в арктических городах привели к ряду изменений в городском ландшафте: растущему числу мечетей и молельных домов; появлению этнических районов с их специализированными магазинами, ресторанами, кафе и базарами; новым социальным возможностям для общин мигрантов, стремящихся воссоздать вид общественных институтов, которыми они пользовались дома. Формируются новые стратегии взаимопомощи. Например, мигранты из Центральной Азии, как правило, объединяются по национальностям или по регионам, в то время как дагестанцы воссоздают свои джамааты (религиозные общины, часто суфийские) на фоне роста смешанных браков с русскими или коренными народами.

Полярный ислам: появление нового социального феномена через трансгрессию

Сказанное позволяет нам рассматривать полярный ислам в качестве нового феномена постсоветской России – как неизбежный продукт интенсивности потоков трудовой миграции в промышленные города Крайнего Севера. Арктические города с их богатыми рынками труда оказались привлекательными объектами и конечными пунктами маршрутов социальной мобильности в Евразии. В данном фрагменте нашего исследования для описания процессов зарождения и структурирования мусульманских общин в российских арктических городах мы считаем уместным использование понятия «полярный ислам».

Для того чтобы более предметно представить рождение этого нового социального явления, необходимо преодолеть некоторые устаревшие непродуктивные стереотипы отечественной мусульманской географии. Для начала констатируем очевидный факт: российское исламское сообщество не является однородным. Оно неоднородно не только по историко-конфессиональному, демографическому и социально-поселенческому признакам, но и по территориальному. Однако феномен мусульманской регионализации до сих пор оценивается в рамках консервативной дихотомии «Северный Кавказ – Урало-Поволжье». В пределах такого разделения весьма популярным стал сравнительный анализ исламского развития на примере двух наиболее ярких мусульманских кейсов: Дагестана и Татарстана. Компаративное рассмотрение исламской трансформации в этих двух республиках стал распространенной и весьма значимой темой в научной литературе [Yemelianova 1999, p. 605–629, Малашенко 2003, с. 56–65, Goncharova 2004, p. 220–247, Абдулагатов 2005, с. 57–67].

Исследователи, работающие в этой парадигме, не хотели видеть очевидного: мусульманские перемещения, миграционные потоки, информационные и социальные коммуникации преобразили проблем-

ное поле отечественного мусульманского сообщества. Миграционные процессы и факторы социальной мобильности превратили, например, Москву в город со значительным мусульманским населением, численность которого насчитывает около двух миллионов человек. Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и другие мегаполисы стали городами с многочисленным мусульманским населением и развитой исламской инфраструктурой.

Наконец, как было сказано, мусульманская социальная динамика, связанная с трудовой миграцией и коммуникациями, привела к появлению такого феномена, как «полярный ислам». Последний стал важной составляющей социальных процессов и городского дизайна российской Арктики. В российских арктических регионах по состоянию на 2019 г. находятся 59 официально зарегистрированных мусульманских культурных объектов (мечетей и молельных домов). Из них большая часть – 35 строений – находится в ХМАО и ЯНАО [Магомедов 2019, с. 6–66]. Сегодня мечети, мусульманские бутики и магазины с халяльной едой воспринимаются как часть архитектурного ландшафта арктических городов, многие из которых расположены за Полярным кругом [Laguette, Hohmann 2019, p. 22]. Данные факты заставляют признать, что ислам вышел за пределы привычных ареалов Северного Кавказа и Поволжья, превратившись не только в значимый фактор российской городской жизни, но и распространившись на арктические территории. Наше исследование доказывает, что указанные факты опровергают безоговорочно устоявшееся и навязываемое деление российского ислама на два традиционных макрорегиона: Северный Кавказ и Урало-Поволжье.

По нашему мнению, чтобы приблизиться к более объективному пониманию описываемых процессов, необходимо обратиться к концепту «трансгрессия». В самом общем виде данный термин означает выход за рамки привычного, переход через непреодолимую границу. Он также подразумевает пространство перехода от одного фиксированного состояния к другому [Громова 2015, с. 58, Каштанова 2016, с. 6]. Данный концепт способен дать объяснение динамике постсоветского исламского развития в новых регионах: от столичных центров до пограничной Астрахани, от межгосударственных границ до полярной тундры. В качестве отправной точки для объяснения исламо-политических процессов в рамках мусульманских коммуникаций мы можем использовать факт стремительно нарастающего миграционного движения с мусульманского юга России на немусульманские регионы, включая самые северные ареалы Арктики и субарктики [Laguette 2017, p. 465]. Тем самым можно лучше понять характер северного ислама, обусловленного миграционными перемещениями и переселениями.

Российский Север, особенно такие регионы, как ХМАО и ЯНАО, можно выделить как третий после Урало-Поволжья и Северного Кавказа влиятельный мусульманский регион. Сказанное не означает, что в условиях российской Арктики появился «особый ислам», совершенно отличный от других мусульманских регионов страны. Большинство характерных черт, присущих арктическому исламу,

можно легко найти в других регионах России. К их числу, например, относятся растущая многонациональность, борьба за институциональный контроль над мусульманскими общинами, расхождение идеологических интерпретаций ислама, тенденция к секьюритизации [Магомедов 2019, с. 25–27, 33]. Тем не менее, такие особые характеристики арктического Севера России, как тяжелые климатические условия, территориальная отдаленность и промышленный характер полярных городов, подталкивают к тому, чтобы акцентировать совершенно особые признаки, формирующие социальный ландшафт, в котором живут мусульмане региона. Именно эти характеристики определяют региональный колорит развития ислама в Арктике.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. В течение постсоветского периода мусульманская география стала изменчивой, а территориальность – подвижной. Исламская миграция и глобализационные процессы поставили под вопрос прежний принцип стабильности мусульманских территорий. Исследовательские дихотомии «Дагестан – Татарстан», «Северный Кавказ – Поволжье» как инструмент отечественного исламоведения на протяжении долгого времени были стандартной познавательной моделью. Рассмотрение социальной и миграционной динамики как выхода больших масс перемещающихся людей за границы прежнего социального порядка и создание новых социально-урбанистических реальностей свидетельствует о появлении полярного ислама. Его подъем подтверждает, что ислам более географически не изолирован пределами своих традиционных регионов, таких как Северный Кавказ и Урало-Поволжье. Он распространился на все крупные города страны, включая Крайний Север и Дальний Восток. Его растущая роль в регионах наиболее плотного расселения, таких как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, – двух ключевых энергетических регионах России, означает, что ислам встроено в будущее России новыми и быстро развивающимися способами, которые заслуживают дальнейшего исследования. Для российских властей данная трансформация – весомый повод расширить понимание ислама как религии для локализованных этнических меньшинств в сторону его восприятия как более широкой социальной тенденции, которая тесно связана с миграционными процессами и изменением городской социальной структуры. Думается, трансгрессионная парадигма может стать оптимальной аналитической моделью для понимания стремительно меняющегося российского ислама.

В силу указанных причин, потенциально плодотворным направлением социальных исследований может стать процесс появления исламских сообществ и мусульманской инфраструктуры в арктических городах России. Помимо всего прочего, данный процесс может определять новые особенности арктической урбанистики и развития мусульманской инфраструктуры в арктических городах Крайнего

Севера России [Магомедов 2019, с. 25, 56]. Научную ценность может иметь комплексное изучение таких процессов, как трудовая миграция и урбанистика, арктическая городская культура и растущая среда мультикультурализма. Подобные исследования, проводимые с позиций различных познавательных парадигм и различных социальных наук, могут дать новое понимание феномена полярного ислама.

Не менее интересным может стать анализ процесса культурной адаптации мусульманских общин к их новой арктической идентичности. С этим вопросом тесно сопряжено исследование ключевых особенностей политического сознания мусульман Арктики. В совокупности с новыми арктическими практиками они показывают, как проходил процесс формирования мусульманской арктической идентичности. Изучение этих процессов в контексте смысловых коннотаций концепта «трансгрессия», даст возможность ответить на вопрос: что делает полярный ислам «полярным»?

Здесь возникает еще один вопрос, ответ на который дадут будущие исследования. Как новые мигранты и новые социальные группы могут повлиять на коллективную и индивидуальную идентичность северных регионов? Будут ли новые дискурсивные драйверы дополнять или изменять прежние идентичности, связанные с такими некогда романтическими полярными нарративами, как удаленность от «большой земли» (материка), сила духа перед суровым климатом и бытовыми трудностями, человеческое господство над природой, контакт с культурами коренных народов и т. д.? Вопрос важный, поскольку указанные процессы могут повлиять на изменение или даже ослабление местной социальной устойчивости. В обществе формируются антимигрантские дискурсы, в которых приезжих обычно обвиняют в преступности, незаконном обороте наркотиков и исламском радикализме. В некоторых регионах были инициированы антимигрантские законодательные меры. В декабре 2012 г. бывший губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д. Кобылкин принял решение запретить въезд в регион внешним мигрантам, за исключением тех, кто имеет приглашение от жителя региона или разрешение на работу; в аэропорту и на вокзалах были установлены контрольно-пропускные пункты. Присутствие групп скинхедов в некоторых городах, таких как Воркута и Новый Уренгой, привело, как и в других регионах России, к столкновениям между ультраправой молодежью и группой мигрантов, что говорит о перспективе роста межэтнической напряженности.

Литература

- Абдулагатов 2005 – *Абдулагатов З.* Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1 (37). С. 57–67.
- Громова 2015 – *Громова Е.А.* Трансгрессирующее общество: о метаморфозах социального порядка // Вестник Волгоградского университета. Сер. 7 «Философия». Волгоград. 2015. № 3 (29). С. 57–59.

- Каштанова 2016 – *Каштанова С.Н.* Трансгрессия как социально-философское понятие. Автореф. ... дис. канд. филос. наук. СПб., 2016. 22 с.
- Магомедов 2019 – *Магомедов А.К.* Появление и институционализация мусульманских сообществ в российских арктических городах: адаптационные практики и становление северной исламской идентичности // *Межконфессиональные отношения в регионах российской Арктики и субарктики: Сб. экспертно-аналитических докладов* / Ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2019. С. 5–58.
- Малашенко 2003 – *Малашенко А.* Два несхожих ренессанса // *Отечественные записки*. 2003. № 5. С. 56–65.
- Опарин 2019 – *Опарин Д.* Мусульманское пространство Томска и его акторы // *Ridl*. 2019. November 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridl.io/ru/musulmanskoe-prostranstvo-tomska-i-ego-aktory/> (дата обращения 30 сентября 2019).
- Goncharova 2004 – *Goncharova N.* Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration. In: *Auf Der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa* / Ed. by Hg.M. Kaiser. Bielefeld, 2004. S. 220–247.
- Laruelle 2017 – *Laruelle M.* Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape / *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges* / Ed. by Marlene Laruelle and Robert Ortung. Washington DC: IERES, 2017. P. 463–473.
- Laruelle, Hohmann 2019 – *Laruelle M., Hohmann S.* Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities // *Problems of Post-Communism*. 2019. 22 August, [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>
- Mansoor, Quillin 2006 – *Mansoor A., Quillin B.* Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington DC: The World Bank, 2006. 232 p.
- Yemelianova 1999 – *Yemelianova G.* Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No. 4. P. 605–629.

References

- Abdulagatov, Z. (2005) “Dagestan i Tatarstan: dve tendentsii v gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniyakh, opredelyaemykh rossiiskim islamom” [Dagestan and Tatarstan: two trends in state-confessional relations defined by Russian Islam], *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, no. 1 (37), pp. 57–67.
- Gromova, E.A. (2015), “Transgressiruyushchee obshchestvo: o metamorfozakh sotsial'nogo poryadka” [Transgressing society: on the metamorphoses of the social order], *Vestnik Volgogradskogo universiteta*, Seriya 7 Filosofiya, no. 3 (29), pp. 57–59.
- Kashtanova, S.N. (2016), *Transgressiya kak sotsial'no-filosofskoe ponyatie* [Transgression as a socio-philosophical concept], Abstract of PhD dissertation, St Petersburg, 22 p.
- Magomedov, A.K. (2019), “Poyavlenie i institutsionalizatsiya musul'manskikh soobshchestv v rossiiskikh arkticheskikh gorodakh: adaptatsionnye praktiki i stanovlenie severnoi islamskoi identichnosti” [Emergence and institutionalization of Muslim communities in Russian Arctic cities: adaptation practices and formation of Northern Islamic identity], in M.A. Omarov (ed.) *Mezhkonfessional'nye otnosheniya v regionakh rossiiskoi Arktiki i subarkтики. Sbornik ehkspertno-analiticheskikh dokladov*, RSUH, Moscow, pp. 5–58.
- Malashenko, A. (2003), “Dva neskhozhikh renessansa” [Two dissimilar Renaissance], *Otechestvennye zapiski*, no. 5, pp. 56–65.

- Oparin, D. (2019), *Musul'manskoe prostranstvo Tomska i ego aktory* [Muslim space of Tomsk and its factors], Ridl, November, 6, [Online], available at: <https://www.ridl.io/ru/musulmansкое-пространство-томска-и-его-акторы/> (Accessed 30 Sept. 2019).
- Goncharova, N. (2004), "Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration", in Hg. M. Kaiser (ed.), *Auf Der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa*, Bielefeld, pp. 220–247.
- Laruelle, M. (2017), "Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape", in Marlene Laruelle and Robert Ortung (ed.), *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*, Washington DC: IERES, pp. 463–473.
- Laruelle, M. (2019), "Hohmann S. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities", *Problems of Post-Communism*, 22 August, 2019, [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>
- Mansoor A., Quillin B. (2006), *Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union*, Washington DC: The World Bank. 232 p.
- Yemelianova, G. (1999), "Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation", *Nationalities Papers*, vol. 27, no. 4, pp. 605–629.

Информация об авторе

Арбахан К. Магомедов, доктор политических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119043, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38; armagomedov@gmail.com

Information about the author

Arbakhan K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bld. 38, Ostozhenka Str., Moscow, Russia, 119034; armagomedov@gmail.com

УДК 28-1

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-75-84

Об исламской теологии и исламоведении в Сибири

Александр П. Ярков

*Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
ayarkov@rambler.ru*

Аннотация. Целью статьи является изучение особенностей принципиально различных ценностных подходов к истории и современному положению ислама в регионе. Отмечается неправомерность экстраполяции тенденций, характерных для развития исламской уммы в других регионах России, например для Поволжья, на Сибирский регион, где имеются свои экономические, политические и культурные особенности. Автор приходит к выводу, что одной из причин роста радикальных настроений в региональной умме является неспособность традиционного ислама в современных условиях дать ответ на острые политические и социальные вопросы.

Ключевые слова: исламоведение, исламская теология, Сибирь, российский ислам, идентичность

Для цитирования: Ярков А.П. Об исламской теологии и исламоведении в Сибири // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 75–84. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-75-84

On Islamic theology and Islamology in Siberia

Alexander P. Yarkov

Tyumen State University, Tyumen, Russia, ayarkov@rambler.ru

Annotation. The purpose of the article is to study the features of fundamentally different value approaches to the history and current position of Islam in the region. The extrapolation of trends characteristic of the development of the Islamic ummah in other regions of Russia (for example, the Volga region), for the Siberian region, which has its own economic, political and cultural characteristics, is not acceptable. The author comes to the conclusion that one of the reasons for the growth of radical sentiments in the regional ummah is the inability of traditional Islam in modern conditions to give an answer to acute political and social issues.

Keywords: Islamic studies, Islamic theology, Siberia, Russian Islam, identity

For citation: Yarkov, A.P. (2020), "On Islamic theology and Islamology in Siberia", *Issues of Ethnopolitics*, no. 1, pp. 75–84, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-75-84

© Ярков А.П., 2020

Исламская теология и исламоведение в анализируемом мега-регионе характеризуются различием целей, методов и приемов. Между тем, они имеют схожую задачу – концептуально рассмотреть особенности происходивших процессов, а на уровне социального проектирования (если имеют такую цель) определяют перспективы.

Впрочем, есть проблемы методологического характера, кажется, обращенные в прошлое, но имеющие принципиально важное значение для современности. Жизнь и деятельность мусульманина на конкретной территории в составе определенных групп (общностей) и его саморефлексия (в том числе в форме закрепления этнорелигиозного симбиоза – «мусульманин») определялись моделью экономических, социальных и культурных связей, где индивидуальность и личностное восприятие окружающего мира занимали подчиненное положение. При этом различались (и различаются ныне) активно верующие, «соблюдающие» (основные требования), «культурно-ориентированные» или вообще «по происхождению». Причем неопиты, как правило, характеризуются повышенной активностью в обрядовой сфере и неглубокими суждениями в теологических вопросах, при крайне отрицательном отношении к исследователям исламской проблематики, тем более не относящимся к числу их единоверцев.

Не менее остра проблема кодификации исламских традиций. Что понимать под региональной особенностью? Так, С.М. Прозоров отмечает, что необходима выработка «методологического подхода к изучению ислама, который позволил бы в историческом контексте понять механизм функционирования ислама как идеологической (в том числе религиозной) системы» [Прозоров 2010, с. 74]. Он предложил признать региональный ислам как единственно объективную форму его бытования, принимая во внимание меняющийся фон (политический, социальный).

В этой связи правомерно говорить о «сибирском исламе», который не является «неправильным», «языческим», «архаичным», а его приверженцы не должны называться «курцаклар» («кукольниками»). Особенности регионального ислама (именуемого также не всегда корректно – «адатным») входят в канву общих тенденций при внедрении любой религии (и не только ислама) в новое социокультурное пространство. Это, заметим, приняли еще в XVI в. прибывшие в Западную Сибирь (в тот период самый северный в мире регион распространения ислама) из Хорезмского и Бухарского ханств шейх-уль-ислам Шербати-шейх, Искандер и шейх Юсуф. Данные богословы участвовали в «открытии священных мест» – астана (лигмитизируя местные традиции, ныне осуждаемые салафитами).

Присутствует среди современных светских исследователей и ошибочное мнение, что в Сибирском ханстве ислам являлся государственной религией, не подкрепленное аргументами в пользу распространения здесь норм шариата и подчинения им пестрого (этнически, по типу хозяйственных занятий или притяжения к какому-либо исламскому центру) населения. Но даже хан Кучум (обладая харизмой и поддержкой среднеазиатских правителей) не смог

повсеместно распространить в Сибири ислам, столкнувшись с сопротивлением самого пространства (огромного и малозаселённого с отсутствием дорог и городов) и живших там людей. В.В. Трепавлов объяснял тем, что после распада Золотой Орды в государствах кочевых узбеков, Ногайской Орде, Казахском и Тюменском ханствах наметилась тенденция возврата к кочевым традициям, когда шариат действовал лишь формально, уступив ведущую роль обычному праву: «Объяснить подобное явление можно тем, что при возврате к кочевому строю объективно отпадала необходимость в существовании характерных для оседлого общества государственных и административных институтов, а соответственно, и мусульманского права» [Трепавлов 2016, с. 550–551].

Конечно, присутствовало «желание Кучума утвердить ислам в качестве господствующей идеологии, для чего ему нужно было получить наставников в вере. Но сомнительно, что миссионерская деятельность и женитьба одного из лидеров второй миссии Дин-Али-ходжи на дочери Кучума «говорит о создании на основе ислама идеологии этого государства» [Тюменское и Сибирское ханства 2018, с. 73].

Мало было в тот период знатоков шариата, живущих, к тому же, отдельно от кочующей паствы. Да и в самом социуме превалировало обычное право. Поэтому ошибочен тезис, что в Сибирском ханстве существовала не только «система надзора за поведением населения, исполнением им государственных повинностей», но и «за соблюдением правил шариата для тех групп, что приняли ислам» [Тюменское и Сибирское ханства 2018, с. 147].

Шариат мог быть востребованным в полной мере лишь среди немногих пришедших из Средней Азии и компактно поселенных или объединенных условиями (например, в рядах подразделения «Сарты»). В остальных ситуациях сосуществование адата и шариата (среди части элиты) допускалось властью сознательно. И именно в качестве средства, которое обеспечивало возможность маневрирования и оправдывало феномен присвоения правителем власти, доверенной ему сообществом, «пестром» в этноконфессиональном отношении.

До Кучума не существовало развитых систем перераспределения общественного продукта как элементов государственного устройства. Не мог отстроить он эту систему и во время сибирского правления.

Для сравнения:

- 1) в США аборигены воспринимали сборщика налогов не иначе как «представителя угнетателей» [Frederick and Turner 1893, с. 203];
- 2) структура Сибирского и Казанского ханств во многом идентична. Но в Сибири не было обязательств индивида перед ханом, включавших характерный для большинства европейских и азиатских государств принцип регулярного налогообложения (ясак не являлся абсолютной заменой).

Объясняя ситуацию, Трепавлов указал: «...в разных местностях и в разное время ясак видоизменялся, да и понимался неодинаково»

[Трепавлов 2006, с. 199]. Более того, современник Кучума Сейфи Челеби также признал, что в северных условиях появилась необходимость изменения правил намаза, поскольку «в продолжении сорока ночей день прерывается так быстро, что даже нельзя совершить ночную молитву. Общеизвестно [что ночь] крайне коротка». Проблема эта также характерна для Урала и Поволжья, но мало понятна живущим в южных широтах.

Отметим, что на протяжении XIV–XVI вв. ислам, благодаря политике Шибанидов, занял определенное (но не абсолютное) положение на религиозной карте региона. Сохранились артефакты не только при дворе правителей или в среде кочевой аристократии, но и среди простого населения. Его продвижение шло под значительным влиянием центральноазиатских суфийских тарикатов. При этом ислам не стал государственной идеологией. Да и сам шариат не стал распространенным в массах.

История региональных форм исповедания ислама есть часть истории ислама российского, однако различается бытийное наполнение. Многие процессы в местной умме нельзя воспринимать вне связи с историко-культурным процессом, средой и поведением социальных групп и уж тем более, сложно согласиться с тем, что «Основа специфики локального варианта ислама в регионе была заложена в эпоху сибирских ханств» [Тюменское и Сибирское ханства 2018, с. 232].

Обряды – это «формализованное поведение и действие, имеющее, прежде всего, символическое значение, лишенное непосредственной целесообразности, но способствующее упрочению связей» [Ерасов 1997, с. 103]. Таким образом, появление в арсенале сибиряков новых праздников с мусульманским подтекстом привело к корректировке прежних ритуалов. Синтез отражает тип религиозно-мифологического мировидения традиционного общества, весьма осторожного в новациях и культивирующего статичность мироздания [Ярков 2019, с. 86]. Поэтому сложение «специфики локального варианта ислама» необходимо рассматривать не в статике, а в динамике. С учетом еще более локальных особенностей (например, в изолированном большую часть года Тобольском Заболотье) и воздействия внешних факторов (цивилизационно-технологических, политических, экономических, этнических, экологических).

Процесс «суверенизации» регионального формата ислама связан с появлением в Позднем Средневековье собственных кадров богословов. Существование адата и шариата допускалось ими сознательно – в качестве средства, обеспечивающего возможность маневра. Это стало приниматься во внимание теми, кто понял бесперспективность насильственного насаждения религии и стал терпеливо постигать лингвистические и психологические особенности местного социума, уклад хозяйства и архаичную систему представлений о Высшем, Абсолютном и Потустороннем.

В XVII в. в Западной Сибири появились поселения казанских татар, которые иногда получали названия «Казанка» или «Казанское». По замечанию С.В. Бахрушина, они напоминали «татарскую колони-

зацию» [Бахрушин 1955, с. 95], поскольку приезжие подсеялись к землякам. Духовные лица из Поволжья – знатоки шариата [Томилов 1983, с. 179] также переселялись. Хотя из-за утверждения российского правового поля их авторитет востребован только в брачных и семейных делах единоверцев в локальных зонах.

Вне процессов социальных и территориальных изменений этносознание оставалось размытым [Веселова 2002], а религиозное, напротив, получило определенность: название «мусульмане» становилось маркером, отделявшим от православных и «язычников» и способствовавшим объединению местных тюрок с пришлыми единоверцами.

Светская наука – исламоведение – заложила с XVIII в. работами Г.Ф. Миллера, И.П. Фалька, С.К. Патканова, М.С. Знаменского и других «фундамент» для региональных исследований, но специалистами по исламу не были ни эти, не иные ученые и в XIX в. Источниковедческие открытия профессора Казанского университета Н.Ф. Катанова начала XX в. способствовали переоценке самими сибиряками роли ислама в жизни региона. Вместе с тем, отсутствие критического анализа источников и их интерпретации внесло «смуту»: отсчет истории ислама с 1394–1395 гг. спорен; мифологична природа многих «героев».

Позже и другие ученые обратили внимание на местные традиции, наложившие отпечаток на исповедную практику, но не говорили о нем как «неправильном магометанстве».

Прорыв в деле изучения ислама (в рамках сравнительного богословия) намечился со второй половины XIX в. в том числе благодаря сибирским ученым. Так, выпускник Тобольской духовной семинарии М.А. Машанов стал профессором духовной академии в Казани по кафедре арабского языка [Прахт 2011, с. 277]. При этом его оценка ислама проходила в «узких» рамках.

Сами уроженцы Сибири (по-прежнему «оплота ислама» в Азиатской части страны) не считали себя «курцаклар», но и не понимали: почему межконфессиональные споры нужно решать силой? Так, исламский богослов А.Г. Ибрагимов называл «Персидский вопрос» возмутительным и призывал суннитов и шиитов покончить с давними ссорами, которые играют на руку врагам ислама. Коснулись вопросов ислама в Сибири Г. Исхаки, Х. Атласи и другие, при этом они не показали динамику его развития во времени.

Во время Гражданской войны томич Н.М. Карпов богословским разъяснением предостерег единоверцев от фанатизма: «По своему смыслу священная война – «газават» – это война против всех немусульманских религий, против иноверцев, безразлично, будь то православный, иудей или язычник, и право объявить священную войну принадлежит только шейх-уль-исламу и халифу...».

Исламская теология в последующие советские десятилетия осталась уделом немногих местных улемов, избежавших репрессий, втайне занимавшихся изучением теологических вопросов.

Не только в Сибири, но и по всему пространству СССР с 1920-х гг. исламоведение замкнулось на вопросах раннего этапа ислама, а его

местная история рассматривались лишь косвенно (В.В. Бартольд). При доминировании атеистического мировоззрения конфессиональная тематика оценивалась как негативный фактор, тормозящий общественное развитие.

Исламоведению удалось существовать лишь в рамках отечественной истории (С.В. Бахрушин) и востоковедения, в большей степени нацеленного на арабский мир и, в меньшей степени, – на «исламские регионы» СССР (Сибирь и Дальний Восток оказались «за бортом»). Исключение – труды узбекского ученого Х.З. Зияева.

Существенный прорыв в науке связан с омской школой тюркологии профессора Н.А. Томилова. Труды И.В. Белича, А.Г. Селезнёва, И.Б. Гарифуллина, Д.М. Исхакова и многих других отражают изменившееся отношение к феноменам «сибирского ислама» (определение введено А.П. Ярковым. – *Примеч. автора*). Проявился интерес и у зарубежных исламоведов – А. Инана, А.Дж. Франка и у немногих других.

Работы по исламоведению рубежа XX–XXI вв. сосредоточены вокруг вопросов истории распространения ислама, местных его феноменов, экстремистских проявлений в связи с миграцией. Так, востоковед с хорошей московской школой В.Г. Садур (сам уроженец Сибири) обратился к описанию возрождения ислама в Горном Алтае [Сидур 2012].

Рождение в Барнауле «школы религиоведения» под руководством П.К. Дашковского внушает надежды, что проблема комплексного изучения региональных исследований ислама (включая приграничные районы Монголии и Китая) получит достойное развитие.

Узок круг исламоведов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, в основном обращающихся к сюжетам второй половины XIX – начала XX в. (И.А. Баринов, В.В. Перинов, Н.В. Потапова и другие), хотя проявившиеся там новые явления – «тюремные» и «трюмные» джааматы, приток мигрантов различных религиозных направлений, в том числе из традиционных регионов распространения ислама, требуют особого внимания. Исключением можно назвать диссертацию Н.В. Шульженко «Исламский фактор в социальных процессах на Дальнем Востоке России» (Хабаровск, 2009).

На современном этапе от авторов-сибиряков и дальневосточников присутствуют несколько позиций:

- популярное разъяснение положений и порядка молитв, например в работах К. Самигуллина, И.З. Меражова¹ и других;
- выявление самобытных черт вероисповедания как органичной части эволюции мировой уммы (И.А. и А.Г. Селезнёвы, П.К. Дашковский и другие);

¹ Меражов Илхом Завкидинович // Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dumrf.ru/regions/54/biographies/1406> (дата обращения 15.10.2019); Доцент СибУПК подозревается в создании новосибирского отделения экстремистской организации // Тайга. Инфо. URL: <http://tayga.info/press/2011/10/14/~105556> (дата обращения 15.10.2019).

- салафитские проповеди, например, в формате видеолекций убитого идеолога бандформирований на Кавказе А.А. Тихомирова и других, в том числе зарубежных теологов;
- попытки противопоставления различных мировоззрений [Суворьягин 2002].

На фоне работ в рамках исламоведения, посвященных истории ислама, относительно немного аналитических, посвященных современному состоянию уммы, развенчанию мифологем о единстве ислама и экстремизма. Между тем эта тема должна объединить специалистов по исламской теологии и светскому исламоведению.

Неконтролируемый рост мигрантских потоков (в том числе маргиналов) повлиял не только на жизнь мусульман, но и на восприятие их обобщенного образа в глазах остального населения, в том числе укоренившихся ранее их единоверцев.

Сегодня в Тюменской области насчитывается несколько сотен исламистов. Территориями развития салафизма стали Новый Уренгой, Губкинский, Ноябрьск, Нижневартовск, Радужный, Нефтеюганск, Мегион, Сургут.

Сибирь, и особенно Тюменская область (вместе с автономными округами), занимает третье место по числу тех, кто выехал в Сирию. А по рейтингу межэтнической напряженности в 2013–2014 гг. Ямал и Югра являются субъектами с высоким уровнем напряженности (не уступая Северному Кавказу). Это регионы, по мнению экспертов, где «этнически мотивированное насилие начинает приобретать организованный, неоднократный характер». Пока большинство имамов – казанские татары и высокая доля башкир, как правило разделяющих позиции умеренного ислама. Чтобы удержать конфессиональное равновесие в регионе, необходимо этому вопросу уделять пристальное внимание.

Несмотря на декларируемую общеисламскую солидарность, не всегда уже и сами имамы в состоянии остановить конфликты между единоверцами, что случилось у азербайджанцев в г. Когалыме (с дагестанцами) и поселке Новофедоровское (с татарами).

Доминирование в Дальневосточном федеральном округе в качестве имамов уроженцев Кавказа и Средней Азии не повод применять к ним огульные обвинения, но показательна статистика – высокий удельный вес среди служителей исламского культа.

Таким образом, в регионе, где финансовые поступления от добычи углеводородного сырья, промышленной, лесной и сельскохозяйственной продукции обеспечивают более трети федерального бюджета, делается достаточно много в сфере регулирования и стабилизации этноконфессиональных отношений. И в то же время в региональной умме происходят неоднозначные процессы (в частности, радикализация настроений определенной части). Одна из причин роста радикальных настроений среди мусульманского населения – неспособность традиционного ислама (его адептов) дать ответ на острые политические и социальные вопросы. Представляется необходимым шире использовать потенциал научных исследований в области истории и современного состояния исламской уммы с целью развенчания утвердившихся в сознании населения стереотипов о связи ислама и экстремизма.

Литература

- Бахрушин 1955 – *Бахрушин С.В.* Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. III. Ч. 1. М.: АН СССР, 1955. 298 с.
- Веселова 2002 – *Веселова О.В.* К вопросу изучения формирования и расселения тюркоязычного населения Пермского края // Диалог культур и цивилизаций: Тезисы IV научной конференции молодых историков Сибири и Урала. Тобольск, 2002. С. 18–20.
- Ерасов 1997 – *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 1997. 591 с.
- Прахт 2011 – *Прахт Д.В.* Тобольская духовная семинария как духовно-образовательный центр Западной Сибири // Церковь и государство: сорботничество в решении общих задач: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2011. С. 277–278.
- Прозоров 2010 – *Прозоров С.М.* Заметки об исламе // Исламоведение. 2010. № 1. С. 73–83.
- Сидур 2012 – *Сидур В.* Тюрки, татары, мусульмане (статьи, очерки, эссе). М.: Марджани, 2012. 402 с.
- Суровягин 2002 – *Суровягин С.П.* Взаимоотношения православия и ислама в исторической перспективе // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири: Материалы Международной конференции. Ч. 1. Тюмень, 2002. С. 26–30.
- Томилов 1983 – *Томилов Н.А.* Поволжские татары Западной Сибири в XVI – первой четверти XIX в. // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та. 1983. 179 с.
- Трепавлов 2006 – *Трепавлов В.В.* Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: [В 2 кн.]. Кн. 2 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.А. Тишков. М.: Наука, 2006. 341 с.
- Трепавлов 2016 – *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды / Отв. ред. М.А. Усманов. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Издат. дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
- Тюменское и Сибирское ханства 2018 – Тюменское и Сибирское ханства / Под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.
- Ярков 2019 – *Ярков А.П.* Традиционное общество и его трансформация (на примере средневековой уммы Западной Сибири) // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы XV Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2019. С. 83–89.
- Frederick and Turner 1893 – *Frederick J., Turner F.J.* The Significance of the Frontier in American History Report of the American Historical Association for 1893. P. 199–207.

References

- Bakhrushin, S.V. (1955), *Puti v Sibir' v XVI–XVII vv.* [Paths to Siberia in the 16th – 17th centuries], Nauchnye Trudy [Scientific works], vol. III. Ch. 1, AN SSSR, Moscow, 298 p.
- Erasov, B.S. (1997), *Sotsial'naya kul'turologiya* [Social cultural studies], 2-e izd., ispr. i dop, Aspekt Press, Moscow, 591 p.

- Frederick, J. and Turner, F.J. (1893), *The Significance of the Frontier in American History Report of the American Historical Association for 1893*, pp. 199–207.
- Prakht, D.V. (2011), “Tobol'skaya dukhovnaya seminariya kak dukhovno-obrazovatel'nyi tsentr Zapadnoi Sibiri” [Tobolsk Theological Seminary as a Spiritual and Educational Center of Western Siberia], *Tserkov' i gosudarstvo: sorabotnichestvo v reshenii obshchikh zadachi, Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Church and State: Collaboration in Solving, Common Problems: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference], Tyumen', pp. 277–278.
- Prozorov, S.M. (2010), *Zametki ob islame* [Notes on Islam], *Islamovedenie* [Islamic studies], no. 1, pp. 73–83.
- Sidur, V. (2012), *Tjurki, tatory, musul'mane* (stat'i, ocherki, ehsse) [Turks, Tatars, Muslims (articles, essays, essays)], Mardzhani, Moscow, 402 p.
- Surovyagin, S.P. (2002), “Vzaimootnosheniya pravoslaviya i islama v istoricheskoi perspective” [The relationship between Orthodoxy and Islam in a historical perspective], *Dukhovnye traditsii slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury v Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* [Spiritual traditions of Slavic writing and culture in Siberia: Proceedings of the International Conference], Ch. 1, Tyumen', pp. 26–30.
- Tomilov, N.A. (1983), “Povolzhskie tatory Zapadnoi Sibiri v XVI – pervoi chetverti XIX v.” [Volga Tatars of Western Siberia in the 16th – first quarter of the 19th century], *Ehtnokul'turnye protsessy v Zapadnoi Sibiri* [Ethnocultural processes in Western Siberia], Izd-vo Tomskogo gosuniversiteta, Tomsk, 179 p.
- Trepavlov, V.V. (2006), *Prisoedinenie narodov k Rossii i ustanovlenie rossiiskogo poddanstva (problemy metodologii izucheniya)* [The accession of peoples to Russia and the establishment of Russian citizenship (problems of study methodology)], *Ehtnokul'turnoe vzaimodeistvie v Evrazii* [Ethnocultural interaction in Eurasia]: [v 2 kn.], Kn. 2, Otv. red. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin, V.A. Tishkov, Nauka, Moscow, 341 p.
- Trepavlov, V.V. (2016), *Istoriya Nogaïskoi Ordy* [History of the Nogai Horde], Otv. red. M.A. Usmanov. 2-e izd., ispr. i dop.: Izdatel'skii dom “Kazanskaya nedvizhimost'”, Kazan', 764 p.
- Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva* [Tyumen and Siberian Khanates] (2008), Pod red. D.N. Maslyuzhenko, A.G. Sitdikova, R.R. Khairutdinova, Izd-vo Kazan. un-ta, Kazan', 560 p.
- Veselova, O.V. (2002), “K voprosu izucheniya formirovaniya i rasseleniya tyurkoyazychnogo naseleniya Permskogo kraia” [On the study of the formation and settlement of the Turkic-speaking population of the Perm region], *Dialog kul'tur i tsivilizatsii: Tezisy IV nauchnoi konferentsii molodykh istorikov Sibiri i Urala* [Dialogue of cultures and civilizations: Abstracts of the IW of the scientific conference of young historians of Siberia and the Urals], Tobol'sk, pp. 18–20.
- Yarkov, A.P. (2019), “Traditsionnoe obshchestvo i ego transformatsiya (na primere srednevekovoi ummy Zapadnoi Sibiri)” [Traditional society and its transformation (on the example of the medieval Ummah of Western Siberia)], “*Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe: Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*” [Traditional Societies: Unknown Past: Materials of the XV International Scientific and Practical Conference], Chelyabinsk, pp. 83–89.

Информация об авторе

Александр П. Ярков, доктор исторических наук, Экспертный научный центр по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия; 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, д. 6; ayarkov@rambler.ru

Information about the author

Alexander P. Yarkov, Dr. of Sci (History), Expert Research Center for Countering the Ideology of Extremism and Terrorism of the Tyumen State University, Tyumen, Russia; bld. 6, Volodarskogo Str., Tyumen, Russia, 625003; ayarkov@rambler.ru

Молодежь в фокусе этнополитики

УДК 323.12:378

DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-85-93

Проблемы исследований социальной среды: межэтнические и межконфессиональные конфликты в вузе

Алан Л. Абаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, abaeval@rggu.ru*

Анна Г. Голова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Golova.a@rggu.ru*

Аннотация. Рассматривается специфика межэтнических и межконфессиональных конфликтов в вузовской среде. Определены ключевые задачи, которые возникают перед теми, кто пытается урегулировать возникающие конфликты. Установлено, что зачастую под межэтническим конфликтом на самом деле понимается конфликт совсем иного свойства. Предложены отдельные элементы механизма урегулирования таких конфликтов или перевода их из ситуации противостояния в ситуацию диалога или даже конструктивного сотрудничества, что значительно труднее, но более эффективно в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: межэтнические и межконфессиональные конфликты, толерантность, вуз, студенческая среда

Для цитирования: Абаев А.Л., Голова А.Г. Проблемы исследований социальной среды: межэтнические и межконфессиональные конфликты в вузе // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 85–93. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-85-93

Problems of social environment research: inter-ethnic and inter-confessional conflict in higher education institutions

Alan L. Abaev

*Russian State University for The Humanities, Moscow, Russia,
abaeval@rggu.ru*

Anna G. Golova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Golova.a@rggu.ru*

Abstract. The specific character of interethnic and inter-confessional conflicts in the university environment is studied. The key tasks that arise before those who by virtue of their duties or for other reasons try to settle the arising conflicts

© Абаев А.Л., Голова А.Г., 2020

are defined. It is considered that interethnic conflict is often actually understood as a conflict of quite a different nature. Selected elements of a mechanism for 'redressing' such conflicts or moving them from a situation of confrontation to one of dialogue or even constructive cooperation, which is much more difficult but more effective in the long term, have been proposed.

Keywords: interethnic and interconfessional conflicts, tolerance, high school, student environment

For citation: Aбаев, A.L., Golova, A.G. (2020), "Problems of social environment research: inter-ethnic and inter confessional conflict in higher education institutions", *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 85–93, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-85-93

Изменения в характере труда, отмечаемые ведущими мировыми экспертами, требуют от образовательных учреждений формирования универсальных компетенций, связанных прежде всего с коммуникативными и поведенческими навыками и адаптивными способностями [Голова 2018]. Именно данные качества позволяют эффективно функционировать в мультикультурном современном пространстве. Поэтому изучение разных сторон взаимодействия, в том числе в форме конфликта, представителей разных национальностей и народностей в образовательном пространстве вуза является социально значимой задачей не только с точки зрения создания комфортных условий образовательного процесса, но и как необходимый практикум по освоению данных компетенций. Актуальность проблематики межкультурного, межэтнического и межнационального взаимодействия обусловлена и недостаточно четкими критериями определения феномена конфликта и его методологии.

Конфликт, как междисциплинарная категория, может рассматриваться на макро- и микроуровнях, а также изучается с позиции психологии, менеджмента, социологии, политологии и права. Несмотря на очевидность проявления данного феномена, предполагающего противостояние или даже открытую борьбу, несущую угрозу стабильности и общественному согласию, что может приводить к различным столкновениям как на ментальном, так и на физическом уровне, в науке существуют разные подходы к его осмыслению. Одна традиция в научном дискурсе рассматривает конфликт как источник или триггер развития социальных процессов и общественной самоорганизации (в частности, Георг Зиммель, Льюис Козер, Кеннет Боулдинг), другая – как опасность для любой позитивной динамики и даже «социальную аномалию» (в частности, Толкотт Парсонс, Джон Дакитт).

Проблема межэтнических конфликтов актуализировалась в нашей стране за последние двадцать лет. В этот период появилось достаточно много авторов, изучающих данную проблему на макроуровне, прежде всего с позиции внутренней политики и государственного управления, чаще всего рассматривая данный тип конфликта как

угрозу национальной безопасности. Можно выделить фундаментальные работы А.Г. Здравомыслова, О.Я. Бондаренко, А.Г. Осипова и других авторов.

В 2018 г. Указом Президента России были дополнены разделы «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», где указано, что «приоритетами государственной национальной политики Российской Федерации являются: а) укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); б) сохранение этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации; в) сохранение русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения; г) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений, профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве»¹, для реализации которой, в частности, начал свое вещание «Первый российский национальный канал» с целью «обеспечения реализации государственной национальной политики, на основе идей единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия, российского патриотизма».

Проблемы межэтнических отношений были подняты Президентом России В.В. Путиным как на Большой пресс-конференции в 2019 г., так и в статье «Россия: национальный вопрос», которая легла в основу предвыборной программы 2012 г. и стала базисом стратегии государственной национальной политики. В статье, в частности, он рассматривает проблему роста межнациональной и межрелигиозной напряженности, указывая, что «национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений. Разрушают, подтачивают государства и разделяют общества»².

Межэтнические и межконфессиональные отношения продолжают стоять во внутривнутриполитической повестке, несмотря на значительное улучшение ситуации и достижение межнационального мира и согласия. В указанной выше Стратегии приводятся данные социологических опросов: 78,4% граждан положительно оценивают состояние межнациональных (межэтнических) отношений, 93% граждан отмечают отсутствие в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности, при этом уровень общероссийской гражданской идентичности составил 84%. Но при этом в последней версии Стратегии одним из приоритетов обозначены «гармонизация межнациональных (межэтнических)

¹ Указ Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>

² Путин В.В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2012. 23 янв. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

отношений, профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве»³.

В научном дискурсе проблема межэтнических и межрелигиозных конфликтов обсуждается также широко. В настоящее время электронная библиотека диссертаций по запросу «межэтнический или межконфессиональный конфликт» выдает более четырех тысяч работ, что свидетельствует об актуальности данной проблематики. Анализ защищаемых по данной предметной области диссертаций показывает интерес прежде всего представителей южных регионов России. Попытки создать диагностические карты, предложенные в диссертации Э.В. Крыловой «Социальная диагностика как основа разрешения межнациональных конфликтов в России», имеют локальные масштабы и не получили достаточную апробацию.

Межэтнический и межрелигиозный конфликт в вузах изучается, прежде всего, с точки зрения воспитания толерантности в рамках педагогических или психологических специальностей (в частности, работы Н.Л. Кобесашвили, Х.М. Магомедова, Р.А. Кутбиддиновой и других). Хотя в современных интеграционных условиях и повышенной социальной мобильности населения, как отмечено выше, опыт решения данных конфликтов играет разнообразные функции, выходящие за рамки какой-либо территории, в том числе в создании профессиональной траектории.

Можно отметить, что межэтнический и межрелигиозный конфликт в вузовском сообществе имеет ряд методологических неопределённостей, что в настоящее время затрудняет его идентификацию. Традиционные межэтнические конфликты, как правило, имеют многолетнюю историю. Их предпосылками становятся факторы из политической, экономической и культурной жизни народа, которые являются особенностями его этнопсихологического профиля. Они актуальны прежде всего в условиях длительного проживания народов на общей территории. В самом вузе глубинные конфликты не формируются прежде всего из-за текучести аудитории и краткости контактов. Поэтому более часто подобные конфликты могут возникать в студенческих общежитиях и отсюда переноситься на территорию вуза. На ситуацию влияет и общая культурная среда вуза, где, в частности, сохраняется русская культурная доминанта и единый государственный русский язык, через которые должна формироваться общероссийская гражданская идентичность (исходя из вышеуказанной Стратегии). Именно данную идентичность в идеале должны признавать и принимать все учащиеся. Как очевидно, попытка сохранения собственной идентичности в вузе через национальный язык часто вступает в противоречие с общими образовательными принципами и, как правило, немедленно пресекается. Так, если учащиеся начинают демонстративно беседовать между собой на родном языке

³Указ Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>

на лекции в присутствии преподавателя и других учащихся, на это отрицательно реагируют остальные присутствующие, хотя в менее формализованном пространстве, например в студенческой столовой, беседа на национальном языке может не выглядеть так вызывающе, как на занятии.

Масштаб конфликтов в вузе также различен. Чаще всего такие конфликты происходят на межличностном уровне, реже на уровне личность – группа и совсем редко в таких конфликтах происходит межгрупповое взаимодействие. Но именно в последнем случае конфликт создает стрессовую ситуацию и дезорганизовывает студенческую группу, что мешает всему учебному процессу.

В отличие от макроуровневых конфликтов, сущность межэтнического противостояния в студенческой среде формируется не из-за доступа к ресурсам, а из-за противоречий в интересах, ценностях, отношениях и поведении. То есть различия проявляют себя по линии психологической субъективности на поле «образа жизни», что обусловлено взаимоисключающими различиями верований, стереотипов и культурных традиций, а также личностными особенностями участников и этическими принципами их коммуникаций. В конфликтной ситуации стороны признают несовместимость своих позиций и путем определенных действий пытаются добиться преобладания собственной.

Важно определить сущность конфликта, что именно порождает энергию противостояния.

В данном случае надо учитывать то обстоятельство, что конфликт происходит только в рамках социального взаимодействия. Вне такого взаимодействия просто наличие негатива по отношению к другому этносу или конфессии не может считаться конфликтом. Не всегда наличие противоречий в смыслах и ценностях, которые формируются в ментальном плане, может вызывать социальную напряженность как первичную и неявную стадию конфликта.

Существует также опасность подмены ситуации противостояния мегаполиса и окраины, условных «города» и «деревни» темой межнационального конфликта. Так, наблюдаются противоречия в оценках и отношениях студентов, родившихся в Москве и приехавших из регионов, независимо от их национальности, что особенно характерно для представителей народностей Кавказа. Можно считать, что за межэтническим конфликтом часто скрывается конфликт «столицы» и «региона».

В столичных вузах ядро обучающихся образует титульная нация – русские с преобладающим православным вероисповеданием. Этническая структура вузов разная и зависит как от профиля вуза и условий обучения в нем (наличие бюджетных мест, проходной балл, стоимость оплаты, предоставление общежития и т. д.), так и от выбранной специальности.

При этом необходимо понимать, что принадлежность к той или иной конфессии в молодежной среде не всегда проявляется открыто. Так, опрос Д.А. Тихомирова в 2016 г. студентов двух московских вузов, обучающихся по социально-гуманитарным направлениям

(менеджмент, право и экономика), показал, что доля причисляющих себя к той или иной религии среди столичных студентов составляет 56%, из них 79% считают себя православными, 12% – мусульманами, 5% – последователями Армянской церкви, что вполне корреспондируется с исследованиями ИСПИ РАН и ФОМ о конфессиональной структуре столицы [Тихомиров 2017]. Но активно исповедующими свою религию (т. е. когда религия становится осью мировоззрения) среди православных являются всего 4% и еще около 20% условно следуют религиозным канонам. При этом фактически все студенты, заявившие о принадлежности к исламу, вовлечены в религиозные практики. Противостояние последователей монотеистических религий в образовательном учреждении сдерживается именно мировоззренческими установками, а также механизмами государственного контроля, в том числе с участием СМИ, освещающими тему противодействия религиозному экстремизму.

В студенческой среде межрелигиозный конфликт может происходить между ортодоксально верующими и атеистами, и вероятность такого столкновения выше, чем между «просто» верующими разных конфессий.

Отдельная проблема в молодежной среде возникает в связи с перешедшими в мусульманство русскими (особенно девушками), которые начинают демонстрировать свою принадлежность к исламу через внешний облик – одежда, стрижки и другие проявления, сознательно противопоставляя свои «новые» убеждения общепринятым нормам и культурным кодам этнической принадлежности, что вызывает протест у большинства этноса.

Корректная идентификация конфликта – основа его успешного урегулирования. Для идентификации конфликта необходимо выяснить, что является объектом конфликта, причиной столкновения и кто является его движущими силами, то есть важно установить не просто участников, а тех, кто активно воздействуют на ситуацию и ее развитие.

Объект межэтнического конфликта может скрывать разные его мотивации – личная неприязнь, ревность к лицу другого пола, зависть и т. п. Истинные причины могут подменяться или маскироваться иными, может присутствовать манипулирование субъектами ситуации и т. п. Например, желание наживы или желание самоутвердиться может подменяться обвинением участника конфликта в несоблюдении каких-то национальных или религиозных норм.

Данные конфликты также могут разворачиваться по закономерностям, характерным для конфликтов, возникающих в сфере трудовой деятельности, и тогда выявляются новые ракурсы конфликта, связанные с доминированием или лидерством, со статусностью позиции (например, борьба за руководство студсоветом) или же конфликт из-за расхождения в оценках справедливости каких-либо поощрений, например за вклад в коллективные достижения учебной работы. Тогда за межэтническим конфликтом скрываются конфликт позиционный и конфликт справедливости.

Следующая задача – определить роли и статусы всех людей, вовлеченных в конфликт, выявить, кто является его зачинщиком (создал конфликтную ситуацию и управляет ею в своих интересах и целях), его субъектом, а кто участвует в конфликте помимо своей воли, не всегда четко представляя себе его цели и объект. В любом конфликте могут быть не только две прямые противоборствующие стороны, но и появляться третья – косвенные участники, преследующие свои личные интересы, связанные, например, с повышением своего авторитета среди учащихся. При этом в процессе развития конфликта может происходить ротация отдельных субъектов и участников. Если истинная причина эскалации конфликта не выявлена, то могут возникать очаги новых конфликтов.

Выявление действующих акторов конфликта предполагает характеристику их модели поведения:

- активно-конфликтное (инициатор конфликта, делающий вызов);
- пассивно-конфликтное (реагирующий на вызов, не являющийся зачинщиком, но активно включающийся в противостояние, отстаивая свою позицию);
- конфликтно-компромиссное (вступающий в активный конфликт, но готовый к поиску общего компромисса);
- компромиссно-коллорационистское (стремящийся отказаться от собственной позиции ради спокойствия и солидарности).

Еще одним важным моментом является оценка окружающей среды протекания конфликта как совокупности «взаимодействующих индивидов, групп, институтов, культур и т. д.». Социальная среда может регулировать интенсивность протекания конфликта: как провоцировать его, так и полностью подавлять. При этом косвенные участники могут быть латентным компонентом окружающей среды.

Из практики анализа трудовых конфликтов можно привести в вуз и специфику динамических конфликтов, вызванных процессом структурирования новых коллективов, что свойственно на первых курсах или при формировании новых учебных групп. Фактически сама социальная среда в этом случае обладает конфликтной энергией, которая выплескивается при расстановке ролей и статусов. Все затухает, когда определены формальные и неформальные лидеры коллектива, организована его нормальная работа, в том числе по контролю за посещаемостью или успеваемостью. И здесь социально-психологические особенности личности, например излишняя эмоциональность, более характерная для одних национальностей, чем для других, может замещать истинный объект конфликта на мнимый.

Настоящий межэтнический конфликт базируется на объективных основаниях и воспринимается адекватно всеми участниками. Но в вузе такие конфликты редки, они не имеют содержательную природу, а связаны с ошибками понимания и восприятия действительности. Межэтнический конфликт в вузе чаще всего является смещенным (скрывает первичный мотив и другой конфликт), условным, поскольку зависит от внешних обстоятельств, которые легко

корректировать, в том числе присутствием взрослого человека из администрации или преподавателя. В некоторых случаях межконфессиональный конфликт в вузе может происходить латентно, в неявной форме. Конфликт по линии студент–преподаватель, возникающий в связи с результатами учебного процесса, также может заведомо ошибочно называться одним из участников «межэтническим или межрелигиозным» [Гуриева 2010].

Особого внимания требует новое поколение студентов, приходящих в вузы, так называемое поколение Z (рожденные в 2000–2005 гг., в некоторых источниках это поколение считают с 1995 г.). Его представители выросли в условиях так называемого сейфетизма – повышенной озабоченности родителей и окружения безопасностью детей. Эти молодые люди более толерантны ко всем нестандартным социальным явлениям, в том числе религиозного и национального характера, но при этом менее стрессоустойчивы, болезненно воспринимают любой дискомфорт, прежде всего психологический. В поисках выхода из ситуации они любое напряжение воспринимают как конфликт, усиливая свое эмоциональное возбуждение через социальные сети. Таким образом, они в большей степени, чем старшие поколения, являются потенциальными участниками конфликтов.

Для устранения конфликтов необходимо заниматься их прогнозированием и выработкой мер по их предупреждению. Прогнозированию конфликтов помогает социально-психологическая диагностика студенческого коллектива, в которой учитываются как существующие социально-демографические параметры, так и уровни эмпатии, агрессии, гражданского самосознания и патриотизма, маркеры самоидентификации.

Для предупреждения межэтнических и межконфессиональных конфликтов необходимо вести планомерную работу среди студентов по минимизации противоречий в культурных нормах (в этом контексте можно отметить важную роль землячеств в вузах), блокировке механизма возбуждения конфликтного поведения из-за личностных факторов, выработке навыков командной работы.

Таким образом, можно отметить, что в случае межэтнических конфликтов преподаватели и представители администрации должны выступать в качестве независимых медиаторов ситуации, вступая в переговоры со всеми конфликтующими сторонами. При этом важны компетентность конкретного человека в понимании специфики разных верований и убеждений, базовых культурных норм разных наций и этносов, проявление непредвзятости и нейтральности.

Цель педагогического сообщества и администрации вуза – перевести конфликт в конструктивное русло, когда его преодоление способствует солидарности студентов, развитию их лучших качеств и способностей.

Литература

- Голова 2018 – Голова А.Г. Макроэкономические факторы, определяющие развитие рынка труда и структуру занятости в России и за рубежом // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 4 (14). С. 52–73.
- Гуриева 2010 – Гуриева С.Д. Психология межэтнических отношений. СПб.: Изд-во ВВМ, 2010. 276 с.
- Тихомиров 2017 – Тихомиров Д.А. Особенности религиозности московских студентов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 177–191.

References

- Golova, A.G. (2018), “Macroeconomic factors determining the labor market development and employment structure in Russia and abroad”, *Russian State University of Civil Engineering Vestnik. “Economika. Management. Law” series*. № 4 (14), pp. 52–73.
- Gurieva, S.D. (2010), *Psychology of interethnic relations*. SPb.: BBM Publishing House. P. 276.
- Tikhomirov, D.A. (2017), “Peculiarities of Religiosity of Moscow Students”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. № 3. P. 177–191.

Информация об авторах

Алан Л. Абаев, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; abaeval@rggu.ru

Анна Г. Голова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Golova.a@rggu.ru

Information about the authors

Alan L. Abaev, Dr. of Sce (Economics.), Associate Professor, Russian State University for The Humanities, Miusskaya Sq., bld. 6, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow Russia, 125993, abaeval@rggu.ru

Anna G. Golova, PhD in sociology, Russian State University for The Humanities, Miusskaya Sq., bld. 6, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow Russia, 125993; Golova.a@rggu.ru

Феномен Удмуртии–2: молодежь vs этнические антрепренеры

Юрий П. Шабаев

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр
УрО РАН, Сыктывкар, Россия, yurshabaev@mail.ru*

Наталья П. Миронова

*Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар, Россия,
sidnar@mail.ru*

Аннотация. В статье на основании анализа статистических материалов, данных социологических исследований и других сведений оцениваются процессы этнокультурного и этнополитического развития в Удмуртии. Базовую основу работы составляют данные серии опросов, проведенных в 2017–2019 гг. в национальных республиках РФ по программе, разработанной ИЭА РАН (или по аналогии с ней). В качестве объекта исследования взята Удмуртская Республика, поскольку события последнего времени и предшествующие наблюдения превратили регион в модельный «полигон» для исследования этнокультурных и этнополитических процессов в республиках с финно-угорским населением. Предшествующие наблюдения обобщены в многочисленных публикациях, включая многотомную серию «Феномен Удмуртии». Результаты последних исследований тесно коррелируют с данными предшествующих социологических опросов, что позволяет глубоко оценить тенденции этнокультурных и этнополитических процессов, имеющих место в республике, а также и других субъектах Российской Федерации, где проживают финно-угорские народы. Анализ этнополитической ситуации, складывающейся в республике, показывает, что запрос на политику интеграции в республиканском сообществе выражен более чем очевидно. Но политика гражданской интеграции нуждается в активизации, ибо пока она не оказывает существенного влияния на общественные настроения.

Ключевые слова: этничность, молодежь, этнополитика, гражданство, удмурты, язык, Удмуртия, право, идеология

Для цитирования: Шабаев Ю.П., Миронова Н.П. Феномен Удмуртии–2: молодежь vs этнические антрепренеры // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 94–116. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-94-116

The phenomenon of Udmurtia–2: youth vs ethnic entrepreneurs

Yuri P. Shabaev

*Institute of Language, Literature and History;
FIC Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Syktyvkar, Russia, yupshabaev@mail.ru*

Natalija P. Mironova

*Department of Humanitarian Interdisciplinary Studies
of the FIC Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Syktyvkar, Russia, sidnap@mail.ru*

Abstract. The article analyses the processes of ethnocultural and ethnopolitical development in Udmurtia and is based on the analysis of statistical materials, data from sociological studies, and other sources of information. The main sources of information for the work are the series of surveys conducted in 2017–2019 in the national republics of the Russian Federation carried out as a part of the program developed by the IEA RAS (or by analogy with it). The object of the study is the Udmurt Republic, as long as recent events and previous observations turned the region into a model “training ground” for studying ethnocultural and ethnopolitical processes in republics with a Finno-Ugric population. Previously, we have summarized some of the prior observations in numerous publications, including the multivolume series “The Phenomenon of Udmurtia”. The results of the recent studies are closely correlated with the data of previous sociological surveys. Thus we are able to define and to access the main trends of ethnocultural and ethnopolitical processes that take place in the Republic as well as in the other subjects of the Russian Federation, where Finno-Ugric peoples live.

The analysis of the ethno-political situation in the republic shows that the demand for integration policy in the republican community is more than obvious. But the policy of civic integration needs to be activated, because so far it does not have a significant impact on public sentiment.

Keywords: ethnicity, youth, ethnopolitics, citizenship, Udmurts, language, Udmurtia, law, ideology

For citation: Shabaev, Yu.P., Mironova, N.P. (2020), “The phenomenon of Udmurtia–2: youth vs ethnic entrepreneurs”. *Issues of Ethnopolitics*, № 1, pp. 94–116, DOI: 10.28995/2658-7041-2020-1-94-116

19 сентября 2019 г. в Ижевске произошло событие, которое потрясло не только всю республику, но и всю страну, а также было замечено зарубежными интеллектуалами и политиками. Перед зданием парламента Удмуртии совершил акт самосожжения активист удмуртского движения и местный ученый Альберт Разин. Акт самопожертвования ради идеи, совершенный Разиным, стал следствием неудовлетворенных требований, выдвинутых лидерами наиболее массовой удмуртской организации «Удмурт Кенеш» («Удмуртский Совет»). Эти требования были связаны с изменением принципов языковой политики в республике.

Поступок Разина – это форма демонстративного отрицания существующей практики межкультурного взаимодействия в регионе, самый радикальный способ заявить о своей позиции, вызывающий, с одной стороны, уважение и сопереживание, а с другой – непонимание, поскольку идеи Разина для мультикультурного сообщества вряд ли приемлемы.

Десятью годами ранее аналогичный акт самосожжения в знак протеста против притеснений властей совершил перед зданием мэрии столицы Туниса мелкий торговец Мухаммед Буазили, получивший университетское образование, но вынужденный торговать вразнос овощами. Собственно, именно этот акт гражданского неповиновения «взорвал» тунисское общество, привел к революции и смене власти в стране. Более того – именно самосожжение молодого тунисца спровоцировало «арабскую весну», которая радикально изменила политическую ситуацию в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Аналогичной реакции в республиках с финно-угорским населением не последовало, но так же, как и поступок Буазили, демонстративное самосожжение Разина было следствием неких сложных внутренних процессов и противоречий, которые имели место в республиканском сообществе Удмуртии. Названное событие стало отражением тех этнодемографических, этнокультурных и этнополитических процессов, которые в последние три десятилетия происходили в данном регионе, а равно и в других республиках с финно-угорским населением.

Целью данной статьи является не просто констатация сложных этнополитических проблем, которые имели и имеют место в Удмуртии, а анализ того, каким образом соотносятся этнополитические и этнокультурные позиции студенческой молодежи республики (включая студентов-удмуртов) и лидеров удмуртского движения. Оценивать перспективы развития республики, включая перспективы этнокультурного строительства, нельзя без оценки позиций молодежи, ибо будущее принадлежит ей. Студенческая молодежь избрана в качестве объекта изучения не случайно. Дело в том, что сегодня большая часть выпускников школ республики поступают либо в вузы и колледжи Удмуртии, либо в престижные вузы других регионов, т. е. в возрастной когорте 18–25 лет студенческая молодежь сегодня доминирует. По данным текущей статистики за 2015 г., численность студентов составила в Удмуртии 51 290 чел., или 3,4% от численности всего населения, а общая численность молодежи республики в возрасте от 15 до 34 лет на сегодняшний день составляет всего чуть более $\frac{1}{5}$ жителей республики.

Общая этническая и этнополитическая ситуация в Удмуртии и ее трансформации

Удмуртская Республика – старопромышленный регион, и сегодня ее экономика имеет индустриально-сырьевую специализацию.

Индустриальный облик республики начал формироваться в XVIII в., когда на территории проживания удмуртов, окончательно

но присоединенной к Московскому государству после завоевания Казанского ханства, появились Ижевский и Воткинский железоделательные заводы. К ним были приписаны 13 000 душ мужского пола русских ясачных крестьян. Жители возникавших здесь горнозаводских поселков, которые позднее получили статус городов, изначально представляли из себя сугубо русские сообщества, а на селе преобладало удмуртское население, хотя русские поселенцы появляются в регионе уже в XIII в. и ряд сельских поселений по этническому составу также был русским, причем доля сельского русского населения постепенно возрастала [История 2004].

После того, как в 1920 г. была образована Удмуртская (Вотская) автономная область (Вотская АО переименована в Удмуртскую АО 1 января 1932 г., УАО преобразована в УА ССР 28 декабря 1934 г.), началась так называемая удмуртизация государственного аппарата. «Постановлением V съезда Советов Вотской автономной области во всех учреждениях вводилось употребление удмуртского языка. Внедрялось и делопроизводство на удмуртском языке. Осуществление этих мероприятий успешнее продвигалось в низовом аппарате: к 1927 г. в штате сельских Советов удмурты составляли 57,2%, в уездных учреждениях – 35,6%, в областных – 17,8%» [Удмурты 1993]. При этом процесс удмуртизации, как и в ряде других республик, нередко носил насильственный характер, очевидный приоритет при приеме на работу кадров управленцев отдавался удмуртам, но «качественные характеристики работников зачастую не брались во внимание» [Удмурты 1993, с. 46].

В условиях активного национально-государственного строительства, формирования национальной школы, книгоиздания, литературных традиций, национального театра и формирования кадров национальной интеллигенции усиливается приток удмуртов в города, и особенно в Ижевск, который становится центром формирования культурных институтов, призванных поддерживать этнические традиции.

Но уже в начале 1930-х гг. ситуация радикально меняется: «В 1931 г. в журнале “Советская этнография” публикуется статья М.Ю. Пальварде “Буржуазная финская этнография и политика финского фашизма”, которая стала началом идеологического наступления на <...> деятелей национальных культур, работавших в разных сферах культурного строительства. Затем во многих местных газетах, особенно в Удмуртии, появляются разгромные статьи, направленные в адрес лидеров и идеологов национального пробуждения...» В 1932 г. ОГПУ фабрикует Дело СОФИН («Союз освобождения финских народностей»). Фигурантами этого дела становятся многие работники государственного аппарата и деятели культуры. «Обвиняемым, проходившим по этому делу, вменялось в вину то, что они вели работу по созданию на территории СССР подпольной контрреволюционной сети <...> ставившей своей целью вооруженное восстание в Удмуртии и других республиках, с тем, чтобы отторгнуть их от СССР и создать «Единую Финно-Угорскую Федерацию» [Шабаев 2015, с. 148]. Удмуртизация была

свернута, приток удмуртского населения в города резко замедлился и возобновился только во второй половине 1950-х гг., когда мигрировать в города стала в основном молодежь. Бурное промышленное развитие 1950–1970-х гг. привело к тому, что удмурты из аграрного этнического сообщества стали превращаться в урбанизированный этнос, а согласно теории Э. Геллнера, пока социальное сообщество остается неурбанизированным, оно не становится националистическим, ибо этничность в нем постоянно воспроизводится самой повседневностью [Геллнер 1991, с. 27]. Таким образом, если после 1917 г. в СССР была создана этническая федерация и сформировалась идейная основа для этнического национализма, то к 1980-м гг. были созданы социальные условия для глубокого укоренения идей этнического национализма в среде местной удмуртской элиты.

При этом стоит заметить, что в советские годы действительно верили в то, что этничность есть некая переходная форма культурного позиционирования личности, поскольку, согласно официальной идеологии, в стране сформировалась новая историческая общность людей – советский народ. А каждый гражданин, именуемый советским человеком, был носителем идей интернационализма.

Вместе с тем, этнодемографические и этнокультурные процессы в республике не нарушали сложившегося еще в первой половине XX в. баланса между культурными группами. По данным переписи 1926 г., 52% населения Вотской автономной области составляли удмурты. После присоединения к ней в 1938–1939 гг. 6 районов Кировской области с высоким процентом русского населения эта доля в 1939 г. составила 39,4%. Затем она стала медленно сокращаться, и в 2010 г. удмурты составляли уже только 27,0% населения Удмуртской Республики. Для сравнения укажем, что доля коми в 1926 г. в пределах Коми автономной области составляла 90%, а ныне лишь 23%, в Карелии за тот же период доля карел сократилась с 38 до 7%.

Но более значимым для сохранения этничности является не доля той или иной этнической группы в составе населения региона, а характер ее расселения по его территории. В 14 из 24 сельских районов Удмуртии доля удмуртов составляет 50 и более процентов населения, а еще в шести – от 30 до 40%. При этом еще в 1959 г. в селах проживало 78% удмуртов республики, а, по данным переписи 2010 г., только 44,7% удмуртов, проживающих в Удмуртской Республике, являются горожанами (в Ижевске их доля составляет 14,8%).

Село является той средой, где языку и культуре удмуртов ничего не угрожает, и оно играет роль некой «культурной кладовой» удмуртских этнических традиций. В городе в силу специфики этнического состава населения и культурной среды интенсивность межэтнических связей очень велика, а культурные коммуникации носят совершенно иной характер, нежели на селе, поэтому процессы аккультурации и ассимиляции здесь неизбежны. Но до конца 1980-х гг. изменение культурных и языковых ориентаций городских удмуртов воспринималось как вполне естественное явление.

Однако в условиях глубокого социально-экономического кризиса, поразившего страну в конце 1980-х гг., и последующего краха коммунистической идеологии политизированная этничность и идеи этнического национализма превратились в мощный политический ресурс в национальных республиках. А конкуренция за ресурсы и статус между культурными группами в условиях глобальных социальных и политических трансформаций привели к формированию разделенных по этническому принципу республиканских сообществ.

В политическом отношении Удмуртия повторила путь других советских автономий. 20 сентября 1990 г. Верховный Совет Удмуртской АССР принял Декларацию «О государственном суверенитете Удмуртской Республики», согласно которой Удмуртская АССР преобразовывалась в суверенное государство – Удмуртскую Республику в составе обновленной РСФСР¹. В 1994 г. была принята новая Конституция республики и состоялись выборы Государственного Совета, который сформировал правительство. 1990-е гг. характеризовались сложной политической обстановкой в Удмуртии, когда ситуация неоднократно была на грани политического кризиса. В эти годы серьезную роль в политической борьбе играл этнический фактор, а накал этнополитической полемики в Удмуртии был весьма значительным.

Активистами удмуртского этнонационального движения стала активно пропагандироваться идея особой политической миссии и особых прав «коренного народа». Как отмечает С.В. Кардинская, которая осуществила контент-анализ публикаций в газете «Герд», издаваемой ассоциацией «Удмурт Кенеш»: главной задачей помещаемых здесь статей являлась попытка стимулировать этнополитическую мобилизацию удмуртов. А этническая идентичность титульного сообщества изображалась в газете как скрытая под «чуждыми» культурными напластованиями, возникшими под влиянием русскоязычной культуры, российской государственности и советской власти. Исследователь констатирует, что в газете «Герд» последовательно проводится идея: власть в руках представителей коренного народа является панацеей в деле спасения и сохранения его культуры и языка. Попытки политизации этничности связаны с тем, что активисты «Удмурт Кенеш» терпят постоянные неудачи на выборах в Госсовет Удмуртской Республики и пытаются сделать себе политическую карьеру путем манифестации этничностью [Кардинская 2006, с. 55]. Между тем еще 40 лет назад основатель этнополитологии как научной дисциплины Джозеф Ротшильд, оценивая феномен этнического лидерства, замечал, что для того, чтобы добиться успеха, руководители этнических объединений должны предлагать этническим группам, от имени которых они выступают на политической арене, «конкурирующие, неэтнические или антиэтнические идеологические и политические перспективы» [Rothschild 1981, p. 146]. Но формальные и неформальные лидеры удмуртского

¹ Декларация «О государственном суверенитете Удмуртской Республики» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/960100645>

движения зациклены на этничности и рассматривают республику как общую символическую собственность исключительно удмуртов, до сих пор фактически отвергая общегражданскую солидарность.

Проблемное поле республиканского социума

Для формирования удмуртского этнонационального движения и его определенной радикализации в 1990-е и 2000-е гг. были совершенно очевидные социально-экономические и этнополитические основания, которые исследователи назвали «Феноменом Удмуртии»: «Если люди в Удмуртии работают усерднее, больше и лучше, чем в других республиках, почему они получают меньше и реже, а живут материально хуже? Какие факторы вывели Удмуртию на первое место в Российской Федерации по росту суицида? Является ли толерантность в межэтнических отношениях следствием запаздывающей суверенизации и/или слабой политизации? Кто виноват – Центр или руководство Удмуртской Республики в возникновении несправедливого и опасного несоответствия между относительно высокими показателями экономического и низкими показателями социального развития Удмуртии? Есть ли связь между политической инфантильностью элиты и относительной стабильностью в межэтнических отношениях? Почему среди кандидатов в депутаты Государственного Совета в 1999 г. оказалось всего 19% удмуртов вместо 30,9%, адекватно их доле в составе населения Удмуртии? Вопросы далеко не простые и совсем не праздные. И устраивать фестивали и сабантуи даже в условиях всеобщего экономического кризиса бывает иногда проще, чем наступать на горло собственной песне и обсуждать упрямые факты. Взятые в совокупности, перечисленные загадки составляют то, что мы решаемся определить как удмуртский этнополитический феномен. Разгадка этого феномена имеет более широкое значение, чем простое изложение фактов, событий, документов, т. е. того, что принято именовать хронологией или летописанием этнополитической жизни. Пакет несоответствий (парадоксов) в темпах и содержании развития различных сфер жизнедеятельности от экономики до психологии, от политики до этничности, от социальной сферы до демографической, выводит интерес к удмуртскому этнополитическому феномену далеко за пределы собственно Удмуртии» [Губогло, Смирнова, 2001, с. 18–19].

Если говорить о сегодняшнем дне, то динамика социально-экономического развития Удмуртии выглядит существенно лучше, чем в других республиках с финно-угорским населением. Знаковые показатели социального благополучия (уровень безработицы, средний размер начисленной заработной платы) выглядят намного предпочтительнее аналогичных показателей в Марий Эл или Мордовии, где проживают родственные удмуртам финно-угорские народы (см. табл. 1). Но, вместе с тем, средняя заработная плата в индустриально развитом регионе существенно ниже общероссийских показателей, а уровень душевого дохода даже вдвое ниже среднего показателя по стране.

Таблица 1

Показатели, характеризующие уровень жизни населения²

Регион	Прожиточный минимум, 2018 г., руб. на душу населения для трудоспособного населения	Средний размер начисленной заработной платы, 2018 г., руб.	Средний душевой доход в месяц, 2018 г., руб.	Потребит. расходы в месяц, 2018 г., руб.
РФ в целом	11 069	43 724	32 635	26 780
Марий Эл	9 484,2	28 143	19 802	15 233
Мордовия	9 080,5	26 712	18 651	14 176
Карелия	12 188	39 402	29 150	23 733
Коми	13 522,3	50 413	33 961	23 220
Удмуртия	9 614	31 808	23 821	18 699

При этом стоит отметить, что по уровню ВРП на душу населения Удмуртия находится на 6-м месте среди национальных республик (из 22) и опережает многие регионы страны по этому показателю.

Основную часть регионального продукта производит город, ибо на долю агросектора и занятого в нем населения приходится только 8% валового производства. Если соотнести произведенное национальное богатство региона и размещение этнических групп населения, то вольно или невольно рядовой обыватель делает вывод, что роль разных этнических групп в его создании значительно различается и благосостояние республики обеспечивается в основном городом, где издавна доминирует русское население. Тем не менее, этнические антрепренеры требуют, чтобы удмуртам, как «коренному народу», были предоставлены политические и культурные преференции в региональном сообществе, ибо они есть своеобразное «культурное лицо» региона.

Термин «этнические антрепренеры», который мы используем, широко применяется в западной этнополитологии и социальной антропологии. Согласно устоявшейся точке зрения, этническое предпринимательство (антрепренерство) есть «набор связей и регулярных моделей взаимодействия между людьми, имеющими общий национальный опыт или опыт миграции» [Waldinger 1990, p. 3]. Отсюда вытекает, что этнические антрепренеры – это представители этнических групп, использующих этнические связи и взаимодействие для удовлетворения собственных экономических или политических интересов. Чаще всего термин применяется тогда, когда речь заходит об этническом предпринимательстве. Но используется и его более широкое понимание [Esman 1994; Parekh 2008], которого придерживаемся и мы.

² Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 15.10.2019).

Удмуртское этнонациональное движение и его идеология

На начальном этапе так называемого «этнического ренессанса», которым исследователи называют рубеж 1980–1990-х гг. и первую половину последнего десятилетия XX в., было сформировано удмуртское этнонациональное движение. Позднее в его состав вошел целый ряд самостоятельных организаций, но на начальном этапе его формирования основную роль играло Общество удмуртской культуры, созданное в 1989 г. при официальной поддержке местных властей. Административная поддержка была крайне важна, ибо собственного политического опыта многие этнические активисты просто не имели. А возможной стала она потому, что после известного пленума ЦК КПСС (1989 г.), посвященного межнациональным отношениям, созданию подобных организаций был дан зеленый свет.

В 1991 г. состоялся Всесоюзный съезд удмуртов, подготовленный Обществом удмуртской культуры, получившим название «Дэмен». На съезде была создана действующая на постоянной основе выборная организация «Удмурт Кенеш». Высшим органом этой организации является удмуртский съезд, который избирает ее президента и совет представителей для решения текущих вопросов в период между съездами [Воронцов, Шабаев, Шаров, Шилов 2005, с. 33].

Официальная поддержка этнонациональных движений привела к тому, что политические амбиции этнических антрепренеров росли как на дрожжах, и этнические активисты стали считать себя реальными политическими акторами, имеющими серьезный вес и влияние на местных сообществах. Поэтому они разрабатывали и поддерживали не только утопические, но и расово окрашенные проекты политических преобразований, свидетельством чему стали решения первого съезда Ассоциации финно-угорских народов России (АФУН), прошедшего в мае 1992 г. в Ижевске. Делегаты съезда утвердили его статус, заявив, что форум является высшим национально-этническим органом финно-угорских народов Российской Федерации и «ставит своей целью воссоздание финно-угорского мира». На съезде был принят ряд деклараций, в частности Декларация «О реализации суверенных прав финно-угорских народов России в условиях новой системы федеративного устройства» [Декларация 1996, с. 249–252], в которой в духе идей этнического национализма заявлялось, что РФ должна *быть не только федерацией территорий, но и народов*. Выдвигалось также требование реформировать законодательные и исполнительные органы власти республик с целью «прямого включения коренных народов в процесс выработки, принятия и реализации решений на высшем государственном уровне». Предлагалось сделать парламенты в республиках с финно-угорским населением двухпалатными. В одну из палат выбирать депутатов должны были все граждане республик. Вторую палату предлагалось формировать по «принципу крови», т. е. туда имели бы возможность выбирать депутатов

только представители «коренных народов», каждый из которых в итоге на республиканских выборах получал не один, а два голоса. Фактически же речь шла о том, чтобы этнические антрепренеры, выступавшие от имени своих этнических групп, получили прямой доступ к институтам власти, избегая жесткой политической конкуренции и демократических процедур формирования институтов власти. Собственно вся практика этнонациональных движений финно-угров доказала, что активисты этнических движений стремились к собственному карьерному росту, инкорпорации во властные структуры за счет использования ресурса политизированной этничности. Поэтому ни на один из многочисленных этнических съездов (съездов коми народа, карел, мордвы, удмуртов, марийцев) прямых выборов делегатов организовано не было, а все попытки отдельных реформаторов хотя бы обсудить идею прямых выборов были отвергнуты консерваторами, занявшими прочные позиции в руководстве этнонациональных движений.

Что касается базовых идей идеологии этнонационального движения удмуртов, то они не отличались от идей, проповедуемых финно-угорским движением в целом [Шабаев, Чарина 2010, с. 150–173]. Первая идея – это идея политического и культурного приоритета «коренного народа» над остальными культурными группами, сформировавшимися в республиках, а также вычленение «коренного народа» из республиканских социумов и маркирование его как отдельного и особого социального образования. Отражением этой идеи стало положение Конституции Удмуртской Республики, в котором территориальное сообщество разделено на «народ Удмуртии» и «удмуртскую нацию»³, хотя природа нации – объединение граждан, а не носителей этнических культур. Вторая идея, тесно связанная с первой, – противопоставление этничности и гражданства. Третье базовое положение идеологии этнонационального движения – приоритет групповых прав над индивидуальными правами или правами человека.

Формы презентации этих идей различны, но в последние годы откровенно расистские идеи типа предложения формировать палаты республиканского парламента по принципу крови уже не озвучиваются публично, и в качестве идеологии все больше выступает язык и система этнокультурного образования в целом. Принцип «язык есть власть» широко используется не только в политической практике постсоветских государств, но имеет широкое распространение во всем мире [Kress, Hodge 1979]. А сама языковая политика может быть крайне политизированной и вызывать серьезные противоречия в сложносоставных обществах. Не случайно практика языкового образования, принятая во многих национальных республиках РФ, спровоцировала довольно острый конфликт между различными этническими сегментами населения этих республик, который развивался на протяжении нескольких лет и до сих пор еще не разрешен полностью.

³ Конституция Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_pravit.php

Этнополитические и этнокультурные воззрения молодежи Удмуртии

Мониторинг межэтнической конфликтности в Удмуртии показывает, что потенциал конфликтности здесь существенно ниже, чем в других республиках с финно-угорским населением. Это отмечалось как в 1990-е гг. (см. серию «Феномен Удмуртии»), так и в последнее время. Но это вовсе не означает, что в сфере межэтнического взаимодействия нет проблем. Так, в марте-апреле 2001 г. сотрудники Удмуртского университета провели опрос студентов. Опрос выявил проблемные сферы в межэтнических отношениях, ибо 29% респондентов заявили, что испытывают чувства обиды и унижения в связи со своей этнической принадлежностью. С негативным отношением к себе из-за этнической принадлежности столкнулись 21% русских, 35% татар и 58% удмуртов, причем, как заметили исследователи, доля таковых выросла по сравнению с исследованием, которое было проведено в 1997 г. Очень заметно по некоторым группам респондентов выросла доля тех, кто выступает против межэтнических браков (среди русских с 4 до 10%, среди татар с 12 до 21%, среди удмуртов с 1 до 10%) [Воронцов, Крылова 2002, с. 138]. Для снятия напряженности в последующие годы в республике был предпринят целый ряд мер. Во-первых, была организована система республиканского мониторинга межэтнической конфликтности, которая достаточно эффективно работает. Во-вторых, началась определенная работа по публичной демонстрации многонациональности республики и формированию общей республиканской идентичности. С этой целью недавно стали проводиться конгрессы народов Удмуртии, в работе которых принимают участие представители этнических организаций, ученые, руководители муниципалитетов. Целью конгрессов является «создание эффективной диалоговой площадки для представителей гражданского общества и органов государственной власти, формирование благоприятных условий для этнокультурного развития народов Удмуртии, укрепление межнациональных отношений, пропаганда мира и согласия в республике» [Воронцов, Семенов 2013, с. 460].

Ориентация на интеграционную политику стала постепенно менять общественные настроения. «По данным различных мониторинговых служб Удмуртия отнесена в число субъектов с низкой межэтнической напряженностью. Это подтверждают данные социологического опроса “Удмуртия-2014”, согласно которым 66% опрошенных жителей назвали межнациональную ситуацию в республике спокойной, 14,7% – тревожной, 7,2% – напряженной, 0,3% – взрывоопасной» [Воронцов, Семенов 2014, с. 474]. Тем не менее опрос 2014 г., а также исследование, проведенное в октябре 2019 г., свидетельствуют, что проблемы в сфере межкультурного взаимодействия остаются.

В 2014 г. около трети опрошенных не определяли климат межэтнических отношений как позитивный. Опрос студенческой молодежи, проведенный в Удмуртии, Коми, Мордовии и Марий Эл в октябре 2019 г., показал, что, с одной стороны, 54,3% респондентов

в республике определили межэтнические отношения как «хорошие» или «нормальные», но с другой – остальная часть респондентов оценила их без позитива. Более того, в октябре 2019 г. 79% опрошенных заявили о возможности возникновения межнациональных конфликтов в Удмуртии, т. е. процент тех, кто без оптимизма смотрит на межэтническое взаимодействие в регионе, был очень высок, хотя в Коми, Марий Эл и Мордовии о возможности возникновения межэтнических конфликтов в их республиках заявило примерно столько же молодых людей. И, несмотря на усилия последних лет, только 30% респондентов, согласно данным опроса 2019 г., считают, что в республике сформировалось единое сообщество, объединенное общими интересами и традициями. Это означает, что политика гражданской интеграции пока носит формальный характер, и общереспубликанская идентичность у населения все еще не сформировалась, в то время как общероссийская гражданская идентичность выражена вполне очевидно, ибо 74,3% респондентов желают, чтобы их в первую очередь воспринимали не как представителей этнических групп или регионального сообщества, а как граждан России, при этом гражданами республики себя признают только 59% опрошенных студентов. Как было отмечено выше, общая ситуация в Удмуртии, в том числе этнополитика и этнокультурное развитие, является сложной и противоречивой. Со времени этого исследования прошло почти 20 лет, но названная противоречивость в социальной сфере, сфере экономики и этнополитики остается.

Противоречивость ситуации в республике проявляется и в такой сфере, как языковая политика и этнокультурное образование.

Как известно, язык – носитель культуры, поэтому его значение для культурного развития различных территориальных сообществ крайне велико.

В практике языковой политики в национальных республиках сталкиваются два подхода. Первый подход опирается на идеи лингвистической экологии. Согласно ему, каждый язык должен сохраняться любыми способами, несмотря на экономические издержки и его востребованность в конкретной культурной среде. Сторонники этого подхода рассматривают этнические сообщества с позиций социобиологического подхода, как своего рода коллективные тела. А потому и язык они оценивают соответствующим образом. Так, во введении к красной книге языков России говорится, что «язык каждого народа является не только культурным, но и природным наследием...» [Языки 2002, с. 4]. Натурфилософское понимание культурных явлений позволяет относиться к языкам, как к животным и растениям, и составлять не только красные книги вымирающих видов, но и красные книги языков, хотя культура не является неким застывшим канонем.

Второй подход опирается только на принципы права и базируется на двух ключевых культурных правах – праве на отличие и праве на культурную свободу. Первое право означает, что культурная отличительность (в том числе и в языковой сфере) есть неотъемлемое право каждого человека, а второе означает, что человек сам вправе выбирать себе культурные ценности и навязать их ему нельзя.

Среди российских законодательных актов, регулирующих языковую политику, в первую очередь необходимо назвать закон «О языках народов РСФСР», принятый 25 октября 1991 г. В пункте 3 статьи 2 однозначно провозглашается, что каждому гарантируется право на использование родного языка и «свободный выбор языка общения, воспитания, обучения...»⁴.

Практика языковой политики во многих странах со сложным составом населения существенно различается. При этом отметим, что язык имеет важное символическое значение, и потому объявление языка государственным вовсе не означает, что этот язык обязателен для изучения в системе образования. Так, в Швейцарии четыре государственных языка, но официальное многоязычие не предполагает индивидуального многоязычия и каждый человек вправе сам выбирать себе язык общения. Что касается кантонов, то в каждом кантоне, помимо основного языка, на котором говорит большая часть жителей, местные власти сами выбирают второй язык для изучения в качестве иностранного. В российских республиках местные этнические элиты рассматривают придание языкам титульных этнических групп статуса государственного языка как некое основание для того, чтобы сделать этот язык обязательным для всех школьников, а желательно – для всех жителей республик, независимо от того, сколько людей желают его изучать и сколько признают этот язык родным.

Во всех финно-угорских республиках РФ с начала 1990-х гг. идут дебаты о придании языку титульных этнических групп статуса государственного и принятии соответствующих законов. В Удмуртии удмуртский язык получил названный статус.

Конституция Удмуртии, принятая в 1994 г., признала удмуртский язык государственным. Однако Закон «О государственных языках» был принят только в декабре 2001 г. Он закрепил за удмуртским языком статус государственного.

К тому времени ситуация в языковой сфере существенно усложнилась, но процесс утраты языковых компетенций и ослабления значения удмуртского языка как средства коммуникации началось задолго до принятия закона.

«Доля удмуртов с родным удмуртским языком снизилась за тридцатилетие (1959–1989 гг.) с 77,3 до 61,0%. Лишь в сельской местности удмуртский язык как язык общения сохранил свои позиции, а языковая ассимиляция шла медленнее, чем в городах. В 1959 г. язык своей национальности сохраняло 96,8% удмуртов, а в 1989 г. – 87,5%.

В 1959 г. только каждый второй удмурт (51,9%) указывал родным язык своей национальности. В последующем эта категория лиц составляла 67,6% в 1970 г., 64,4% – в 1979 г., 59,6% – в 1989 г. Данные микропереписи 1994 г. показали, что русский язык занимает доминирующую роль в двух важнейших из трех сфер социализации

⁴ Закон «О языках народов Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base.consultant.ru/cjns/cgi/online/cgi?req=doc;base=LAW;n=38813>

и социально-профессиональной карьеры всего населения Удмуртии, независимо от национальной принадлежности. Лишь только 47,0% удмуртов, 42,9% татар, 24,2% марийцев, 63,8% украинцев в сфере домашних отношений употребляли язык своей национальности. Остальные перешли в основном на русский язык. Преимущественным языком дошкольных учреждений, а также производственной сферы в Удмуртии является русский язык» [Губогло, Смирнова 2001, с. 393–395].

Тем не менее процессы так называемого этнического возрождения первой половины 1990-х гг. оказали заметное влияние на общественные настроения, а на съездах удмуртского народа тема сохранения удмуртского языка стала одной из основных.

Опрос населения Удмуртии, проведенный в 2002 г., показал, что в этой республике 31,7% удмуртов «безусловно согласны» с тем, чтобы удмуртский язык преподавался во всех школах республики в качестве обязательного предмета (еще 35,8% «скорее согласны» с этим, среди русских респондентов «безусловно согласных» лишь 3,0% («скорее согласных» – 14,1%) [Смирнова 2002, с. 487].

Начиная с 2015 г. лидеры «Удмурт Кенеш» стали активно требовать введения обязательного изучения языка во всех школах республики. Поводом к тому стала языковая практика в соседних республиках с финно-угорским населением. В Мордовии обязательное изучение мордовских языков в школах было введено в 2003 г., в Коми – в 2011 г., в Марий Эл – в 2013 г. Но удмуртское руководство в данном случае вполне обоснованно ориентировалось на принципы права, Конституцию РФ и федеральный закон о языках, который предполагал свободный выбор языка обучения, а равно и выбор изучаемых языков. А потому на инициативу удмуртского движения не откликнулось ни в 2015, ни в 2017 г.

Не поддерживало эту идею и население. Данные исследований, проведенных в апреле и мае 2017 г. в ряде регионов РФ (программа разработана Институтом этнологии и антропологии и РАН), в том числе в Республиках Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии (в каждом регионе опрошено по 30 экспертов, 150 учеников 8–11-х классов городских и сельских школ, 150 родителей учеников 1–11-х классов городов и сел республик и 150 студентов вузов), также весьма показательны. Итоги опроса выявили, во-первых, что подавляющее большинство экспертов, родителей школьников, самих школьников и студентов признают значимость этнокультурного образования и выступают за то, чтобы такое образование получало дальнейшее развитие. Во-вторых, что большинство выступают против какого-либо административного диктата в сфере образования. В контексте последнего замечания важно обратить внимание на введенную в ряде республик практику обязательного изучения языков титульных этнических групп всеми учащимися средних школ, независимо от их этнической принадлежности и их желания (опрос был проведен до известного заявления Президента РФ, прозвучавшего в Йошкар-Оле). Как и ожидалось, за обязательное изучение языков титульных групп высказалось меньшинство опрошенных, а идея полного перевода об-

разования на языки меньшинств вообще не получила поддержки, даже со стороны абсолютного большинства респондентов из числа титульного населения республик, в том числе Удмуртии (см. табл. 2).

Таблица 2

Отношение к преподаванию удмуртского языка
в школах Удмуртской Республики, в %

Группа/ вариант ответа	Национальный язык не нужен	Только общее знакомство	Стандартное изучение национального языка	Углубленное изучение	Обучение на национальном языке
Школьники	49,0	25,5	22,2	2,0	1,3
Родители	40,7	38,7	18,6	2,0	0,0
Студенты	40,5	23,0	25,7	10,1	0,7

Источник: опрос апреля-мая 2017 г., проведенный по программе ИЭА РАН

Однако лидеры удмуртского движения упорно настаивали на необходимости введения обязательного изучения удмуртского языка во всех школах республики. И даже после выступления Путина в Йошкар-Оле и принятия поправок к федеральному закону о языках, его деятели продолжали публиковать петиции в поддержку своей идеи, которые направляли в представительные органы власти регионального и федерального уровня.

Апогеем всей этой кампании стало самосожжение удмуртского активиста Альберта Разина 10 сентября 2019 г. перед зданием парламента республики в Ижевске. В своем предсмертном обращении к парламенту он продолжал требовать введение обязательного изучения удмуртского языка во всех школах Удмуртии, начиная с начальных классов и во всех детских садах. Это не было спонтанным выражением недовольства, а отражало давно сформировавшиеся взгляды. Сначала Разин вел активную деятельность в рамках организации «Удмурт Кенеш», но когда понял, что лидеры этой организации не способны изменить культурную ситуацию в республике, вышел из состава ее руководства, увлекся язычеством и стал проводить языческие молебны в поддержку удмуртского языка. Но ситуация в республике не менялась, а поддержка этнических лидеров со стороны подавляющей части удмуртов стала крайне слабой, что приводило идейных сторонников «новой удмуртизации» в состояние фрустрации. Реальное поведение простых членов этнического сообщества разрушало этноцентричные иллюзии элит по поводу возможности глубокой этнизации республиканского социума, а результатом рушившихся идейных конструкций становились культурный шок и так называемые культурные травмы [П. Штомпка 2001], которые болезненно переживали идейные сторон-

ники удмуртизации, а не этнические антрепренеры. Разин относился к первой группе, и он, видимо, не мог найти другого выхода из личного идейного кризиса, кроме публичного акта самосожжения.

Республиканское сообщество Удмуртии было глубоко шокировано произошедшим, при этом ни власти, ни общественность не понимали, как реагировать на случившееся, ибо требования Разина никак не соответствовали конституционному равенству прав граждан, идее культурной свободы, высказанной в «Докладе о развитии человека», подготовленном программой развития ООН еще в 2004 г. [Доклад 2004], а также принципам европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств⁵.

В этом смысле весьма показательным является устойчивость сформировавшихся этнокультурных взглядов, поскольку опрос октября 2019 г., как и предшествующие исследования, показал, что несмотря на трагедию в Ижевске, позиции большей части молодежи не меняются: только 15,7% респондентов (среди которых удмурты составляли более трети) высказались за обязательное изучение удмуртского языка, еще 6,3% посчитали, что обязательным для изучения он может быть, но только для тех, кто сам является удмуртом, а 62,7% сказали «нет» и еще 8,7% выразили категорическое несогласие с такой практикой.

Однако разница в позициях удмуртов и доминантных культурных групп по поводу языкового образования (и не только) все еще остается, и она весьма значительна.

Важной частью этнополитических воззрений молодежи является оценка характера межнациональных отношений в республиках и оценка возможностей возникновения межэтнических конфликтов. И здесь наблюдается явный парадокс. С одной стороны, большинство оценивают их положительно: как «очень хорошие» и «нормальные» их оценили в Удмуртии 54% респондентов. Но, с другой стороны, повсеместно около или более трети студентов выбрали вариант ответа «бывает по-разному» (для сравнения: 30% – в Коми, 35% – в Мордовии, 38% – в Марий Эл, 30% – в Удмуртии). Вряд ли уместно такой характер ответов считать признанием однозначно благоприятного характера межэтнического взаимодействия в регионах с финно-угорским населением. А ответы на вопрос о том, возможно ли возникновение межэтнических конфликтов на территории республик вообще оказались несколько неожиданными: 82% – в Коми, 78% – в Марий Эл, 79% – в Удмуртии и 80% – в Мордовии допускают возможность их возникновения (суммируются варианты ответов «все может случиться» и «да, вполне вероятно»). Это – свидетельство того, что политика гражданской интеграции, последовательное воспитание у молодежи культуры толерантности, укрепление общероссийской идентичности как практическая и важная часть работы местных институтов власти, по существу, провалена.

⁵Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (ETS № 148) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902299>

Об этом же свидетельствуют и те причины, по которым, по мнению респондентов, могут возникнуть межэтнические конфликты в республике (см. табл. 3).

Анализ программ и практики этнокультурного образования показывает, что они носят не гражданский характер, а этноцентричны по своей сути во всех республиках с финно-угорским населением, включая Удмуртию.

Гражданское содержание системы этнокультурного образования и региональной этнополитики в целом в этой связи необходимо всячески усиливать и развивать, а основные средства направлять не на демонстрацию культурных отличий, а на общегражданские проекты, о чем собственно говорилось и 20 лет тому назад.

Таблица 3

Причины, провоцирующие возникновение
межэтнических конфликтов, в %

Причины вероятных конфликтов	Доля респондентов, указавших данную причину
Не очень высокий уровень бытовой культуры и гражданского сознания населения	33
Деятельность этнических и религиозных радикалов	20
Неравенство в сфере доступа к рабочим местам, социальным и культурным благам	18
Непродуманная политика органов власти	12
Другое	3
Затрудняюсь ответить	14

Источник: Опрос студентов, проведенный в октябре 2019 г. в рамках реализации мониторинговых исследований Центра этнополитических и этнокультурных исследований РГГУ.

В этой связи показательно, что наибольшим весом среди причин возможных конфликтов обладают уровень гражданского сознания и деятельность этнических и религиозных радикалов в Удмуртии. Гражданское сознание и в Удмуртии, и в других республиках, действительно, развито слабо. Но важно заметить, что уровень этого сознания и не может быть высоким в тех регионах, где отсутствует последовательная политика гражданской интеграции. Во всех так называемых финно-угорских регионах эта политика отсутствует или предпринимаются лишь отдельные робкие и невнятные попытки создать видимость ориентации местных этнополитических практик на гражданское строительство. Во всяком случае доктринальной основы такой политики не существует, а имеющие место практики

(включая спущенную сверху программу «Укрепление единства российской гражданской нации» и различные декоративные акции, проводимые в ее рамках) крайне неэффективны и ничем не напоминают продуманную политику социального конструирования.

Доказательством отсутствия интеграционной политики является хотя бы тот простой факт, что за 100 лет нациестроительства в национально-государственных образованиях российских финно-угров так и не появилось политонимов для обозначения граждан, составляющих эти политические сообщества. Не случайно также и то, что, как указано выше, только 30% респондентов заявили, что в Удмуртии сформировалось единое республиканское сообщество, спаянное общими интересами и традициями, и только 59% молодых людей, проживающих в Удмуртии, готовы назвать себя ее гражданами.

Почти пятая часть респондентов посчитала, что причиной этнических конфликтов является деятельность этнических и религиозных радикалов. При этом обыватели нередко относят к радикалам не только сторонников ИГИЛ, но и местных этнических активистов, ибо этнические движения были вовсе не свободны от радикальных идей, о чем сказано выше. А потому и влияние этнонациональных движений в республиканских сообществах весьма ограничено и без поддержки местных властей они не смогут функционировать как организованные структуры.

Но дело не в записных активистах и их лозунгах, а в культурных стереотипах, укоренившихся в представлениях региональных элит и характеризующих культурную природу республиканских сообществ. Эти представления по самой своей природе конфликтны и не способствуют формированию прочных региональных сообществ, объединенных идеями гражданской солидарности, а лишь усиливают многочисленные дисбалансы, определяющие социальное развитие Удмуртии.

Заключение

«Феномен Удмуртии» заключается в том, что республика развивается в условиях устойчивых дисбалансов (несоответствий) между уровнем ее социально-экономического прогресса и благосостоянием населения, а также между реальным экономическим, демографическим, политическим и культурным влиянием этнических групп населения и притязаниями их элит.

Регион, судя по данным официальной статистики⁶, в экономическом плане развивается успешнее многих других национальных республик, но уровень благосостояния его населения остается низким. При этом главной своей проблемой на сегодня молодые люди,

⁶Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в январе–ноябре 2019 г.: Оперативный доклад [Электронный ресурс]. URL: https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/D002_19_11.pdf

во время опроса октября 2019 г., назвали финансовые проблемы, а свое будущее они оценивают с весьма сдержанным оптимизмом, выделяя в качестве одной из главных проблем своей будущности трудоустройство. Более того, местные элиты до сих пор не смогли предложить республиканским сообществам ясную и понятную перспективу социально-экономического развития регионов. В Удмуртии только 7,8% молодых людей указали, что представляют себе пути дальнейшего развития республики. А там, где нет ясной перспективы будущего развития региона, нет и стимулов оставаться. Ситуация в сфере миграционных настроений молодежи Удмуртии схожа с другими республиками с финно-угорским населением, ибо 45,7% студентов заявили, что намерены выехать из республики и примерно равные доли выбрали местом въезда другой регион РФ или зарубежные страны.

Этнические элиты и удмуртское этнонациональное движение оказались в кризисе и в культурной изоляции, свидетельством чего и стал поступок А. Разина.

Их взгляды на место удмуртов в республиканском сообществе, на языковую политику и этнокультурное образование вступают в противоречие не только со взглядами большей части молодых людей, представляющих доминантное культурное сообщество, но и со взглядами значительной части удмуртской молодежи.

Лидеры удмуртского движения продолжают придерживаться этноцентричных взглядов на природу местного сообщества, полагая, что удмурты – это основа республиканского социума, явно противопоставляют друг другу этничность и гражданство, в то время как для подавляющей части молодежи республики (около 80%), как показали результаты опросов студенческой молодежи 2017 и 2019 гг., наиболее значимой является не этническая принадлежность, а гражданская идентичность, т. е. согражданство.

И более того, можно констатировать, что, судя по результатам указанных выше опросов, социальный запрос на политику интеграции в Удмуртии (как и других национальных республиках) выражен более чем очевидно (во всяком случае, у молодежи). Столь же очевидно и то, что этническая идентификация перестала быть для большинства жителей республики значимой формой социального тождества, особенно для молодого поколения. И тем не менее формальные и неформальные лидеры удмуртского движения продолжают настаивать на необходимости глубокой этнизации республиканского сообщества.

Этому способствует, как сказано выше, отсутствие продуманной и целенаправленной региональной политики гражданской интеграции. А если оценивать республиканские политические практики в целом, то они не отвечают интересам ни молодежи, ни общим интересам республиканского сообщества (что также зафиксировали результаты опроса, показавшие одновременно весьма низкий уровень доверия почти ко всем институтам власти), а также пока плохо согласуются с целями и задачами, изложенными в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации».

Отсюда вытекает необходимость серьезного усиления гражданских начал в республиканской модели этнополитики с тем, чтобы этнополитические и этнокультурные противоречия между различными сегментами республиканского социума не переходили в открытое противостояние.

Литература

- Воронцов, Крылова 2002 – *Воронцов В., Крылова А.* Удмуртия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад–2001 / Под общ. ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 7–10.
- Воронцов, Шабаев, Шаров, Шилов 2005 – *Воронцов В.С., Шабаев Ю.П., Шаров В.Д., Шилов Н.В.* Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения / Ред. В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев // Институт этнологии и антропологии РАН. Документ № 183. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». М.: ИЭА РАН, 2005. С. 3–55.
- Воронцов, Семенов 2013 – *Воронцов В.С., Семенов Ю.В.* Удмуртская Республика // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга 2012 / Под ред. В. Тишкова и В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 455–464.
- Воронцов, Семенов 2014 – *Воронцов В.С., Семенов В.Ю.* Удмуртская Республика // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга–2014 / Под ред. В. Тишкова и В. Степанова. Т. 2. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 465–476.
- Геллнер 1991 – *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/gellner_ernest/natsii_i_natsionalizm.html (дата обращения 19.03.2020).
- Губогло, Смирнова, 2001 – *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии // Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М.: ЦИМО, 2001. 491 с.
- Декларация 1996 – Декларация «О реализации суверенных прав финно-угорских народов России в условиях новой системы федеративного устройства» // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1: Национальные движения Марий Эл / Сост. С.М. Червонная. М.: ИЭА РАН, 1996. 326 с.
- Доклад 2004 – Доклад о развитии человека–2004 // Культурная свобода в современном многообразном мире. М.: Весь Мир, 2004. 328 с.
- История 2004 – История Удмуртии. Конец XV – начало XX века / Ред. К.И. Куликов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 549 с.
- Кардинская 2006 – *Кардинская С.В.* Этничность в идеологических конструкциях удмуртских СМИ // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 54–60.
- Смирнова 2002 – *Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.; Ижевск: ИЭА РАН, 2002. 551 с.
- Удмурты 1993 – Удмурты: Историко-этнографические очерки / Ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ, 1993. 392 с.
- Шабаев, Чарина 2010 – *Шабаев Ю.П., Чарина А.М.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: СПбГУСЭ, 2010. 308 с.

- Шабаев 2015 – *Шабаев Ю.* Дело СОФИН // Уральская языковая семья: регионы, страны и народы: Этнополитический справочник / Ред. Ю.П. Шабаева, А.П. Садохина, В.Э. Шарапова. 2-е изд., доп. и испр., илл. М.; Берлин, 2015. С. 143–145.
- Штомпка 2001 – *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.
- Языки 2002 – Языки народов России // Красная книга. М.: Academia, 2002. 392 с.
- Esman 1994 – *Esman M.* Ethnic Politics. New York: Cornell University Press, 1994. 227 p.
- Kress, Hodge 1979 – *Kress G.R., Hodge R.* Language as Ideology. London: Routledge, 1979. 163 p.
- Parekh 2008 – *Parekh B.* A new politics of identity: political principles for an independent work. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008. 320 p.
- Rothschild 1981 – *Rothschild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981. 290 p.
- Waldinger 1990 – *Waldinger R., McEvoy D. and Aldrich H.* Spatial dimensions of opportunity structures // Ethnic Entrepreneurs: Immigrant Business in Industrial Societies. London: Sage, 1990. P. 106–130.

References

- Declaration (1996), “O realizatsii suverennykh prav finno-ugorskikh narodov Rossii v usloviakh novoi sistemy federativnogo ustroystva” [On the realization of the sovereign rights of the Finno-Ugric peoples of Russia in the new system of federal structure], in Chervonnaya S.M. (ed.), *Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Mariy El*, vol. 1, Moscow, 326 p.
- Doklad o razviti cheloveka–2004. Kulturnaya svoboda v sovremennom mnogoobraznom mire* (2004) [Human Development Report 2004, Cultural Freedom in a Diverse World Today]. Moscow, 328 p.
- Esman (1994), *Ethnic Politics*. New York: Cornell University Press, 227 p.
- Gellner, E. (1991), *Natsii i natsionalizm* [Nation and nationalism] [Elektronii resours], Moscow: Progress. [Online], URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gellner-ernest/nacii-i-nacionalizm> (Accessed 19.03.2020).
- Guboglo, M.N., Smirnova, S.K. (2001), *Fenomen Udmurtii. Paradoksy etnopoliticheskoi transformatsii na iskhode XX veka* [The phenomenon of Udmurtia. Paradoxes of ethno-political transformation at the end of the twentieth century], Moscow, 491 p.
- Istoriia Udmurtii. Konets XV – nachalo XX veka* (2004) [History of Udmurtia. The end of the XV – the beginning of the twentieth century], in Kulikova K.I. (ed.), Izhevsk, 549 p.
- Kardinskaya, S.V. (2006), “Etnichnost v ideologicheskikh konstruktsiiakh udmurtskikh SMI” [Ethnicity in the ideological constructions of the Udmurt mass media], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, No. 6, pp. 54–60.
- Kress, G.R., Hodge, R. (1979), *Language as Ideology*. London: Routledge, 1979. 163 p.
- Parekh, B. (2008), *A new politics of identity: political principles for an independent work*, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 320 p.
- Rothschild, J. (1981), *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*, New York: Columbia University Press, 290 p.
- Shabaev, Yu., Charina, A.M. (2010), *Finno-ugorskii natsionalizm i grazhdanskaya konsolidatsiya v Rossii (etnopoliticheskii analiz)* [Finno-Ugric nationalism and civil consolidation in Russia (ethnopolitical analysis)], St. Petersburg, 308 p.

- Shabaev, Yu. (2015), “Delo SOFIN” [Case SOFIN], in Shabaev Yu., Sadokhin A., Sharapov V. (eds) *Uralskaya yazykovaya semiya: regiony, strany i narody. Ethnopoliticheskiy spravochnik*. Second edition, supplemented and corrected, illustrated. Moscow, Berlin, 143–145 pp.
- Shtompka, P. (2001), “Kulturnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve (stat’ya vtoraya)” [Cultural trauma in a post-communist society (second article)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, No. 2, pp. 3–12.
- Smirnova, S.K. (2002), *Fenomen Udmurtii. Etnopoliticheskoe razvitiie v kontekste post-sovetskikh transformatsii* [The phenomenon of Udmurtia. Ethnopolitical development in the context of post-Soviet transformations], M., Izhevsk. 551 p.
- Udmurty: istoriko-geograficheskie ocherki* (1993) [Udmurts: historical and ethnographic essays] in Pimenov V. (ed.), Izhevsk. 392 p.
- Vorontsov, V., Krylova, A. (2002), “Udmurtia” [Udmurtia], in Tishkov V. and Filipova E. (eds) *Mezhetnicheskie otnosheniya i konflikty v postsovetskikh gosudarstvakh. Ezhegodnyi doklad 2001*, Moscow, pp. 7–10.
- Vorontsov, V.S., Shabaev, Yu.P., Sharov, V.D., Shilov, N.V. (2005), “Finno-ugorskie narody Rossii: obshee polozhenie, problemy i resheniia [Finno-Ugric peoples of Russia: general situation, problems and solutions], in Tishkov V., Shabaev Yu. (eds), Series *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii Instituta etnologii i antropologii RAN*, Document No. 183, Moscow, pp. 3–55.
- Vorontsov, V., Semenov, Yu. (2013), “Udmurtskaya Respublika” [Udmurt Republic], in Tishkov V. and Stepanov V. (eds) *Etnopoliticheskaya situatsiia v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh. Ezhegodnyi doklad seti etnologicheskogo monitoring 2012*, Moscow, pp. 455–464.
- Vorontsov, V.S., Semenov, Yu.V. (2014), “Udmurtskaya Respublika” [Udmurt Republic], in Tishkov V. and Stepanov V. (eds), *Etnopoliticheskaya situatsiia v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh. Ezhegodnyi doklad seti etnologicheskogo monitoring 2012*, Vol. 2, Moscow, pp. 465–476.
- Waldinger, R., McEvoy, D. and Aldrich, H. (1990), “Spatial dimentions of opportunity structures”, *Ethnic Entrepreneurs: Immigrant Business in Industrial Societies*, London, Sage, pp. 106–130.
- Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga* (2002) [Languages of the peoples of Russia. Red Book], Academia, Moscow, Russia, 392 p.

Информация об авторах

Шабаяв Юрий Петрович, доктор исторических наук, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН; 167982, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24;

Институт гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Республика Коми, Россия; 167001, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55; yurshabaev@mail.ru

Миронова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Республика Коми, Россия; 167982, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24; sidnar@mail.ru

Information about the authors

Yuri P. Shabaev, Dr. of Sci (History), FIC Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; bld. 24, Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167001;

Institute of Language, Literature and History; bld. 55, Oktybrskiy prospekt, Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982; yupshabaev@mail.ru

Natalija P. Mironova, Cand of Sci (History), FIC Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; bld. 24, Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982; sidnap@mail.ru

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Л.Г. Сулова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 07.02.2020.
Формат 70 × 100¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 9,6.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1041

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru